

АНДРЕЙ
ЛИВАДНЫЙ
ОРУЖИЕ
ТРАНСПОРТ ДО ВЕЗЕЛВУЛА
ЭКСМО

Annotation

3771 год.

Корпоративная Окраина, живущая по своим законам, на протяжении сотен лет являлась пространством, подчинённым власти денег. Однако всему когда-то приходит конец. Закон «О правах разумных существ» приходит сюда вместе со сменой колониальной администрации. Однако корпорации Окраины не собираются сдавать свои позиции без боя, тем более, когда речь идёт о сверхприбылях, получаемых от добычи синтетического наркотика, образующегося на токсичной свалке отходов, в которую превращена планета Везелвул.

Андрей Ливадный Транспорт до Везелвула (ЭКСПАНСИЯ: История Галактики — 25)

Пролог

13 апреля 3971 года по Галактическому календарю

Ежемесячное обозрение «Все миры»:

«Как уже неоднократно упоминалось в наших публикациях, Корпоративную Окраину, которая долгое время являлась „не подконтрольной никаким законам территорией“, в последние два месяца потрясла целая цепь скандалов. Это напрямую связано с изменением политики Аллора в отношении территорий, находящихся под юрисдикцией колониальной администрации

Как заявил пресс-секретарь администрации, решений Совета Безопасности миров никто не отменял и „Договор о правах разумных существ“, подписанный Аллором в 3723 году, продолжает действовать, распространяя свое влияние на территории всех планет

Созданная при колониальной администрации Аллора специальная комиссия начнет свою работу с облета всех освоенных планет сектора, после чего объединенный парламент Окраины, заслушав доклад комиссии, будет принимать соответственные решения относительно статуса некоторых территорий, которые в данный момент находятся под негласным контролем десятка наиболее мощных промышленных корпораций Окраинных миров

Пока еще рано судить, к чему приведет подобный шаг колониальной администрации. Будет ли это успешной попыткой реанимации закона „О правах разумных существ“ на огромной территории дикого, едва освоенного космоса, или данная попытка приведет к новой вспышке гражданских и корпоративных войн в секторе, покажет действительное развитие событий в ближайшем будущем…»

(Из обзорной статьи третьего номера ежемесячного обозрения «Все миры» от 13 апреля 3971 года).

30 апреля 3971 года по Галактическому календарю. Окраина…
Система звезды Онтарио, планета Омикрон-9. Комплекс зданий центрального офиса корпорации «Генезис»

Два человека неторопливо шли по аллее искусственного сада, разбитого под стеклянным куполом на плоской крыше одного из

небоскребов.

Старшему на вид можно было дать лет шестьдесят — семьдесят, но спортивное сложение и одежда чуть скрадывали возраст. Старик шел, заложив руки за спину и глядя себе под ноги. Двигался он неторопливо, словно бы экономя силы на каждом движении. Седые волосы старика чуть трепал ветер, который изредка врывался в аллею, пропускаемый под купол через специальные отверстия. Эти дуновения уносили пряный запах искусственных джунглей, слегка волнуя листву экзотических деревьев и наполняя аллею тихим вкрадчивым шорохом.

Шагавший рядом со стариком молодой человек лет двадцати пяти имел с ним явное фамильное сходство. Его руки, точно так же сцепленные за спиной, сжимали небольшой продолговатый корпус мобильного коммуникатора дальней связи.

Его одежда резко диссонировала с неброским костюмом собеседника — дорогая, весьма элегантная тройка из темного материала, которая очень хорошо сидела на его стройной, подтянутой фигуре, должно быть, стоила целое состояние. На мысль об этом наводили запонки из тусклого коричневатого металла и подобранные в тон им часы с массивным браслетом. Если предположить, что металл на часах и запонках не был подделкой, то молодой человек носил на себе уже не одно, а целых два состояния.

Они негромко беседовали, причем говорил в основном молодой, а старик лишь кивал, внимательно слушая и изредка вставляя свои замечания.

Вслед за ними под сенью образующих аллею деревьев двигался еще один участник этой сцены.

Он был одет намного скромнее своего хозяина и старался держаться на почтительном расстоянии от прогуливающейся по аллее пары, в то же время ни на миг не выпуская их из поля зрения. Он двигался бесшумно, словно призрак. Его правая рука, на которой в дань моде красовалось несколько массивных ювелирных изделий, лежала на теплой рукояти автоматического импульсного пистолета. На запястье левой был укреплен миниатюрный детектор движения, на который он бросал беглые взгляды.

Этот, третий, участник событий был очень высоко оплачиваемым телохранителем, и, по сути, ему не следовало обращать внимание на разговор двух самых значимых и влиятельных людей системы Онтарио, но так уж случилось, что акустика помещения, в котором раскинулся этот дивный сад, доносила до его слуха многое из того, о чем неторопливо беседовали нынешний глава корпорации «Генезис» и его наследник.

А говорили они о вещах более чем любопытных.

— Значит, ты решил, что существует угроза нашему производству? — Роберт Итем остановился на перекрестке аллей и повернулся к сыну, который почтительно, но без всякого намека на подобострастность остановился возле него, внимательно склонив голову, чтобы хорошо слышать сиплый голос отца.

— У нас возникло несколько серьезных проблем, отец, — ответил он, глядя куда-то за прозрачный купол, сквозь материал которого ясно просматривались пирамидальные крыши городских небоскребов. — Золотые времена полной анархии постепенно начинают отходить в прошлое, и мне приходится пересматривать политику компании относительно многих ключевых вопросов, — спокойно доложил он. — В данном случае это связано с известными тебе трудностями. Добыча редких элементов из радиоактивных отходов и прочей высокотоксичной концентрированной дряни — это весьма прибыльное, но ужасно нетехнологичное производство. Ну а когда начинают вмешиваться разного рода некоммерческие ведомства, ситуация перестает быть таковой, — не скрывая своего раздражения и озабоченности, заключил он.

— Речь идет о Везелвуле,[1] насколько я понял? — спросил Роберт Итем, возобновляя свое неторопливое продвижение по аллее.

— Да, отец, — подтвердил его догадку Эрик. — В этом, как и в прошлом, году наблюдается устойчивая тенденция к снижению прибыли, а в последние месяцы положение стало просто недопустимым.

— А в чем дело? — неожиданно резко спросил старый Итем, остановившись. — Разве ты не используешь бесплатную рабочую силу заключенных колониальной тюрьмы? По-моему, это делает производство вполне рентабельным!

— Да, но лоббирование наших интересов в колониальной администрации с каждым годом становится все дороже, ты же знаешь, — разведя руками, спокойно возразил его сын. — Идея с колониальной тюрьмой была гениальна полвека назад, когда ты начинал разработку Везелвула, но теперь это уже не оправдывает тех расходов, что мы несем на содержание чиновников, защищающих наши интересы на Аллоре. Ты уже в курсе, что они затевают тотальную проверку всех планетных систем?

— Да, мне докладывали об этом.

— Везелвул-12 числится в рабочем списке комиссии.

— И что ты предлагаешь? — прищурившись, спросил старый глава корпорации. — Раз ты затеял этот разговор, значит, у тебя уже есть какие-то

мысли?

— Да, отец, — охотно подтвердил Эрик. — Меня больше не устраивает балансирование на грани фола, — пояснил он, вновь сцепив руки за спиной, как это постоянно делал отец. — Все эти экологи, экзобиологи и прочая братия из департамента внешних поселений, которых ты в свое время допустил на планету, год от года становятся все наглее и настойчивее в своих требованиях, — не скрывая своего гадливого отношения к перечисленным категориям людей, раздраженно сообщил он. — Это наносит существенный вред — мы не можем делать крупных капиталовложений для открытия новых производств и модернизации старых, потому что они грозят приостановить действие лицензии на разработку токсичных свалок в том случае, если прекратится финансирование их работ по изучению и преображению Везелвула.

— Печально… — усмехнулся старый Итем. — Скажи, а разве им нельзя заплатить?

— Нет… — покачал головой Эрик. — Я бы не стал этого делать.

— Из принципа?

— По многим соображениям. Есть гораздо более радикальные способы решения данной проблемы, которые к тому же гарантируют стопроцентный успех.

— Неужели? — Старик покачал головой, с долей сомнения взглянув на сына, которым исподволь любовался. — Я думал, что моя идея с колониальной тюрьмой и прикармливанием всех этих лоботрясов из администрации колоний — самый верный путь к цели, — высказал он свою мысль.

— Сожалею, отец, — вздохнул молодой человек, — но это уже вчерашний день. Расчеты показывают, что от тотальной автоматизированной разработки Везелвула мы получим астрономическую прибыль.

— А ты хорошо подумал? — вновь нахмурился отец. — Моя политика привела к тому, что «Генезис» выглядит наиболее «чистым» на фоне иных корпораций. Почитай прессу, сынок, и ты увидишь, что нас называют чуть ли не гарантом мира на Окраине. Мы создали неплохую рекламу колониальным властям, вкладывая деньги в расчистку территорий и преобразование атмосферы Везелвула.

— Все это политические дивиденды, отец, — возразил Эрик — Надеюсь, ты не собираешься баллотироваться в президенты Аллора?

— Нет, — покачал головой старый Итем. — Не собираюсь.

— Времена меняются, отец, — вновь настойчиво повторил Эрик. — И

все прошлые заслуги «Генезиса» могут обернуться громким скандалом, если кто-то узнает об истинном положении дел. Ну хотя бы о том, что на планетоиде четыре сотни лет существует жизнь, которую, согласно законам, уже можно назвать «исконной». Раньше этим просто не интересовались, а теперь все может рухнуть в один день только из-за того, что кто-то на Аллоре вспомнил про мифический договор многовековой давности.

— Да, скверно… — согласился отец, что-то обдумывая. — Но ведь ты понимаешь, что мы не можем свернуть производство и уйти с Везелвула по одной причине…

— Ты имеешь в виду разработку сетрония?

— Именно. Пока все убеждены, что его возможно получить лишь в лабораторных условиях. Или это уже не так?

— Все так, отец. Экспорт сетрония и других элементов «третьей группы», это тот столп, на котором покоится «Генезис». После того как наши войска раздавили «Индо-системз», у нас не осталось никаких конкурентов. Поэтому я считаю, что нельзя раздавать взятки, — при этих словах во взгляде молодого Итема промелькнуло что-то столь жесткое и холодное, что эта внезапная искра ненависти заставила мысленно поежиться даже его отца… — Это не решит проблему, — пояснил Эрик. — Нужно принять радикальное решение.

— Какое? — старый Итем знал своего сына и был уверен, что решение уже есть, иначе тот бы не затеял этого разговора.

— Я считаю, что солнцу Везелвула пора погаснуть… — спокойно сообщил Эрик.

Бровь Роберта Итема удивленно поползла вверх.

— Вот как? И что это даст?

— Очень многое. Мы потерпим месячные убытки, но зато в ближайшем будущем все права на Везелвул полностью отойдут «Генезису», — это просчитано и уже практически организовано.

Глава корпорации вновь задумался, но на этот раз пауза оказалась дольше, чем прошлая.

Старый волк, которому на своем веку пришлось сожрать не одно конкурирующее предприятие или неугодный департамент, сразу ухватил суть сказанного. Мысленно он уже аплодировал сыну за столь изящное решение проблемы.

Конечно, ему было жаль той системы, что вот уже пятьдесят лет исправно функционировала на Везелвуле, но, может быть, его сын прав, и времена изменились?

«Крепкая у них хватка… — невольно подумал старый Итем. — Они жестокие… и умные».

— Да… планета без солнца не понадобится никому, ни колониальной администрации, ни Аллору, ни экологам с их бредовыми идеями планетарной инженерии, — старый Итем усмехнулся собственным мыслям.

Эрик удовлетворенно кивнул. Он знал, что отцу придется по душе такая идея, но он слишком боялся и уважал Старика, чтобы действовать без его ведома.

— По расчетам, полное разрушение атмосферы произойдет в течение двух недель, — сообщил он. — Как раз к прилету комиссии по колониям там не будет ничего, кроме льда и вакуума. В памяти поколений «Генезис» останется той единственной фирмой, что боролась за преображение Везелвула, но обстоятельства оказались выше всех усилий, — произнеся это, Эрик усмехнулся и взглянул на отца. — Нет трупа, нет и проблемы. Комиссия посмотрит на мертвый кусок обледеневшего радиоактивного камня и поймет, что тут уж ей делать абсолютно нечего. Ну а технологии безатмосферной разработки позволят нам восстановить производство и повысить уровень добычи в десятки раз, но уже не будет никаких экологических или нравственных проблем.

— А как быть с тюрьмой? — поинтересовался старый Итем

— Отец, искусственное солнце Везелвула функционирует уже добрые четыреста лет без должного присмотра и обслуживания, — ненавязчиво напомнил ему Эрик. — Ты же сам прекрасно знаешь историю этой космической помойки. Пора бы произойти сбою или катастрофе. Разве нас можно будет обвинить в этом? По-моему, контроль за искусственной звездой не входит ни в какие договорные обязательства.

Роберт Итем остановился, погрузившись в созерцание небольшого водопада.

Его сын был прав. Эти чинуши из департамента внешних поселений совсем зажрались. Стоит поставить их на место. Ну а что касается людей… Пара экологических экспедиций, персонал тюрьмы да заключенные — невелика потеря в пересчете на вероятную прибыль от безатмосферной разработки Везелвула при помощи современных автоматических средств. А колониальная администрация, после того как планета превратится в замерзший кусок камня, будет по пятам бегать за тем, кто захочет купить исключительные права на такое гиблое и бесперспективное место. Ремонт звезды они явно не потянут, на это не хватит никаких бюджетов… Да и было бы из-за чего, поморщился Итем, правильно подметил Эрик, —

космическая помойка, и этим все сказано. Умный мальчик. А главное — жесткий в бизнесе, без лишних сантиментов и комплексов. Никто ведь не знает, что там, в этих самых болотах, образуется сетроний, один грамм которого стоит бешеных денег, подумал он и, подняв взгляд на сына, одобрительно кивнул:

— Действуй. Я надеюсь, что у тебя все продумано?

— До мелочей, отец. Мой человек на Везелвуле уже ждет соответствующего приказа.

— Надежный?

— Могила… — криво усмехнулся Эрик. — Шер, подойди к нам! — обратился он к экзотическим зарослям, раскинувшимся по обе стороны аллеи.

Спустя несколько секунд оттуда беззвучно вынырнул высокий человек с крупными, броскими чертами лица.

— Это мой телохранитель и доверенное лицо для особо важных поручений, — представил его Эрик. Дождавшись, пока отец удовлетворенно кивнул, он похлопал Шера по плечу и доверительно сказал: — Я слышал, ты приобрел «Нову», Шер?

На бесстрастном лице телохранителя промелькнула тень беспокойства. Несмотря на самообладание, он заметно напрягся.

— Не хочешь «обкатать» покупку? — Тон Эрика из доверительного стал жестким и холодным. — Нужно провернуть небольшое дело. Слетаешь на один богом и людьми забытый мирок. Там найдешь указанного мной человека и заставишь его произвести определенные операции. Подробные инструкции получишь отдельно. Главное, убрать исполнителя и мигом исчезнуть оттуда, понял?

Заметив, что в глазах Шера промелькнуло откровенное недоумение, он рассмеялся и пояснил, вновь похлопав того по плечу:

— Там произойдет катастрофа, Шер. Большая, печальная, непоправимая катастрофа…

Часть первая. Нежить

Глава 1

Снег был ослепительно белым, искрящимся в свете прожекторов, а следы на нем — неестественно красными, броскими, неуместными…

По плитам космопорта пронзительный ветер стлал жгучую поземку. Тощий пес, с впалыми боками и обрывком цепи на шее, жадно лизал запятнанный кровью снег, боязливо косясь в сторону опрокинутой набок треноги тяжелого бластерного орудия.

Из распахнутых ворот складских терминалов доносился тихий заунывный вой…

Бьющие с вышек прожектора освещали занесенные снегом пустующие квадраты старто-посадочных полей, а выбитые окна складских помещений хищно скалились острыми зазубринами прозрачного пластика.

Собака, свалявшаяся шерсть которой уже не могла скрыть выпирающие наружу ребра, вдруг бросила лизать окровавленный снег, подняла голову, устремив во тьму полный отчаяния взгляд, и тихо зарычала. При этом ее верхняя губа злобно вздернулась, обнажив желтые резцы.

Из темноты приближалось Нечто.

Внешне это был человек, но пса не могла обмануть ни одежда, ни бледное, словно пятно снега, лицо. Пес зарычал еще громче, инстинктивно отпрянув из освещенного прожекторами круга.

ОНО не пахло человеком. ОНО было другим.

Примитивный мозг животного воспринимал это как очевидный факт. Под холодной, чуть синеватой от мороза кожей скрывалось что-то противоестественное, и пес ощущал это каждой клеточкой своего тощего тела…

Гуманоид, не обращая внимания на собаку, которая продолжала пятиться в темноту, вошел в круг яркого света. Он был высок, но сложен нескладно. Яйцеобразный, лишенный волос череп блестел в холодном свете, и снежинки не таяли на нем. Кожа существа казалась холодной, такой же холодной и голубоватой, как хрустящий под подошвами ботинок свежий наст.

Задрав голову, он посмотрел на гроздья прожекторов, потом опустил взгляд, равнодушно скользнув им по заиндевевшим телам возле перевернутой бластерной пушки, и пошел дальше, в сторону открытых ворот грузового терминала.

Пес, затаившийся во тьме, не выдержал и завыл.

Он являлся одним из последних живых существ, оставшихся на планете, и чувствовал, как холодный ветер выдувает остатки жизни из его отощавшего тела. Если бы он мог, то кинулся бы вслед за существом, чтобы вонзить свои клыки в его холодную голубую плоть, но подсознательный ужас оказался сильней.

Он мог только выть — от бессилия, от холода и леденящего, непонятного его мозгу, ирреального страха.

* * *

Снег все шел и шел, потом он прекратился, словно в небесах истощились запасы колючих снежинок.

Давно прошли все мыслимые сроки, а рассвет не наступал. Холод проникал все глубже, сковывая землю; деревья, зеленая листва которых была покрыта шапками снега, клонили вниз отягченные ветви. Вокруг царила глубочайшая тишина. Злой ветер, несколько суток дувший без перерыва, наконец унялся.

Одними из немногих звуков, что нарушали немой покой замерзающего планетоида, были сухое потрескивание и тихий звон, когда очередная ветвь какого-либо дерева, не выдержав тяжести снежных шапок, вдруг ломалась и падала на застывшую землю, разлетаясь вдребезги, будто была сделана из стекла.

Среди этой необыкновенной тишины жили еще и иные звуки, но они раздавались очень далеко от тех земель, что культивировали и освоили люди.

За бетонными дорожками, квадратами зданий и куполами ангаров, за стройными лесопосадками начиналось пространство, куда люди приходили лишь по принуждению. Здесь никогда не росли деревья. Огромные площади занимала бугристая равнина, испятнанная кляксами бездонных топей. Покрытая бурой плесенью поверхность пузырилась зловонными испарениями, над участками изменчивой, зыбкой почвы то и дело вспыхивали блуждающие огни; иногда свечение становилось столь ярким, что походило на беснующееся у самой земли полярное сияние.

Тут, среди гибельных для всего живого топей, располагались конусные башни атмосферных процессоров. Сейчас они натужно ревели, пытаясь пополнить запасы исчезающего воздуха. На эфирных частотах от башни к башне, от компьютера к компьютеру неслись зловещие сигналы тревоги.

Никто не слышал их. Отвечать на призывы компьютеров было

некому… Лишь смутные уродливые тени изредка появлялись в окрестностях перегруженных атмосферных процессоров, оглашая странную равнину тоскливыми, жуткими воплями…

Впрочем, среди этих проявлений явной нежити, там, где в зловонных топях возвышалась старая насыпь, на которой кое-где еще сохранились остатки давно заброшенной дороги, присутствовал намек на нечто человеческое и обитаемое.

То были серые утилитарные постройки давно законсервированного за ненадобностью форта, вот уже несколько столетий не посещаемого никем, кроме голубокожих жителей отравленных болот.

И тем не менее там присутствовала жизнь.

На плоской крыше одного из зданий громоздились установленные тут совсем недавно антенны, по своей конструкции схожие с теми, что монтировались на станциях Гиперсферной Частоты, предназначенных для глубокой межзвездной связи. Разница была лишь в том, что конструкции являлись самодельными и очень маломощными.

В данный момент они работали. Тихо гудели установленные прямо на крыше генераторы низкочастотных полей, выкачивая драгоценные, невосполнимые эрги из систем обогрева нескольких обитаемых зданий.

Конечно, этого было недостаточно, чтобы послать полноценный межзвездный сигнал, но комплекс продолжал работать, и его голос, устремленный вверх в виде способных проникнуть сквозь метрику трехмерного пространства волн, походил на едва слышный шепот умирающего:

«ВСЕМ, КТО НАС СЛЫШИТ. ГОВОРИТ КОЛОНИЯ ВЕЗЕЛВУЛА. SOS! SOS! SOS!..»

Последняя аббревиатура повторялась до тех пор, пока в системе передающего устройства оставалась энергия.

Весь парадокс заключался в том, что официальное поселение колонии на Везелвуле находилось в пятидесяти километрах южнее, и именно оно должно было послать подобный сигнал, но передатчики космопорта молчали.

Потом умолк и этот, исходящий со стороны болот шепот.

Прошло еще несколько суток, и атмосфера вновь помутнела. На безмолвную землю, на мертвые дома, пустой космопорт, зеленовато-белые леса и бескрайние, пузырящиеся ядовитыми испарениями топи неосвоенных пространств, начали беззвучно падать большие хлопья

замерзшего воздуха.

Это был последний снегопад. Атмосфера замерзала, падая на планету неправдоподобно большими, чуть голубоватыми хлопьями кислородного снега.

Они, как саван, укрывали следы внезапно застывшей цивилизации.

В полной темноте продолжали жить лишь два источника света, расположенные в окрестностях самого крупного поселения планеты.

Одним из них был пустой космопорт, а другим — мрачное здание колониальной тюрьмы для особо опасных преступников.

По иронии судьбы именно эти два сооружения имели собственные, автономные источники энергии.

12 мая 3971 года по Галактическому календарю. Система Везелвул-12. Здание колониальной тюрьмы строгого режима

Первым его ощущением был холод.

Дикий, пробирающий до самых костей холод, от которого хотелось кричать. Однако тело, туго спеленатое жгутами проводов, идущих от десятков облепивших кожу датчиков систем жизнеобеспечения, не могло даже пошевелиться. Для человека, только что очнувшегося в собственной низкотемпературной могиле, эти провода и шланги являлись непомерным, обременительным грузом.

Разлепить веки — и то был тяжкий труд.

Рефлекторная дрожь ресниц привела лишь к тому, что, кроме холода, до пробуждающегося сознания дошел тусклый желтый свет.

Это еще нельзя было назвать жизнью. Заторможенная попытка что-то вспомнить или хотя бы понять — где он, что с ним, почему так холодно и откуда идет эта изматывающая дрожь, — то был первый проблеск пробудившегося сознания.

Внутри цилиндрической камеры криогенного сна тихо и монотонно вздыхали насосы. Какие-то жидкости нездорового желтого цвета мерными толчками двигались по прозрачным трубкам. Слоистым туманом плавали пласты пробуждающего газа…

Память возвращалась очень медленно и не несла в себе ничего утешительного…

Николай фон Риттер приходил в себя.

Он был заключенным.

Приговор суда — вечное поселение. К его услугам — любая из сонма адских планет, где такие, как он, гибнут сотнями.

Жестокая реальность Корпоративной Окраины. Тут человеческая жизнь стоила во сто крат дешевле, чем иная из бытовых машин…

Реанимация памяти продолжалась. Это был медленный, болезненный, но необратимый процесс.

Он уже вспомнил свое имя, и если бы его покрытое смертельной бледностью лицо оказалось способно к мимике, то он бы усмехнулся — криво и невесело, как делал это его прапрадед, фамилию которого носил Николай. Гуманность цивилизованных законов была лишь фарсом, испокон веков призванным заткнуть глотку крикливым борцам за права человека. У понятия «смертная казнь» всегда находилось достаточное количество более благозвучных аналогов. Например, «вечное поселение». Обслуживание станций переработки атмосферы, особенно там, где исходный продукт — чистый яд, — это удел для роботов и заключенных. Нечто более гуманное, чем электрический стул, газовая камера или публичная аннигиляция.

Бежать с таких миров невозможно, а выжить там больше года — тем более.

Отчего же так холодно?..

Ответ был прост: его размораживали. Выводили из состояния низкотемпературного сна, в котором он пребывал с того момента, как был оглашен приговор суда.

Значит, корабль уже разгрузился и улетел…

Николай фон Риттер не догадывался, что просто оказался брошен на лишившейся своей звезды, замерзающей планете, и к жизни его вернули отнюдь не человеческие руки.

Те странные трехпалые конечности, что несколько часов назад побудили к действию автоматику одного из криогенных залов тюрьмы, можно было назвать «руками» лишь с очень большой натяжкой.

Теперь обладатель этих самых трехпалых рук сидел подле освещенного колпака криогенной камеры и, слегка покачиваясь из стороны в сторону, терпеливо ждал, пока очнется заключенное внутри существо.

Он очень сильно хотел есть.

* * *

Криогенный зал колониальной тюрьмы представлял собой абсолютно утилитарное, функциональное помещение, донельзя набитое аппаратурой и напрочь лишенное каких-либо удобств.

Цилиндрические камеры сверхглубокого сна, установленные тесными рядами, создавали ощущение узости пространства, хотя само помещение отличалось огромными размерами.

Тот факт, что внутренние системы тюрьмы все еще функционировали, объяснялся достаточно просто — низкотемпературные усыпальницы, в которых транспортировались преступники, являли собой продукт высоких технологий, — они были очень надежны, работали без вмешательства человека, не создавая никаких проблем.

…В тиши криогенного зала тонко пропел предупреждающий зуммер.

За окнами царила гробовая тишина. Голубые хлопья кислородного снега продолжали медленно падать с чернеющих небес. Атмосферное давление уменьшалось, и прочные пластиковые рамы окон тюрьмы угрожающе потрескивали. По зданию гуляли пронзительные сквозняки — воздух находил для себя лазейки, чтобы просачиваться наружу, туда, где была область низкого давления. Пройдет еще какое-то время, и атмосфера в здании станет такой же разреженной, как и на улице.

…Николай еще не знал, как сильно ему повезло. Процесс пробуждения, спровоцированный грубым прикосновением трехпалых рук к нежной сенсорной клавиатуре его камеры, был начат вовремя. У него, в отличие от других заключенных, еще оставалось немного времени, чтобы очнуться, прежде чем воздух и тепло окончательно покинут мрачное тюремное здание.

Однако в тот самый момент Николая не волновало ни собственное «везение», ни та катастрофа, что постигла небольшой, затерянный в пространстве Окраины планетоид. Он едва мог найти в себе силы, чтобы лежать, содрогаясь от холода, и мучительно, по крупицам, собирать собственное сознание.

Он ничего не видел вокруг себя — лишь мутный, пробивающийся сквозь тошнотворные вихри газа желтоватый свет. Никаких посторонних звуков — только посапывание насосов да монотонная капель срывающегося с внутренней поверхности колпака конденсата.

Он ждал резкого чавкающего звука открывающейся камеры, злобных окриков конвоя, натужного присвиста сервоприводов охранных машин, недовольного гомона и стонов заключенных из соседних камер, но вместо этого его продолжала обволакивать тишина — тяжкая, как посмертный саван.

Наконец, не выдержав муки затянувшегося ожидания, он пошевелился, ощутив, как от слабого движения натянулась часть оплетавших его тело проводов.

Холод уже стал невыносимым.

Николай почувствовал, как беспокойство и томительное ожидание вдруг сменил липкий страх. Почему его не вытащат отсюда?!

Через минуту, показавшейся ему вечностью, на смену страху пришла злоба. Он понимал: после приговора суда его жизнь уже не стоила ничего. Де-юре — Николай фон Риттер оставался гражданином планеты Ганио, со всеми вытекающими отсюда правами, но де-факто — он стал никем. О нем могли позабыть, и то, что один из заключенных, пробудившись, просто скончается в своем криогенном гробу из-за какой-нибудь технической накладки или простой человеческой халатности, уже не волновало никого. Часть заключенных была заранее списана в процент неизбежных потерь при транспортировке.

Он не надеялся, что может шевелиться. Тело казалось куском льда, который наполняла боль. Колпак криогенной камеры, мутный пластик которого виднелся за тошнотворной дымкой пробуждающего газа, походил на добротную крышку гроба.

Николай попытался поднять руку.

Он точно знал, что криогенные камеры, модифицированные для транспортировки заключенных, открывались исключительно снаружи. Но он и не думал, что ему удастся открыть или разбить колпак. Он хотел лишь подать знак, что жив.

От слабого движения что-то неприятно хрустнуло под самым ухом. Николай зажмурился и стал дергаться всем телом, несмотря на боль, тошноту и ощущение ледяного озноба.

Его решимости и сил хватило секунд на десять, не больше. Сознание вдруг помутилось, и он затих, погружаясь в боль и чувствуя, как по обнаженному телу сбегают капли какой-то жидкости.

* * *

Существо, сидящее рядом с освещенным колпаком криогенной камеры, заметило слабое движение и приподнялось, опираясь на две мощные лапы, покрытые складками серой морщинистой кожи.

С большим трудом в неуклюжей полутораметровой фигуре можно было выделить общие для гуманоидных рас черты.

Возможно, что когда-то это был человек, хотя допустить подобную «катастрофу тела» мог разве что пьяный генетик или скульптор музея восковых фигур. Короткие кривые ноги, слишком развитые руки с тремя пальцами, тусклый взгляд глубоко запавших глаз, рот, щерящийся в вечной недоброй усмешке, — все это создавало образ, далекий от человеческого, — так мог выглядеть мутант в энном поколении, но никак не представитель Homo Sapiens.

Впрочем, возможно, что так оно и было. По крайней мере, в тусклом

взгляде желтоватых глаз не было ничего осмысленного, только дикий голод. Существо проковыляло несколько шагов и яростно поскребло когтями прочный пластик. Затем, заскулив, отступило назад. Ему было холодно.

Мясо под колпаком по-прежнему ворочалось, но оно было недосягаемым… Пока…

Усевшись у пульта, который весело перемигивался огнями, существо приготовилось ждать.

* * *

Под колпаком низкотемпературного саркофага действительно происходило нечто необычное. Внутренняя подсветка камеры внезапно потускнела и сменилась с желтой на красную.

Николай, который на некоторое время потерял сознание, в этот момент вновь пришел в себя. Открыв глаза, он увидел лишь клубящийся багровый сумрак да несколько датчиков, которые раскачивались на коротких проводах средь вихрей пробуждающего газа.

Он понял, что произошло, когда в уши вместо монотонного шелеста внутренних насосов ударил тревожный высокочастотный сигнал.

Своими неуклюжими попытками привлечь чье-либо внимание он добился лишь того, что оборвал прикрепленные к телу датчики, отчего система автоматического поддержания жизни подняла тревогу.

Это могло окончиться по-разному. Либо кто-то придет, чтобы выяснить причину сбоя, либо автоматика сама справится с неполадкой, либо камера просто отключится спустя некоторое время…

Внезапно сквозь противный писк зуммера тревоги послышалось отчетливое шипение, и красноватая мгла, обволакивавшая его тело, начала стремительно редеть.

Николай, который окончательно пришел в сознание, но по-прежнему был беспомощен, как новорожденный младенец, почувствовал, что дышать стало легче — газ улетучивался, и причиной тому был открывающийся колпак его криогенной ячейки!

Красный свет внезапно потух. Зуммер сдавленно пискнул и замолк, в то время как прозрачная крышка, поддерживаемая двумя телескопическими штангами, поднялась вверх и отъехала в сторону, скрывшись за изголовьем.

Теперь уже ничто не отделяло восковое тело человека, покрытое мелкими капельками влаги, от внешнего мира. Он по-прежнему лежал неподвижно, сотрясаясь от мучительного, засевшего в каждой клеточке организма холода…

«Странно, что не слышно окриков», — отстраненно подумал Николай. Он все еще не воспринимал реальность в полном объеме — сознание оставалось рыхлым, мысли были непоследовательны, а ощущения безнадежно запаздывали.

И все-таки после долгой паузы, лежа в полнейшей тишине, которая уже начала давить на него, сквозь дурноту и озноб он опять ощутил тревогу и страх — два чувства, что бессильно бились где-то внутри, пытаясь достучаться до заторможенного сознания…

…Мутант, затаившийся в метре от открывшегося саркофага, вытянул шею. Над пультом управления, словно перископы подводной лодки, поднялись два горящих голодным огнем глаза.

Внезапно тело человека несколько раз конвульсивно дернулось, словно сквозь него пропустили разряд электрического тока, а затем усеченный цилиндр криогенной камеры приподнялся и повернулся, аккуратно вывалив человека на пол.

Это сработала последняя автоматическая система. Выстрелив в шею Николая двумя зонд-инъекторами со стимулирующим раствором, криогенная камера отправила свое содержимое на пол. Все огни на ее контрольных панелях потухли, встроенные насосы издали последний вздох и остановились…

…Через несколько минут Николай, содрогаясь от холода, сумел подняться на четвереньки. Он чувствовал себя настолько мерзко, был так слаб, изможден и напуган, что, заметив два разнесенных в стороны глаза, торчащие из-за пульта управления, принял их за плод своего воображения.

А что он мог еще подумать?

Он только что очнулся от низкотемпературного сна и был подвержен всем пакостным постэффектам этого противоестественного для человеческого организма состояния. Пусть эти глаза и выглядели вполне натурально, как и вцепившаяся в пульт трехпалая конечность, но все равно это был лишь отвратительный глюк, порождение пробуждающего газа и стимулирующих инъекций, которые, заставив работать заторможенный мозг, могли нарисовать в воображении и не такую пакость…

Опираясь на край криогенной камеры, Николай поднялся, обвел мутным взглядом огромное сумеречное помещение и, цепляясь за пульты, медленно пошел по проходу в направлении двери.

Вслед ему смотрели два глаза, в которых голод был смешан с отвращением. Как ни странно, но мутант не кинулся на добычу. Существо, которое, пошатываясь, брело прочь от перевернувшейся набок низкотемпературной ячейки, слишком отвратительно воняло. Жизнь в

отравленных радиоактивных болотах научила его не есть подозрительно пахнущую еду. Он видел, как от такой еды умирали в диких корчах и судорогах некоторые неосторожные сородичи, и его частично атрофированный мозг хранил в себе этот опыт чужих мук и смертей.

И все же он очень хотел есть…

Дождавшись, пока голый человек дойдет до конца прохода и скроется за дверями подсобного помещения, тот, кого Николай счел галлюцинацией, вышел из своего убежища и последовал в том же направлении…

* * *

В подсобке, куда попал Николай, было еще холоднее, чем в криогенном зале.

Обливаясь липким холодным потом, он вцепился в пластиковый косяк, пытаясь совладать с бунтующим желудком. Через некоторое время, когда тошнота стала не столь острой, он огляделся.

Помещение, куда он попал, имело панорамное окно, за которым в кромешной тьме падали неправдоподобно большие, чуть голубоватые хлопья снега. Вдали не светился ни один огонь — ночь за стенами здания была черна, и лишь у самого стекла огромные снежинки выскакивали из мрака, словно рой фантастических насекомых, и, медленно кружа, уплывали вниз, в бездонную черноту…

Николай рухнул в кресло.

Холод и страх грызли его изнутри. Осмотрев помещение, которое оказалось обыкновенной караулкой, он наконец заметил царящий вокруг беспорядок.

На скошенной панели охранных систем стояла сиротливая чашка с кофе. Кто-то второпях задел ее, и по мертвым окошкам индикаторов растеклась высохшая коричневая клякса. На полу ровным слоем рассыпались диски компьютерной памяти, небрежно выброшенные из распахнутого сейфа. Пирамида для личного оружия была пуста. Зато встроенные шкафы, где охранники хранили личные вещи, пестрели кучами вываленной на пол одежды. Создавалось ощущение, что тут не так давно царила настоящая паника.

Николай сполз с кресла. Стоять на ногах все еще было выше его сил. Преодолев два метра, он протянул руку, вырвав из кучи одежды и личных вещей большое махровое полотенце из синтетической ткани. Стиснув зубы, он кое-как стер с себя остатки желеобразной массы из криогенной камеры и, все еще содрогаясь от холода, начал натягивать чью-то теплую одежду.

Копаясь в вещах, он нашел плоскую фляжку, внутри которой что-то

булькало. Отвинтив пробку, он поднес ее к лицу. В нос ударил резкий запах спиртного, от которого желудок едва не вывернуло наизнанку. Николай судорожно закашлялся, потом, плотно закрыв глаза и стараясь не дышать, поднес ко рту горлышко фляги и сделал несколько глотков.

Язык и небо моментально онемели, горячий ком застрял где-то в горле, вызвав удушливый спазм. Из глаз Николая брызнули слезы, он едва не захлебнулся, но обжигающее тепло уже провалилось в желудок, и он обессиленно затих, отдавшись этому блаженному ощущению…

Как ни странно, но спустя некоторое время он ощутил прилив сил.

Цепляясь за кресло, Николай поднялся на ноги и нетвердой походкой пересек караульное помещение, из которого вела вторая дверь.

Распахнув ее, он издал нечленораздельный звук и застыл на пороге.

Хмель, если он и был, моментально вылетел из его головы.

Сразу за порогом лежал обезображенный труп в униформе охранника тюрьмы. Мертвые пальцы все еще сжимали пластиковый приклад импульсной винтовки. Строчка рваных дыр перечеркивала грудь наискосок, от левого плеча к животу.

Содрогаясь от ужаса, Николай поднял глаза и едва не попятился. Он многое видел на своем веку, но сумрак широкого коридора открыл перед ним страшную картину бушевавшей тут бойни… Стены и потолок были забрызганы кровью, двери сорваны с петель, пластиковая облицовка, посеченная ураганным огнем, сразу навела его на мысль о людях, которые, поддавшись панике, вливались в теснину коридора, давя друг друга, пока кто-то не спустил курок…

В глубине коридора, где тусклые плафоны сливались в сплошную желтую линию, тонко подвывал ветер. Там кружился снег, наметая у выбитой двери большой сугроб.

Избыток адреналина в крови сработал лучше всяких стимуляторов. Холод мгновенно отпустил — наоборот, Николаю вдруг стало жарко. Кровь гулкими горячими толчками ритмично ломилась в виски, так что у него зашумело в ушах…

Николай нагнулся и вырвал из окоченевших пальцев импульсную винтовку. Он понял: где бы он ни оказался по прихоти злой судьбы и тюремных чиновников, тут случилось что-то страшное и у него нет времени ни на реабилитацию, ни на какие-либо чувства.

Его ладонь машинально высвободила пустой магазин, и он звонко клацнул, ударившись об пол возле трупа. Нашарив рукой подсумок, фон Риттер по весу определил полный и скупым движением вогнал его на место. Счетчик зарядов мягко осветился, показав зеленые цифры. С тихим

шелестом сработал интегральный затвор, и умное оружие тихо пискнуло.

Николай перешагнул через труп.

Его продолжал бить озноб, но теперь его причиной был уже не холод — что-то страшное ждало его впереди, за черным квадратом выбитой двери.

Глава 2

13 мая 3971 года. Глубокий космос, сектор Окраины. Борт грузового космического корабля «Геракл»

…В уши Александры ударил высокочастотный вой перегруженных турбин ее штурмовика, перед глазами встал на дыбы взбесившийся горизонт, и белоснежные линии инверсионного следа ракет вновь потянулись к ней, лопаясь в ушах звонким набатом барабанящих по броне осколков.

Она падала. Из-под наушников коммуникатора по шее и подбородку текла, капая на пол кабины, липкая и соленая на вкус кровь.

— Держись, Ледышка!..

— Командир, мы идем к тебе! Выравнивай машину!..

Слова доходили до нее, словно через слой ваты. Перед глазами плавал кровавый туман боли, затягивая перевернувшийся горизонт багряной дымкой.

Она держалась. Держалась из последних сил, вцепившись онемевшими от боли пальцами в штанги астронавигационных рулей своей покалеченной машины.

Штурмовик постоянно кренился, стремясь завалиться на перебитую плоскость и сорваться в штопор.

Саша знала, что ей уже не выкарабкаться, и только далекие голоса ребят из ее штурмового звена заставляли лейтенанта Эйзиз почти бессознательно бороться за жизнь.

Сквозь забрызганное кровью забрало гермошлема она видела, как разрастаются впереди ослепительные вспышки, перепахивающие кору планеты в том месте, откуда по ней била ракетная установка. В небо летел камень и рваные куски обугленной брони.

Потом Саша потеряла сознание, и ее машина рванулась навстречу изуродованной земле.

Лейтенант Эйзиз сидела в простреленном кресле, бессильно уронив на грудь голову в забрызганном кровью гермошлеме, а ее штурмовик, вопреки всем законам физики, продолжал лететь. Снизу его поддерживала своим силовым полем машина Сереги Вахмистрова, справа и слева то же самое делали два его ведомых, Джон Говард и Лина Семенова.

Штурмовики Иволгина и Лайзы Бетрецци в трех километрах южнее шли на перехват очередного роя ракет, и броня их машин озарялась

частыми отрывистыми вспышками стартующих кассетных боеголовок…

…Саша застонала и рывком села на постели.

Еще не проснувшись, она уже чувствовала, как струится по телу липкий, противный пот. Она широко открыла глаза, обводя мутным взглядом убогую обстановку каюты, и с силой сжала виски, гоня прочь наваждение того рокового боя…

Хотелось плакать. Просто по-человечески зарыться лицом в подушку и дать волю своему горю…

Она не смогла. Что-то внутри противилось проявлению человеческих чувств. Встав со скомканной постели, она подошла к зеркалу. Взглянув на кибернетические протезы, покрытые дешевой пеноплотью, она побледнела, упрямо поджав губы.

«Сколько раз клялась себе не спать голой, чтобы, проснувшись, не видеть этого дерьма, а, подруга?..» — бессильно подумала она.

Боль внутри отступала. Она приходила в себя, как обычно, после очередного кошмара, на борту старого межзвездного грузовика.

Это называлось «периодом реабилитации»… По мнению психологов компании, она должна чувствовать моральное удовлетворение от того, что не сидит на паперти среди калек, а продолжает работать…

Порой ей казалось, что для всех было бы во сто крат лучше, если бы ее штурмовик тогда просто врезался в холодные скалы планетоида…

Она не знала, куда бежать от собственных мыслей. «Калека… — нашептывало сознание, — калека в двадцать семь лет. Дура… Никому не нужная чокнутая дура…»

От этих мыслей ее начал колотить озноб. О сне нечего было и мечтать, и она, натянув одежду, выскочила из каюты в пустой межпалубный коридор космического корабля.

Ноги сами привели ее в рубку управления.

За пультом, водрузив ноги на скошенную приборную панель, сидел Линкс. Потухший взгляд его голубых глаз был устремлен поверх приборов в звездную бездну. В руке командир транспортного корабля «Геракл» держал полупустой стакан с сомнительным пойлом.

Саша, взглянув на его худощавый орлиный профиль, внезапно подумала, что этот человек — последний, кого она хотела бы увидеть. И тем не менее она бессознательно пришла именно сюда, в рубку управления.

Странная эта штука, судьба… Ведь Линкс был ее подчиненным. Теперь он командует, а она исполняет его приказы…

— Привет, Саша… — не поворачивая головы, произнес Линкс. — Хочешь выпить? — он протянул руку, предлагая ей бокал.

Она молча взяла его и залпом выпила.

Спиртное подействовало на нее весьма неприятным образом. Вместо того чтобы просто поговорить, она вдруг с хрустом сжала бокал…

— Проблемы, Ледышка? — Линкс повернул голову, с любопытством посмотрев на осколки пластика. — Пытаешься разжевать судьбу и выплюнуть себе под ноги?

Саша повернулась, яростно взглянув на него.

— Кому есть дело до наших судеб, а, Линкс? — не выдержав скопившегося напряжения, взорвалась она. — Мы шлак, накипь, отработанный материал…

— Тебя это задевает? — Линкс удивленно вскинул брови. — Милая, тебя мучают кошмары, и ты приходишь сорвать зло на мне?

— Да, представь! — Кибернетическая рука Саши Эйзиз непроизвольно сжалась в кулак.

— Девочка, ты работала за деньги. За деньги, сечешь? — Линкс откинулся в кресле. — Корпоративные войны — это грязная, кровавая и денежная работа. Не то что борьба за идею на нищих планетах, — с назидательным цинизмом заключил он. — Тебе и мне просто не повезло — мы получили свой куш, но не сумели выбраться невредимыми. Что ж… — он философски пожал плечами, допивая остаток мутной жидкости прямо из горлышка пластиковой бутылки. — Лично я знал, на что шел, когда подписывал контракт. И корпорация поступила достаточно благородно, предоставив мне шанс работать дальше…

— Ха!.. — Смех Саши больше походил на хриплый клекот. — Хорошее благородство, фрайг их всех подери! Собрали команду калек и вышвырнули в дальний космос. Работайте, ребята. С паршивой овцы хоть шерсти клок! А не загнетесь, так мы вас пошлем еще дальше…

— Ну хватит! — не выдержал Линкс. Их разговор был беспредметен, оба знали об истинном положении дел, и нечего было бередить раны… Ледышка была права — они шлак, отработанный материал, который используется корпорацией по своему усмотрению, но думать об этом было неприятно. И Линкс не думал. А она думала, потому что лишилась своей руки гораздо позже, когда он уже успел адаптироваться к своим кибернетическим протезам. Меньше всего ему хотелось пройти сызнова весь мучительный путь, пусть даже с ней.

И все же что-то шевельнулось в его очерствевшей, покрытой шрамами и отравленной алкоголем душе. Когда-то они сражались бок о бок…

Тяжело вздохнув, он встал и подошел к Саше, которая, отвернувшись, смотрела в чернильную бездну Вселенной, расплескавшейся на экранах

обзора.

Его рука едва коснулась ее плеча.

— Саша…

— Иди ко всем Шиистам космоса, Линкс! — Она резко повела плечом, скинув его руку, и вышла.

* * *

Свое прозвище — Ледышка — лейтенант военно-космических сил корпорации «Генезис» Александра Эйзиз получила еще на офицерских курсах.

Сейчас, шагая по грязному, плохо освещенному коридору грузовоза, она невольно вспомнила те, ставшие уже далекими и нереальными, времена, когда, юный кадет, едва поступивший на службу в корпорацию, еще могла и хотела мечтать.

Корпорация. Это слово скрипело у нее на зубах. Огромная машина по производству денег и перемалыванию человеческих ресурсов. Она была виновна во всем, но понимание этого, увы, пришло слишком поздно, одновременно с тем страшным открытием, что война — это не парад, не карьера, не красивый симулятор, а грязь, кровь, пот, ужас, боль и страдания. Уничтожение сначала душ, а потом и тел. Повезло тем, кто умер, не распрощавшись со своим рассудком, но чаще всего происходило иначе — люди сначала сходили с ума, а уж потом умирали.

А начиналось все как красивая сказка.

Агенты корпорации не зря ели свой хлеб — они знали свою работу и были умелыми психологами. Представьте себе забытый богом, заштатный аграрный мир, где самая радужная жизненная перспектива состоит в увеличении стада мясных жабоклювов или еще какой-нибудь привитой к местным условиям инопланетной нечисти, и сразу же станет понятно, как легко и обильно собирали свою жатву эти агенты на таких мирах, как Омикрон-5, где сам факт посадки космического корабля был событием чрезвычайной, всепланетной важности.

С Эйзиз было именно так. Сейчас, спустя много лет, наевшись досыта этой «красивой» жизни, она особенно ясно осознавала, что как глупая телка пошла на убой, прямо в распахнутый зев той мясорубки, что, по ее тогдашним понятиям, имела название «настоящая жизнь».

После развала Конфедерации на дальней Окраине процветал совершенный махровый беспредел. Все старое, что хоть немного отдавало законом, было растоптано, и планетарные корпорации безраздельно царили в диком, едва освоенном человечеством пространстве, создавая и тут же

разваливая экономические империи, высасывая ресурсы планет, монополизируя все, начиная от платных общественных сортиров и кончая глотком кислорода в твоем скафандре…

— Ледышка?..

Она вздрогнула, машинально подняв голову в поисках скрытого динамика интеркома.

Обшарпанные стены, сплетения побитых коррозией труб, толстые жгуты энергоцентралей с безобразными следами какого-то давнего пожара… Корабль, на котором они летели, давно было пора списать в утиль, но он все еще трудился. «Звездолет-калека с командой калек… — горько подумала она. — Какая баснословная экономия».

— Да, Линкс? — ответила она, заметив наконец обшарпанную панель интеркома. Голос Саши вновь стал раздраженным, едва она представила, что он будет пытаться ее утешать. Но Линкс, похоже, и не думал о сочувствии…

— В седьмом отсеке поднялась температура. Зайди посмотри.

Саша нахмурилась.

— Сейчас не моя вахта, — напомнила она.

— Да, я знаю, но Андрей с Эрни заняты по горло. К тому же ты ближе всех. Зайди посмотри.

— Ладно, фрайг с тобой, Линкс.

Интерком работал только на аудиосистеме, его монитор был безнадежно испорчен, но Эйзиз даже без изображения знала, что в эту минуту делает ее бывший подчиненный. Он улыбался.

— Ты ублюдок, — безо всяких интонаций произнесла она, приблизив свои губы к крохотной сеточке встроенного в панель микрофона. Потом быстрым движением отключила прибор и зашагала прочь, в глубины сумеречного, скверно освещенного коридора грузовой палубы.

* * *

В ходовой рубке транспортного корабля, который наверняка помнил отгремевшую тысячу лет назад Первую Галактическую, было лишь немного чище и светлее, чем в остальных помещениях. Линкс сидел за подковообразным пультом управления и, не моргая, смотрел на звезды. Со стороны могло показаться, что он спит с открытыми глазами. На самом деле это было не так. Командир космического грузовика бодрствовал, но в данный момент находился под сильным воздействием низкосортного алкоголя.

Полчаса назад Саша назвала его ублюдком. Что ж, возможно, она

права. Все они подпадали под это определение в той или иной степени. В мире не было той непогрешимой чистоты, о которой с детства твердили ему сначала в колледже, а потом и в высшей школе. Суровые времена — суровые нравы. Честно говоря, он до сих пор не мог понять логики своих родителей, которые упорно пихали его вперед, от одного учебного заведения к другому. И к чему это в конце концов привело? Он прилежно учился и был благодарен им, пока, заканчивая высшую школу, не получил однажды известия о космической бомбардировке родной планеты. Они погибли, и он, с трудом окончив последний курс, полным ходом влетел в ту самую взрослую жизнь…

…Двери рубки вдруг зашипели и рывками раздвинулись в стороны. В помещение, заметно прихрамывая, вошел Андрей Звягинцев. В боях на Омнабиусе он потерял ногу и кисть левой руки. Поговаривали, что он был из той элитной спецгруппы, что к чертям собачьим запалила тот паршивый, насквозь отравленный промышленными отходами мир, откуда по всей окраине шел импорт убийственного ЛСД сто пятого поколения, но сам Андрей на эту тему не распространялся, а на многозначительные подколы не реагировал. Вообще, по мнению Линкса, он был самым спокойным и уравновешенным членом их разношерстного экипажа, но, как командир, он одновременно придерживался и еще одной точки зрения. В тихом омуте черти водятся — так выражались предки, а к тысячелетнему историческому опыту цивилизации Линкс прислушивался если не всегда, то часто…

— Ну, что?

Андрей дохромал до второго кресла и грузно опустился в него.

— Вроде бы сделали… — сообщил он, переведя дух. — Протез чего-то барахлит… — поморщившись, пояснил он, подняв до колена испачканный маслом комбинезон, под которым обнажилась сверкающая хромистая сталь. — Эрни гоняет тест синхронизации двигателей. Если Железную Башку удовлетворит результат, то через пару часов можно прыгать.

— Ага… — многозначительно протянул Линкс, глядя, как Андрей ловко подцепил отверткой фиксатор кожуха, открыв внутренности протеза, где хитро сплелись между собой сервоприводы, жгуты проводки и тонкие прозрачные трубочки, по которым пульсирующими толчками, словно кровь в венах, продвигались порции машинного масла.

«Как же, жди, через два часа наш чудо-механик найдет еще кучу неполадок, и мы опять будем болтаться тут, до второго пришествия», — беззлобно подумал Линкс. Эрни Рорих получил свое прозвище Железная Башка не только за металлопластиковый затылок, который он из принципа

не закрывал никакой пеноплотью, а еще и за то, что в технических вопросах был упрям, до совершенно абсурдного педантизма. Все, за что он брался, рано или поздно начинало работать в его руках как положено, так что их развальня-транспорт, носивший гордое имя «Геракл», стал для него непаханым полем для индивидуального творчества.

Андрей, ковырявшийся в проводке протеза, поднял голову и, усмехнувшись, спросил:

— Слушай, Линкс, а Саша точно была в прошлом твоим командиром?

— Ну, допустим?.. А что тут такого?

Андрей опять усмехнулся, закрывая кожух протеза.

Заботливо поправив ткань комбинезона, чтобы не был виден металл, он вдруг серьезно проговорил:

— Не подшучивай над ней, Линкс. Мы мужики, а она женщина. Ей тяжелее.

Командир грузового корабля сокрушенно покачал головой.

— Ты придурок, Андрей. Если я стану ее жалеть, то через месяц она просто сойдет с ума. Когда человек теряет злобу, он теряет и волю, — спокойно пояснил Линкс. — Может быть, где-то есть миры, на которых все не так, но наша реальность именно такова. Либо ты комок нервов, либо труп. На войне как на войне…

Андрей исподлобья взглянул на него.

— Сам ты придурок… — огрызнулся он. — Война кончилась. Наша война кончилась, понимаешь?! — с внезапной яростью выдохнул он. — Что ты несешь?

Линкс встряхнул бутылку и потянулся за вторым стаканом. Андрей, застыв в напряженной позе, немигающим взглядом следил, как медленно оседает вихрь пузырьков за мутным стеклом.

— Наша война не кончилась… — Линкс разлил остатки по двум стаканам. — Она продолжается вот тут, — он согнул указательный палец и выразительно постучал по своей голове. — Там не бывает перемирий.

Андрей машинально взял протянутый стакан.

Его взгляд внезапно поблек, словно был направлен куда-то в глубь самого себя. По лицу Андрея промелькнула едва уловимая гримаса.

Линкс молча выпил и отвернулся. Он был прав, и все прекрасно знали об этом.

Глава 3

Сектор Окраинных миров. Планетоид Везелвул

Система Везелвул-12, откуда в открытый космос с маломощного, расположенного посреди болот передатчика ушел слабый сигнал тревоги и одновременно отчаянный призыв о помощи, была создана искусственно.

Впрочем, история одинокого планетоида, получившего столь мрачное название, началась задолго до этих событий и насчитывала уже несколько веков…

Когда-то, очень давно, три промышленных мира Окраины облюбовали одну из лун безымянной звездной системы для сброса и захоронения ядовитых химических отходов.

Это был период, когда Вторая волна Галактической Экспансии человечества докатилась до современных границ освоенного космоса. Десятки новых миров, колонизированных в течение одного столетия, бурно развивали свою промышленность. Начиналась эра экономического расцвета Конфедерации солнц, под эгидой которой осуществлялась колонизация новых территорий.

Естественно, что экономика Окраинных миров поначалу носила жесткий, потребительский характер. Богатые полезными ископаемыми недра являлись бесперебойными источниками сырья для стремительно развивающихся производств, и о вторичном использовании ресурсов в тот момент задумывались очень мало.

Несколько веков на планетоид сбрасывали свое содержимое транспортные корабли частных компаний. Сюда, как в отстойный колодец, валили все — и радиоактивные элементы, и отходы химических производств, и агрессивные органические соединения, выходившие в виде побочных продуктов на некоторых биоклонных фабриках.

Наверное, в ту самую пору кто-то из экипажей транспортных кораблей, доставлявших на луну контейнеры с отходами, не то в шутку, не то всерьез назвал многострадальный планетоид Везелвулом. Почему сюда прилепилась цифра «двенадцать», уже не помнил никто, но название прижилось

Такая «дружба» промышленных компаний со злосчастной луной продолжалась до тех пор, пока в систему звезды не пришел один из колониальных транспортов Конфедерации солнц.

Хуже того — колонисты облюбовали именно ту планету, на орбите

которой вращалась загаженная луна. К тому времени Везелвул-12 уже обзавелся собственной атмосферой. Миллиарды тонн сброшенных на его поверхность высокотоксичных отходов на протяжении столетий, под воздействием излучения звезды, вступали в случайные химические реакции друг с другом, что неизбежно приводило к выделению побочных продуктов в виде ядовитых газообразных соединений.

Присутствие на орбите своей новой родины клубящегося серой дымкой кислотных облаков ядовитого планетоида явилось для колонистов весьма неприятным откровением. Они обратились за разъяснением в Центральные миры, чей картографический корабль исследовал систему несколько веков назад и дал заключение о ее пригодности к колонизации.

Разразился нешуточный скандал.

Именно с этого момента начинается краткий миг популярности Везелвула. Несколько лет к этому невзрачному ядовитому миру было приковано внимание репортеров ведущих информационных компаний Галактики.

Те фирмы, что начинали сброс отходов, давно уже перестали существовать, и в царящей на Окраине экономической и политической неразберихе трудно было найти истинных инициаторов и виновников загрязнения луны.

Тогда и возник проект «Везелвул».

Чтобы погасить скандал, злосчастный планетоид решено было попросту удалить с орбиты колонизированной планеты. Совет Безопасности миров, взяв луну под личную опеку, финансировал все работы по пространственному перемещению Везелвула и его дальнейшей очистке.

Экономическая мощь Конфедерации солнц получила достойную рекламу в проекте, который называли «первым опытом планетарной инженерии».

По мнению специалистов, станции переработки способны были справиться с проблемой ядовитой атмосферы за тридцать стандартных лет Галактического календаря. Одновременно на Везелвуле предполагалось возвести комплексы вторичной переработки отходов для извлечения из них так называемых редкоземельных элементов.

Затем Везелвул предполагалось продать с аукциона, создав тем самым прецедент для дальнейшего развития планетной инженерии.

Все описанные события происходили несколько веков назад.

Планетоид действительно увели от новой колонии и запустили в полет по эллиптической орбите вокруг светила системы. Однако в расчеты каким-

то образом вкралась ошибка, и своенравный планетоид не захотел занять уготованного ему места. Скорость убегания оказалась слишком высока, и уже через год после начала проекта стало очевидно, что Везелвул просто покинет систему, превратившись в свободно летящее космическое тело.

Последней попыткой спасти проект стала идея разжечь на орбите упрямого планетоида искусственное солнце, но эти усилия оказались напрасными — хотя Везелвул и обзавелся собственной маленькой звездой, но превратиться в цветущую планету ему не было дано ни сейчас, ни в обозримом будущем — разразившийся в 3416 году так называемый Эригонский кризис привел к столкновению Конфедерации солнц и Космического халифата, и обитаемая Галактика вновь, уже третий раз за свою историю, погрузилась в пучину хаоса…

С той поры прошло четыреста с лишним лет.

За это время в Галактике произошло очень много важных исторических событий. Ушла в прошлое Конфедерация солнц, был распущен Совет Безопасности миров и Звездный Патруль, Корпоративная Окраина начала череду своих междуусобных войн, открытие Сферы Дайсона сильно поколебало веру в возникновение в обозримом будущем Третьей волны Галактической Экспансии человечества, но где-то среди всех перечисленных потрясений продолжал свой полет небольшой планетоид с громким и мрачным именем Везелвул.

Теперь, вот уже сотню с лишним лет, на нем хозяйничала колониальная администрация, объединившая под своей властью почти все обитаемые миры Окраины. Помимо старого космопорта, который имелся на планетоиде еще со времен Конфедерации солнц, унылый ландшафт Везелвула украсил комплекс зданий колониальной тюрьмы да небольшой поселок, где жили специалисты, обслуживающие несколько атмосферных процессоров да основные системы космического порта.

О нем не забывали, но и былого внимания Везелвулу уже не уделялось. Иные сенсации занимали первые полосы электронных газет и лучшее эфирное время в галактических новостях. Хотя изредка среди прочего потока сообщений о событиях в Галактике нет-нет да и появлялись короткие репортажи о самоотверженной работе планетарных инженеров на проклятом Везелвуле.

Как правило, в таких репортажах показывали ревущие станции переработки атмосферы, свежие лесопосадки и экзобиологов в защитных скафандрах, ведущих затяжную борьбу с токсичными болотами. Колониальная администрация в таких видеороликах представала перед зрителями новостей в самом выгодном для себя свете.

На фоне барражирующих в атмосфере транспортных шаттлов, сбрасывающих в болотные топи контейнеры с деактиваторами, какой-нибудь репортер скупо рассказывал о мужестве людей, что пытаются превратить отравленную клоаку в будущий рай…

…И ни слова о комплексе зданий колониальной тюрьмы строгого режима.

Как будто бы ее не было вовсе.

Везелвул, 13 мая 3971 года. Комплекс зданий колониальной тюрьмы строгого режима

В отличие от репортеров галактических новостей Николай фон Риттер был убежден в обратном. То сооружение, что он только что покинул, являлось самой натуральной тюрьмой.

Он не понимал, где находится и что происходит вокруг.

Первое, что он почувствовал, сделав шаг за выбитую дверь, у которой ветер намел голубоватый сугроб, был жесточайший спазм удушья.

Отпрянув назад, в спасительную глубину изуродованного и окровавленного коридора, он мучительно закашлялся. Ощущение было такое, словно в его легкие вонзился миллиард иголок.

Только теперь он, кое-как отплевавшись, обратил внимание на изморозь, покрывавшую стены коридора у входа, и свистящий сквозняк.

Атмосферное давление на улице оказалось катастрофически низким.

Объяснять Николаю, что такое удушье, помноженное на абсолютный ноль космического пространства, было бы глупо. На своем коротком веку он в достатке видел тех смертей, причиной которых были взорвавшиеся легкие или моментальное обморожение.

Скорчившись и натянув на лицо толстый ворот синтетического свитера, он поспешил обратно со всей скоростью, на какую оказались способны его ватные ноги.

В клубах пара ворвавшись в дверь караульного помещения, он рухнул на пол, содрогаясь от очередного приступа удушливого кашля.

В щель под плотно притворенной дверью со свистом вырывался воздух. Этот тихий заунывный звук показался Николаю столь зловещим, что заставил его собрать все силы, чтобы распрямиться и сесть.

То помещение, где он укрылся, не было герметичным. Значит, ему грозила смерть от удушья.

Взгляд Николая обежал мертвый пульт управления. Со сдавленным стоном он встал, стараясь удержать равновесие. Затем, одной рукой

опираясь на пульт, он начал распахивать те встроенные шкафы, до которых мог дотянуться.

В голове фон Риттера метались злые обрывочные мысли.

«Где я, фрайг побери, нахожусь? — думал он, вытряхивая из шкафов бесполезные в его ситуации вещи. Здесь было все — начиная от бронежилетов и кончая теплой одеждой, но в данный момент его интересовал только один вид экипировки — скафандр. Но вот этого как раз в комплекте караульного помещения и не предусматривалось. — Значит, я на планете, — сделал он очевидный вывод. — На космическую станцию не похоже».

Распахнув створки очередного шкафа, он увидел аккуратно сложенные спецкостюмы из серебристого металлизированного материала, с уложенными поверх каждого комплекта прозрачными пластиковыми шлемами. Трубки и шланги, торчавшие из них, говорили в пользу того, что они снабжены дыхательными аппаратами.

Развернув один из таких комплектов, Николай убедился, что его радость при виде серебристой ткани была преждевременна. Скафандрами тут и не пахло. Это были костюмы химической защиты.

«Что ж, на безрыбье, как говорится…» — подумал он, натягивая костюм поверх теплой одежды. Автономный запас кислорода и относительная герметичность ткани давали ему хоть какой-то, мизерный шанс выбраться из этого здания, где через несколько часов уже будет нечем дышать…

Естественно, системы терморегуляции в костюме не было. Николай огляделся. Судя по обилию теплых вещей, тут бывали суровые зимы. Не раздумывая о том, как он будет выглядеть, фон Риттер закрыл прозрачный шлем и принялся натягивать поверх серебристой ткани теплую одежду. В дополнение ко всему он натянул прямо на шлем одну за другой три спецназовские шапочки, закрывавшие всю голову, включая лицо. В них была лишь прорезь для глаз.

Нашлась в караулке и пара теплых перчаток.

В конце концов ему стало тяжело и неудобно наклоняться. Поймав свое отражение в глубинах полированной поверхности пульта управления охранными системами тюрьмы, фон Риттер только покачал головой, которая в тот момент была похожа на вязаный шар.

Он не сомневался, что граждане этой планеты разбегутся при одном виде вооруженного импульсной винтовкой пугала. Впрочем, ему было не до шуток. Николай торопился. Он не знал, что происходит вокруг, но засевший в груди кашель, помноженный на личный опыт, говорил ему, что

воздуха снаружи совсем мало. Так что он не завидовал тем людям, для кого данный мир являлся домом, справедливо полагая, что если их не постигла участь мертвого охранника тюрьмы, то каждый из них в данный момент озабочен собственным выживанием и до очнувшегося не к сроку заключенного никому не будет ровным счетом никакого дела.

Он не собирался никого убивать без веских на то причин. Единственное, что в данный момент заботило Николая, — это обогреваемое, герметичное помещение и любая информация о том месте, куда занесла его злая и капризная судьба…

Конечно, он не надеялся на легкую прогулку и приятный разговор на улице со случайным прохожим, но Николаю показалось, что, упав у выхода из здания, он, прежде чем загнуться от боли в обожженных морозом легких, видел невдалеке освещенное прожекторами покатое здание космопорта.

Если тут осталась хоть какая-то жизнь, то она наверняка сосредоточена именно в том здании. Так что особого выбора у него не было.

С этими мыслями он вторично распахнул дверь в ведущий наружу коридор и побежал так быстро, насколько ему позволили три слоя теплой одежды и затесавшийся между ними костюм химической защиты.

* * *

Небо на улице оказалось зловещего фиолетово-черного оттенка. Немигающие звезды сияли на нем ярко и надменно. Единственное, за что зацепился изумленный взгляд Николая, было расплывчатое красноватое пятно округлой формы, величаво плывущее меж голубых карбункулов далеких светил.

Если это звезда, то она потухла… — метнулась в его голове довольно абсурдная мысль. И вслед за ней пришла еще одна, не менее эксцентричная догадка. Судя по той скорости, с какой пятно ползло по небу, преодолевая свой путь от горизонта до горизонта, нетрудно было догадаться, насколько мал радиус планетной орбиты. Но если это так, подумал Николай, изо всех сил пробираясь сквозь рассыпчатые голубые сугробы по направлению к манящим огням космопорта, то звезда слишком маленькая… Такой крохе не удержать планету на своей орбите…

Вывод напрашивался сам собой. При таком очевидном несоответствии масс не планета должна вращаться вокруг звезды, а звезда вокруг планеты…

Это абсурдное на первый взгляд предположение выглядело совсем не

смешно…

Николая, несмотря на царящий вокруг холод, внезапно бросило в жар, потому что он знал, что в Галактике существует одна-единственная система с подобными параметрами.

Это был пресловутый Везелвул-12 — отравленная токсичными отходами луна, вокруг которой специалисты Конфедерации еще в незапамятные времена заставили вращаться небольшое термоядерное солнце.

«Если это Везелвул, то мне каюк…» — тоскливо подумал фон Риттер, преодолевая очередной сугроб.

Несмотря на импровизированный трехслойный скафандр и постоянные физические усилия, его начал пробирать холод.

«Не отчаивайся, парень… — со злым юмором твердил про себя Николай, — чем тебе не криогенная камера… Хрен редьки не слаще, как говорил незабвенный прадед…»

Перевалив через снежный завал, он понял, что попал на самый край чуть вогнутой стеклобетонной плоскости старто-посадочного поля.

Вокруг, насколько хватало глаз, простиралась лишь мрачная, освещенная прожекторами и звездами пустынная голубая равнина. Это зрелище простирающейся в никуда унылой плоскости никак не устраивало замерзающего насмерть беглеца, и он нервно обернулся. Резкое движение принесло боль в заледеневших суставах, но внезапный приступ агорафобии моментально прошел — справа от него маячили темные одноэтажные здания складских терминалов, а слева гордой сумеречной громадой возвышался расцвеченный габаритными огнями космопорт.

Николай не задумываясь повернул к космопорту.

Бежать по запорошенному снегом стеклобетону стартовой плиты оказалось значительно легче, чем по заваленным сугробами улицам замерзшего поселения. Однако здесь его подстерегали неприятности иного рода. Поравнявшись с терминалами, которые щерились в свете прожекторов осколками стекла в выбитых окнах, он внезапно споткнулся обо что-то твердое. Перелетев через голову, Николай рухнул лицом в снег, словно куль, и несколько секунд барахтался в своей неуклюжей одежде, тщетно пытаясь подняться. Наконец ему удалось встать на четвереньки.

Оглянувшись, он увидел, что споткнулся о треногу перевернутого бластерного орудия. Голубоватый снег вокруг был заляпан кровью.

Пока он барахтался в снегу, его рука наткнулась на что-то не такое твердое, как станина плазменной пушки. Машинально уцепившись за этот предмет, он вдруг понял, что выволок из-под снега почти что мертвое

лохматое существо. Николай инстинктивно отпрянул, разжав пальцы, и вскочил…

Сердце гулко ухнуло в груди.

«Пес… Обыкновенный мертвый замерзший пес…» — успокоил себя фон Риттер, отступая на шаг. В некоторых вопросах ему явно не хватало хладнокровия своего знаменитого прадеда.

Пока он пятился, мертвое, по его мнению, животное вдруг с трудом открыло один глаз.

В угасающем взоре собаки, заживо погребенной под снегом, было столько мольбы и укора, что Николай не выдержал. Теряя драгоценные секунды, он вернулся, поднял тощее лохматое существо и, прижимая его к себе вместе с импульсной винтовкой, из последних сил побежал к многослойным прозрачным дверям, за которыми виднелся ярко освещенный холл космопорта.

* * *

Здание космопорта встретило его гулкой, гнетущей и в то же время настороженной тишиной.

Когда за спиной Николая сомкнулись прозрачные створки автоматических дверей, он, вместо того чтобы облегченно вздохнуть, ощутил внезапный приступ острого страха.

Идти было больно и неудобно. Леденящий холод, казалось, засел в каждой клетке его организма, а одежда, которая на улице казалась благом, внутри здания вдруг превратилась в настоящие оковы.

Он споткнулся, едва удержав равновесие. Импульсная винтовка и неподвижное тело собаки тянули к земле неподъемным грузом. Организм Николая слишком ослабел после длительного гиперсна и неожиданной реанимации, чтобы он мог без каких-либо последствий совершать пробежки по сугробам замерзающей планеты.

Николай остановился в сотне шагов от прозрачных дверей, которые, к его счастью, закрывались вполне герметично. Положив на пол заиндевевшее тело собаки, он осмотрелся.

Космопорт производил впечатление очень старой постройки, за состоянием которой следили весьма небрежно. Взгляд Николая пробежал по блеклой зелени уже порядком выцветших и очень грязных искусственных пальм, с разлапистых листьев которых свисала не многолетняя, а скорее многовековая пыльная паутина. Однако воздух холла не имел стойкого запаха затхлости, скорее, наоборот, в нем присутствовало что-то сладковатое, тревожащее обоняние и память.

Взгляд Николая скользнул дальше и остановился на огромном рекламном плакате, украшавшем одну из стен…

«Летайте космопланами Конфедерации», — ненавязчиво предлагала юная особа, на лице которой краска вздулась и потрескалась.

Теперь Николай уже почти не сомневался, что попал именно на Везелвул. Где еще мог сохраниться такой рекламный щит? От Конфедерации солнц вот уже несколько сот лет, как остались одни ностальгические воспоминания, и только возведенные за счет Центральных миров великолепные здания космических портов пережили века, но на населенных планетах такие помещения выглядели совсем иначе… Только Везелвул да, быть может, еще пара покинутых людьми миров могли сохранить такой артефакт в нетронутом виде…

Николай пошатнулся, уцепившись за кресло.

Интерьеры огромного безлюдного холла вдруг поплыли перед его глазами… Он чувствовал, как тело под веригами одежды сотрясает озноб. Его лицо, спрятанное под пластиком шлема, пылало жаром…

Не в силах больше идти, он медленно опустился на пол.

Средь окружающей его настороженной тишины пустого здания вдруг прозвучал далекий, но отчетливый вопль. Николай хотел бы отреагировать на этот затронувший воображение звук, но не мог. С каждой секундой ему становилось все хуже и хуже — дурнота накатывала леденящими волнами озноба, от которого лязгали зубы и мутилось сознание, хотя одновременно он ощущал, как горит его кожа от поднимающейся температуры.

Действуя почти бессознательно, он стал непослушными пальцами расстегивать одежду. Перед глазами покачивался, уплывая в жаркий туман, огромный рекламный плакат с улыбающимся лицом юной фотомодели, чей прах истлел уже много сотен лет назад.

А за окном продолжал медленно падать холодный колючий голубой снег. Да еще по пространству огромного холла перемещались какие-то странные сгорбленные тени… но Николай уже не видел их.

Он провалился не то в беспамятство, не то в горячечный болезненный сон… Импульсная винтовка медленно сползла с его колен и глухо стукнула об пол поцарапанным пластиковым прикладом…

* * *

…Вопль, что слышал Николай, принадлежал человеку.

Он был не один. Разношерстная группа из семи-восьми человек отступала в глубины космического порта планеты.

Тот, что кричал, уже был мертв — он лежал в широком, ярко

освещенном коридоре перед дверью с табличкой «Залы управления. Посторонним вход воспрещен». Его горло, порванное ударом мощной когтистой лапы, истекало кровью.

Именно дразнящий запах крови остановил группу следовавших за людьми существ. Они задержались возле трупа, который, неестественно вывернув голову, лежал на полу, протянув руки к двери, электронные замки которой были выбиты выстрелами из импульсного оружия, и сгрудились над мертвым человеком.

Внезапно из глубин коридора показался человекоподобный робот. Он шел уверенным, размашистым шагом. Дойдя до своры хрипящих и издающих невнятные звуки гуманоидных существ, он попытался пробиться сквозь толпу, чтобы оказать помощь лежавшему на полу человеку, но был отброшен к стене небрежным раздраженным ударом.

— Господа, — безо всяких интонаций произнес андроид, — моя обязанность оказать помощь пострадавшему. Разрешите мне осмотреть его…

Одно из существ обернулось на голос.

Несомненно, когда-то он или, возможно, его предки, были людьми, но внешний вид существа, его лохмотья, из-под которых торчали участки заскорузлого, никогда не мытого тела, горящие бешеным кровожадным огнем глаза и явно выраженное в них тупоумие говорили о том, что он не мог принадлежать ни к персоналу космопорта, ни к каким-то другим анклавным учреждениям Везелвула…

— Хх-х-рр…

— Не понял вас, сэр? — Андроид вопросительно склонил голову к низкорослому существу.

Удар заточенного металлического прута, пробивший лицевую пластину андроида, оказался так силен, что, войдя меж двух видеокамер, пригвоздил конвульсивно дергающегося робота к пластиковой облицовке стены.

Во все стороны снопами ударили искры. Низкорослый гуманоид равнодушно обернулся и тут же с рычанием кинулся в самую гущу кипящей над телом мертвого человека свалки.

Он был очень зол и голоден…

* * *

Группа людей, которым удалось скрыться за массивной дверью, представляла собой плачевный образец сформированного силой обстоятельств, деморализованного подразделения.

Только двое из них имели какое-то понятие о боевых действиях, остальные были либо учеными, либо техниками.

В данный момент они остановились посреди огромного зала, все пространство которого занимали сотни компьютерных терминалов. На куполообразном своде проецировалась карта звездного неба. В зените среди ярких серебристых точек располагался покрытый коростой шар, нездорового тускло-красного цвета.

— О господи!.. Великий боже! — заголосил один из беглецов, непослушными руками отмахиваясь от пытающихся удержать его товарищей. — Гренвуд! Он остался там, за дверью!..

Хлесткий удар по лицу заставил его замолчать, подавившись очередным воплем.

— Ваш товарищ умер!.. — бесцветным от усталости голосом проговорил один из солдат. — Прекратите истерику, доктор, иначе мы все последуем в ад!

Тот, кого назвали доктором, поник. Его лицо приняло обреченное выражение, но пунцовый румянец, проступивший на щеках, говорил о рвущихся наружу чувствах. Внезапно он не выдержал и разрыдался, сотрясаясь всем телом, словно в конвульсиях.

— Бред… Это не со мной… Этого не может быть!..

Сержант, который держал вход в аппаратный зал под прицелом импульсной винтовки, прикрывая тем самым отход группы, резко обернулся.

— Джимми, приведи его в чувство! — приказал он своему единственному подчиненному, заметив, что истерика у незнакомого ученого, одетого в нелепый темно-синий с серебристыми блестками костюм, только усиливается с каждой секундой.

— Не надо! Он сейчас пойдет! — вступился за доктора рослый техник, облаченный в порванную и испачканную кровью униформу космодромной обслуги.

— Док, успокойтесь, прошу вас! — он пытался говорить как можно тише, но из пересохшего горла вырывались визгливые и нервные слова, больше похожие на крик. — Только вы теперь имеете доступ к программированию установки термоядерного синтеза! — Не уповая на действенность слов, он схватил доктора за грудки. — Нам нельзя терять время, слышите! — выкрикнул он, перекрыв своим голосом судорожные рыдания ученого. — Осталось немного, пост управления уже рядом, в конце этого зала!

Остальные стояли вокруг в полной растерянности. Из гражданских

лиц в отряде оказались еще трое офисных служащих, состояние которых было ничуть не лучше, чем у Фрамера. Двое солдат, один из которых носил форму сержанта планетарной гвардии, стояли особняком у чуть приоткрытой двери.

Все без исключения казались до предела измученными. Глядя на маленькую деморализованную группу людей, нетрудно было понять, что они столкнулись с непосильными проблемами.

Впрочем, стоило поразмыслить, и этот факт уже не казался столь вопиющим. Дело в том, что пресловутый Везелвул-12 никогда не входил в списки курортных планет, работа на которых сама по себе представляла отдых. Эти люди оказались на маленьком, летящем среди бездны пространства шарике либо по принуждению, либо соблазнившись высоким заработком, что сулила им корпорация. Но и в том и в другом случае они морально готовили себя к трудностям серой, невзрачной жизни, суровой природе и отсутствию многих привычных удобств.

Однако никто из них: ни солдаты, ни техники, ни ученые — не могли предположить, что возможно такое…

Их серому монотонному существованию пришел конец двое суток назад, когда солнце Везелвула вдруг начало необъяснимым образом гаснуть.

В первый момент, когда стало ясно, что это не обычный сбой, с которым вполне могла справиться автоматика, управляющая искусственным солнцем, а настоящая, огромная проблема, население Везелвула охватила паника.

Для нее был вполне конкретный и обоснованный повод, который заключался в полной безвыходности их положения. Из-за присутствия на планете колониальной тюрьмы на стартовых площадках космопорта не было запарковано ни одного пригодного для космическою перелета корабля. Раз в месяц сюда прилетал транспорт корпорации «Генезис», который доставлял продукты, медикаменты, новых служащих и заключенных. Шаттлы с такого транспортного челнока бомбили ядовитые топи контейнерами с дезактиватором, и он улетал, чтобы появиться вновь спустя определенный срок. Такая политика была призвана свести к минимуму риск побега с планеты. Касалась эта предосторожность только преступников или всего персонала Везелвула, оставалось только гадать…

Но отсутствие кораблей для эвакуации с планеты было лишь одной из причин, что заставила обезумевших людей метаться по коротким улочкам невзрачного поселка в поисках спасения. Вторая причина стихийной паники заключалась в том, что по какому-то роковому стечению

обстоятельств именно в этот момент Везелвул остался без связи — станцию Гиперсферной Частоты за несколько дней до катастрофы остановили на плановый ремонт…

Ледяной холод охватил планету, и это лишь подстегнуло страшную развязку. Со стороны ядовитых болот на поселок двинулись мутанты, которых он согнал с насиженных мест.

Эти твари давно уже стали обычным явлением для Везелвула. Дело в том, что несколько столетий назад до возникновения современных поселений тут уже велись работы по очистке. Конфедерация солнц, которая начинала эти работы, не отличалась особой оригинальностью в решении проблемы рабочей силы. Задолго до сегодняшних событий здесь уже функционировали несколько колониальных тюрем. Заключенные, которые занимались возведением космопорта, первыми начали атаку на болота, в результате Эригонского кризиса внезапно оказались брошены, предоставлены сами себе, про Везелвул забыли в горячке вспыхнувшей войны, и когда про него вспомнила колониальная администрация Аллора уже много веков спустя, посланный сюда разведывательный корабль обнаружил в отравленных болотах многочисленные поселения странных голубокожих существ, отдаленно напоминавших людей.

Это были мутанты, одичавшие и деградировавшие в радиоактивных болотах потомки тех, кто начинал осваивать Везелвул.

Сам факт существования этой удивительной с точки зрения генетики и экзобиологии популяции существ мало тревожил представителей «Генезиса», которые около полувека назад возобновили разработку радиоактивных свалок планетоида. Ко времени описываемых событий мутанты стали явлением повсеместным, особенно для огромных орбитальных промышленных комплексов, поэтому их присутствие на Везелвуле было воспринято как факт, не более того. Пока они «варились в собственном соку» на территории неосвоенных болот, власти Везелвула обращали на них столько же внимания, сколько уделялось камням, в изобилии торчащим среди отравленных топей. По-настоящему проблемой мутантов занималось лишь несколько постоянно действующих научных станций, где работали экологи и экзобиологи колониальной администрации. Все их работы финансировал «Генезис», и это являлось одним из пунктов молчаливого, негласного компромисса между прежними властями Аллора и корпорацией.

Такое положение сохранялось до того момента, когда солнце Везелвула начало стремительно угасать, погружая планету в леденящий мрак космической ночи.

Удар обезумевших от холода существ буквально смел небольшой городок, и лишь малой части его обитателей удалось прорваться к космопорту, укрывшись в его стенах…

Доктор Гентри Фрамер оказался одним из этих «счастливцев»…

…В приоткрытую дверь внезапно протиснулась отвратительная, изуродованная не то природой, не то жуткими шрамами морда мутанта.

Сержант выстрелил навскидку, и голова дернулась. Существо молча сползло по косяку, оставив на внутренней поверхности двери длинный кровавый след.

— Уходите! — крикнул сержант. — Делайте свое дело, а мы их задержим!

Он и техник, которого звали Грегор, обменялись быстрыми выразительными взглядами. Ни слова не говоря, Грегор схватил доктора в охапку и поволок в сторону овальной бронированной двери.

Сзади раздались скупые, экономные выстрелы.

— Я не могу!.. — Доктор попытался вырваться из могучих объятий, но все оказалось бесполезно. — Я никогда тут не был!.. Да поймите же, мой допуск — это фикция, перестраховка, на тот случай, если…

Он не договорил, потому что Грегор добежал до двери и остановился. Видимо, этот невзрачный серый овал брони находился под контролем каких-то особенных систем, потому что вокруг внезапно вспыхнул злобный красный свет и в стене открылась ниша, откуда с жужжанием выдвинулся сканер.

Все невольно отступили назад, оставив доктора один на один с этой штукой, которая застыла, нацелившись на его правый глаз.

— Действуйте, док! — Грегор слегка подтолкнул его к сканеру и тоже отступил на шаг. — Наступил именно тот самый случай!

Доктор все еще колебался. Наконец, решившись, он почему-то прищурил левый глаз и нагнулся, приложившись правым к окошку сканера.

На индикационной панели возле двери что-то изменилось в узоре сигналов, и бронированный овал начал открываться, уползая в стену. Одновременно с этим из скрытого динамика прозвучала стандартная формулировка допуска:

— Доктор Гентри Фрамер, сканирование сетчатки окончено. Ваши полномочия подтверждены.

— Что… Что я должен сделать?!

— Идите вовнутрь и не закрывайте дверь, — подсказал Грегор. — Там всего один компьютерный терминал. Я буду разговаривать с вами отсюда…

— Хорошо… — Казалось, что Фрамер вдруг нашел в себе какой-то

скрытый до сих пор запас мужества и шагнул вперед…

— Мой бог!.. — раздался из-за стены его вопль. — Грегор, ради всего святого! Здесь человек! Он застрелился!

— Доктор, возьмите себя в руки! Мне нужно войти, а я не смогу сделать этого без вашей помощи. Не смотрите на труп! Подойдите к правому крылу пульта, там расположена вспомогательная сенсорная клавиатура. Перед ней экран. Что вы там видите?

— Ничего! — раздался изнутри помещения глухой голос. — В углу экрана мигает надпись «Резерв»!

— Отлично! Наберите на клавиатуре код: «А648XVI2».

— Набрал, — спустя некоторое время вновь раздался голос доктора. — Появилась надпись «Терминал подключен»… — растерянно добавил он.

— Теперь найдите строку «Допуск» и добавьте к ней тот же самый код, — приказал Грегор, который был обучен этим действиям на тот случай, если произойдет нечто непредвиденное…

— Хорошо… — судорожно сглотнув, ответил Фрамер. Через несколько секунд красный свет около дверей погас.

— Док временно снял ограничение допуска! — возбужденно пояснил техник, обернувшись к остальным. — У нас есть ровно мину…

Он не договорил.

Из-за пультов управления выскочила фигура сержанта. Резко обернувшись, он взмахнул импульсной винтовкой, впечатывая удар приклада в обнаженную мускулистую грудь своего преследователя.

Тошнотворный хруст проломленной грудной клетки смешался с жутким воем. Человек (если так можно назвать существо двух с половиной метров ростом, в морщинистом лбу которого средь складок кожи прятался единственный глаз) резко взмахнул рукой, в судороге полоснув сержанта по плечу когтями. Черная ткань униформы моментально лопнула, словно ее распороли бритвой, и из открывшихся ран хлынула кровь.

Сержант отпрянул, смертельно побледнев, а гуманоид, истошно завывая, ринулся на оторопевших, парализованных ужасом людей.

Не растерялся только Грегор. Подхватив теряющего сознание сержанта, он поволок его в открытый дверной проем.

На пороге техник обернулся в надежде спасти еще кого-то, но это оказалось невозможно. От обилия пролитой на пол крови ему стало плохо.

Ощущая себя убийцей и сотрясаясь от крупной нервной дрожи, он ударил ладонью по расположенному с внутренней стороны проема выключателю, и овальная бронированная плита медленно поползла назад.

Пока она заполняла проем, Грегор не отрываясь смотрел, как смертельно раненный монстр догнал последнего из служащих, который, истошно крича, метался между пультами.

Озверевший от боли и уже ощутивший дыхание смерти мутант убил его одним коротким ударом…

Бронированная плита закрылась.

* * *

Помещение оказалось достаточно тесным и представляло собой обыкновенный отсек размером три на четыре метра.

Доктор Гентри сидел на полу, забившись в угол и обхватив голову руками. Рядом с ним в кресле лежал раненый сержант.

Труп неизвестного, который до этого занимал место за приборными панелями, Грегор оттащил в противоположный от доктора угол и накрыл листом отодранной от стены пластиковой облицовки.

— Тебя как зовут, сержант? — не оборачиваясь, спросил он. Пальцы техника с завидным проворством сновали по двум сенсорным клавиатурам, словно он был пианистом, исполняющим одновременно два совершенно разных произведения. Было видно, что ему не по себе, но Грегор, насмотревшись на доктора, тщательно скрывал свой собственный страх.

— Сергей… — тихо выдавил бледный от потери крови сержант.

— Ты знаешь, что произошло? — спросил Грегор, не отрывая глаз от контрольных мониторов. Он вдруг подумал о том, что они пять часов провели вместе, выбираясь из подвальных уровней космопорта к его вершине, и даже не успели узнать имен друг друга.

— Понятия не имею… — хрипло выдавил сержант. — Мы только заступили в караул на дальней Зоне, когда погасло солнце… — Очевидно, что посетившее его воспоминание оказалось очень ярким и впечатляющим, потому что на бледных щеках Сергея выступили пунцовые пятна. Он попытался пошевелиться, но это ничтожное усилие лишь вырвало из его горла хриплый стон да на наспех сделанной повязке проступили влажные пятна крови.

На этот раз Грегор обернулся.

— Доктор, мать твою, у нас раненый! Хватит давиться слезами!..

Странно, но его гневный окрик никак не подействовал на съежившегося в углу человека.

— Я доктор, но только химических наук… — раздался глухой голос из-под закрывавших лицо Гентри ладоней. — Консультант, понимаете? Меня запихнули сюда… Я не хотел лететь на этот чертов Везелвул…

— Так ты не врач?

— Нет!.. Я понятия не имею о медицине! Оставьте меня в покое, прошу вас!

— Знаешь что, док, — Грегор на мгновение оторвался от своего занятия и повернулся вместе с креслом. — Мы теперь в одной упряжке, и не имеет значения, хотел ты лететь сюда или нет. Если не будем помогать друг другу, то подохнем, понимаешь?

Гентри оторвал ладони от опухшего лица.

— Мы все равно умрем, — тихо, но очень убежденно произнес он. — И не имеет значения, случится это сейчас или несколькими днями позже. Все, кто попал на Везелвул, обречены…

— Ты что несешь? — Грегор резко обернулся. Его уже начал доставать замогильный тон доктора.

— Я знаю, что говорю… — глухо повторил Фрамер, отняв ладони от покрасневшего лица. — И он тоже знал… — Доктор кивнул в сторону трупа, прикрытого листом пластиковой облицовки.

Очевидно, эти слова сильно подействовали на воображение техника. Он смертельно побледнел.

— Так-так… — Он старался скрыть свое волнение, но не смог этого сделать, отчего голос Грегора заметно дрогнул. — Значит, вы в курсе, док? Кто он такой и почему валяется в резервном отсеке контроля термоядерного синтеза с дыркой в голове? — требовательно спросил он.

— Ничего мне не известно, — раздраженно отмахнулся от него Гентри. — Просто я знал этого человека…

— Ты думаешь, он погасил солнце?! — не унимался Грегор.

Не дождавшись немедленного ответа, техник отвернул край пластикового листа и взглянул на обезображенную голову трупа.

— «Генезис»… — это слово сорвалась с губ доктора, словно редко произносимое вслух проклятие. Он не отвечал на вопрос Грегора, а просто разговаривал сам с собой. Очевидно, что Фрамер уже дошел до той степени морального и физического изнеможения, когда реальность начинает отодвигаться, уступая место полубредовым видениям.

— Что «Генезис»? — не разобрав его фразы, раздраженно переспросил Грегор. — На нас напали мутанты, а не корпорация, — зло отчеканил он, возвращаясь к прерванной работе.

Вместо доктора на последний вопрос техника ответил сержант. До сих пор он молча слушал их диалог, плотно сомкнув глаза и весь отдавшись внутренней боли, но после последней фразы Грегора по его губам скользнула едва заметная усмешка.

— Ты что, с луны свалился, Грегор? — хрипло и удивленно спросил он. — Ты разве до сих пор не понял, что Везелвул — планета смертников?.. — сержант закашлялся, сплюнув кровавый сгусток. — И мутанты, и болота — все это политика «Генезиса»…

— Нет… — растерянно ответил техник.

— Говорят, что ядовитые болота Везелвула — это огромная, возникшая естественным путем химическая фабрика, понимаешь… природный химический реактор, который производит чистейший сетроний…

— Да ты с ума сошел! — недоверчиво воскликнул Грегор, на мгновение оторвав пальцы от клавиатуры.

— Хотелось бы… — едва слышно прошептал сержант.

На некоторое время в тесном отсеке повисла гнетущая тишина, нарушаемая лишь сдавленным попискиванием сигналов на контрольных панелях.

— Да байки это все… — не очень уверенно произнес техник, возвращаясь к прерванной работе.

От этих слов техника доктора Фрамера передернуло.

— Ну конечно… — с оттенком сарказма произнес он. — Вам все невдомек. Хорошо сидеть в стенах космопорта. Здесь, по крайней мере, не видно всей дряни, что творится с легкой руки «Генезиса»… Мне искренне жаль тех экологов, что только зря мучаются в болотах… — вздохнул он.

— Это почему? — поинтересовался Грегор, которого в данный момент больше занимала проблема погасшего солнца, чем странные откровения доктора Фрамера, но все же он машинально продолжал слушать.

— Я являлся консультантом по обслуживанию атмосферных процессоров, — глухо ответил Гентри, — и могу сказать, что они уже много лет работают на двадцати пяти процентах своей расчетной мощности. Этот факт трудно объяснить с точки зрения здравого смысла. Если бы компания приказала вывести их на расчетный показатель, то атмосфера Везелвула была бы очищена лет двадцать назад. Просто они не хотят этого. Они искусственно держали Везелвул в таком адском состоянии, чтобы никто, никакие поселенцы не сунули сюда нос. Им удобно разрабатывать болота руками заключенных. — Доктор Фрамер откинул голову, упершись затылком в холодный материал стены, и продолжал говорить, закрыв глаза. — Из года в год тут поддерживается определенный химический баланс. В атмосфере можно дышать, но только в районах станций переработки. Болота могли быть очищены, мутанты

уничтожены или переселены… все можно было сделать, но тут происходят обратные процессы… — Фрамер осекся, словно испугавшись собственного откровения. Очевидно, что он впервые выражал вслух собственные мысли относительно политики корпорации, поэтому ему стоило определенных усилий переступить незримый внутренний барьер страха и закончить начатую фразу:

— Транспортные корабли, что прибывают сюда, сбрасывают в болота контейнеры с химическими элементами… — признался он.

— Ну и что? — насупился Грегор. — Это общеизвестный факт. Химические дезактиваторы для гашения реакций.

— Если бы… — не открывая глаз, усмехнулся Фрамер. — Я исследую атмосферу Везелвула уже пять лет и знаю ее состав. Мне удалось несколько раз снять спектры болотных испарений сразу после сброса контейнеров с «дезактиваторами»… Нет… — он сокрушенно покачал головой. — Туда сбрасывают чистейшие яды, чтобы поддержать идущие в недрах болот процессы…

Пока он говорил, космодромный техник закончил программировать.

— Все… — облегченно вздохнул он, откидываясь в окровавленном кресле, которое незадолго до него занимал труп. — Не знаю, что это был за сбой, но сейчас солнышко начнет разгораться вновь…

Ответом ему был лишь мучительный, сдавленный стон раненого сержанта.

Грегор посмотрел по сторонам и, наткнувшись взглядом на окровавленный пластиковый лист, непроизвольно отодвинул свое кресло подальше от трупа.

Он не стал говорить своим невольным сотоварищам о том, что он увидел, приподняв лист облицовки. В затылке трупа красовалась аккуратная дырка, по краям которой запеклась черная кровь. «Очень похоже на контрольный выстрел… Очень. Неужели этот плаксивый доктор прав? — испуганно подумал он. — Но зачем? Зачем компании катастрофа? — Гентри передернуло не то от страха, не то от отвратительных воспоминаний. — Нет… — подумал он, покосившись в сторону трупа. — Этот парень, наверное, попросту псих…»

Такие мысли никак не способствовали поднятию настроения.

Оглянувшись по сторонам, Грегор вдруг почувствовал себя как крыса, попавшая в западню.

Глава 4

Борт транспортного корабля «Геракл». Точка гиперпространственного перехода

Против обыкновения, в этот утренний час Линкс был трезв как стеклышко и, наверное, оттого пребывал в самом мрачном расположении духа.

— Ну что, Рорих, долго мы еще будем болтаться возле этой жестянки?! — раздраженно спросил он, глядя, как небольшой навигационный буй, обозначающий расчетную точку для гиперпространственного прыжка, в очередной раз медленно проплывает на обзорных экранах ходовой рубки.

— Пять секунд, сэр… — отозвался полный скрытой иронии голос. Если бы интерком был исправен, на экране возник бы Железная Башка во всем великолепии своего уродства. Линкс никогда не сомневался, что Эрни Рорих занял бы самую верхнюю ступеньку на пьедестале почета в конкурсах, проводимых на небезызвестной планете Эрлок-17.

«Мистер суперпанк 4000» — это звучало бы приблизительно так.

Действительно, инженер бортовых систем «Геракла» носил свои искусственные части тела с подчеркнутой, показной небрежностью. Его череп от лба до затылка пересекала сияющая хромом металлическая пластина шириной в десять сантиметров. Вместе правого глаза из мягкой оправки торчала миниатюрная видеокамера, которая, когда он хотел посмотреть вбок, поворачивалась в глазнице из пеноплоти с противным, скребущим по нервам визгом. Щеки и нос Эрни бороздили несколько глубоких шрамов. С обоих боков от металлической пластины росли редкие волосы, которые Эрни красил в серебристый цвет и подстригал коротким ежиком, что делало их очень похожими на встроенные в искусственную часть его черепной коробки разъемы биоинтерфейсов.

В данный момент он испачканными в масле руками закрывал кожух одного из генераторов низкочастотного поля, которые составляли основу гиперпространственного двигателя.

Линкс облегченно вздохнул, откинувшись в кресле. Подобные непредвиденные задержки, когда их горе-корабль по нескольку дней болтался в какой-нибудь точке пространства, здорово действовали ему на нервы.

Слишком много времени на размышления — так безошибочно

определял он свой недуг.

Чтобы не думать, естественно, приходилось пить. Но теперь все. Шабаш…

Линкс повернулся, собираясь вызвать навигационный отсек, где распоряжалась Эйзиз, но его опередил звонок из другого модуля.

Это был Звягинцев.

Дерек почему-то сразу почуял неладное. Сказать откровенно, то с той поры, как он начал командовать кораблем, Линкс невзлюбил вот такие неожиданные звонки, особенно в тот момент, когда корабль готов вот-вот уйти в гиперсферу…

— У нас возникла проблема, командир… — сообщил Андрей.

Сердце Линкса екнуло.

— Ну? — насупившись, спросил он.

— Приемник гиперсферных частот уловил сигнал, — доложил Звягинцев. — Очень слабый, но все же автоматика сумела выделить его из фоновых помех.

— Текст есть? — осведомился Линкс, настроение которого падало с каждой секундой, словно столбик выброшенного за борт ртутного термометра.

— Достоверно идентифицирован только сигнал SOS, остальное очень трудно понять, слишком слаб источник.

— Ну а данные? Координаты, направление?

— Везелвул. Система Везелвул-12.

— Это точно?

— Без сомнения. Автоматика сразу же выдала место передачи, еще до того, как опознала сигнал бедствия.

— Черт… — от души выругался Линкс.

— Что «черт»? — не понял его реакции Андрей. — Ты о чем, командир?

— О сигнале. Ну да хрен с ним… — внезапно заключил он, чем вызвал откровенное недоумение Андрея. — Уточни пеленг, еще раз перепроверь данные и подготовь передатчик для связи с Онтарио, — распорядился Линкс. — Остальное по плану, — хмуро добавил он.

— Что значит «по плану»? — в свою очередь озадаченно спросил Андрей. И вдруг до него начал доходить истинный смысл реакции Дерека.

— Ты что, не собираешься ответить на SOS?! — искренне изумился Звягинцев. — Это же сигнал бедствия, командир!

— Да знаю я, — попытался отмахнуться Линкс.

— Нет, подожди! — Андрей уже начал злиться, не на шутку

озабоченный такими действиями. — Ты что…

— Да ничего я… — внезапно окрысился Дерек. — Мы не спасательный корабль, а старая развальня, которой впору самой транслировать SOS вместо опознавательных сигналов! — раздраженно пояснил он. — Месяц ремонтируемся и сутки летим! Ты сам подумай, если сигнал столь слаб, то когда он отправлен? Десять лет назад? Или двадцать?

— Не знаю, — после паузы ответил Звягинцев, для которого, очевидно, не существовало такого вопроса в принципе. — Может быть, у него просто слабый источник, вот и все! — предположил он.

— Станция ГЧ не может быть слабым источником! — назидательно отрезал Линкс. — И хватит об этом. Передадим принятый сигнал на Онтарио, и пусть они посылают спасательный корабль. Все ясно?

Андрей хмуро посмотрел на него с экрана интеркома и потянулся к какому-то выключателю.

— Ясно… — пробурчал он, еще не совсем осознав, как это можно просто передать сигнал бедствия по инстанции, не откликнувшись на него немедленным действием.

Интерком отключился, оставив Дерека наедине с собственным отражением, которое печально смотрело на него из неисправного монитора.

В отличие от Андрея для Линкса ситуация представлялась вполне понятной. Несмотря на внезапность обрушившейся проблемы, ему не было необходимости часами размышлять над текстом сообщений и вопросом собственной совести. Он пятый год варился в каше, что зовется Корпоративной Окраиной, и знал, почем тут человеческая жизнь.

Он очень хотел играть по тем правилам, что придумал человек на заре освоения космоса. Они были вполне близки и понятны его разуму. Но, к сожалению, дело обстояло совсем не так.

Он отвечал за корабль и груз. Прежде всего. А уж потом за все остальное.

— Значит, все. Улетаем. Я ничего не могу сделать, — отрезал он, обращаясь к собственному отражению. — Если я ослушаюсь инструкций корпорации и угроблю корабль, то от меня даже дерьма для похорон не оставят…

Отражение молчало. Оно не хотело разговаривать с ним.

* * *

Командир «Геракла» знал, что бунт неизбежен и его затея обречена на провал, но с упорством начал готовить управляющие системы корабля к прыжку по старым координатам.

«Они не поймут меня…» — обреченно думал он, имея в виду остальных членов экипажа. Их раны еще кровоточили, казались слишком свежими и постоянно напоминали о иной жизни, которая для Линкса уже покрылась несмываемой плесенью рутины и постоянных унижений.

Если корпорация сказала «улетай», то лучше последовать данному требованию.

Он заканчивал программировать блок гипердрайва, когда в рубку управления без доклада ворвалась разъяренная Саша Эйзиз.

— Ты что, Линкс, совсем мозги пропил? — прямо с порога влепила она.

— Эй, — Линкс резко повернулся вместе с креслом. — Ты забыла постучаться и добавить «сэр»! В чем проблемы, навигатор?

— Это у тебя сейчас будут проблемы!.. — угрожающе пообещала Саша.

— Слушай, Эйзиз, если ты решила принять управление кораблем…

— Не волнуйся, — ледяным тоном ответила она. — Командовать будешь ты. Но если ты, Линкс, еще раз заикнешься, что мы не ответим на сигнал бедствия и, поджав хвост, полетим лизать задницу корпорации, то, клянусь всеми Шиистами космоса, я вышвырну тебя к чертовой матери с твоего командирского кресла!

— Но-но… Не много ли ты на себя берешь?..

— Ровно столько, сколько сможет выполнить! — раздался в рубке управления еще один голос.

Линкс вздрогнул и повернул голову, хотя и без того знал, что в открывшемся дверном проеме стоит Железная Башка.

— Я ей помогу, не сомневайся, — подтвердил тот свои намерения.

— Та-ак… — криво усмехнулся Линкс, заметив, как посторонился Рорих, пропуская в рубку заметно прихрамывающего Андрея. — Что ж, раз весь экипаж в сборе, давайте обсудим создавшееся положение, — сделав над собой усилие, предложил он.

Эйзиз только фыркнула в ответ, Андрей молча прошел вперед и сел в кресло пилота, Рорих же укоризненно покачал головой, покосившись на Сашу. При этом видеокамера в его глазнице едва слышно взвизгнула.

— Что мы должны обсуждать? — раздраженно спросила Саша. — Ты совершенно отупел на этой дерьмовой работе, Линкс, если забыл железное правило космоса — сигнал бедствия автоматически отменяет все полученные до него полетные инструкции.

— Да, я помню этот НЕПИСАНЫЙ закон, — огрызнулся командир, выделив предпоследнее слово. — Но ты, видно, забыла, что мы не просто

экипаж, — жестко заключил он. — Мы калеки, отбросы, шлак войны, как недавно определила ты сама, — напомнил Линкс, — и наши судьбы полностью в руках корпорации. Мы живем ровно до тех пор, пока имеем эту самую, как ты выразилась, «дерьмовую работу»!

— И что это значит?

— А то, что мы обязаны подчиниться существующим полетным инструкциям. Они не хотят, чтобы любой пойманный сигнал заставлял их корабли сворачивать с курса и лететь черт знает куда на слабый импульс двадцатилетней давности. Для этого на Онтарио есть специальная служба, оснащенная специальными кораблями, понимаешь? Если мы откликнемся на SOS, то автоматически противопоставим себя корпорации, сечешь, Ледышка?

— Не смей называть меня Ледышкой, Линкс, пока я слышу ту чушь, которую ты несешь! Клянусь змеедами Прокуса, когда я спасала тебя на Гамме-14, то меньше всего думала о нарушении приказов и своем послужном списке. Тогда мне, между прочим, было приказано возвращаться назад. Ты был списан в процент потерь, ты значился трупом, Линкс, и в итоге — я нарушила приказ, а ты теперь живешь и цепляешься за свое жалкое существование, напрочь позабыв, что мог бы сдохнуть пять лет назад…

Она отвернулась и тихо добавила:

— Мне жаль, что пришлось напомнить тебе об этом… Теперь ты командир и судьба других людей находится в твоих руках…

Линкс поднял голову и хмуро посмотрел на собравшихся.

— Почему вы считаете, что туда должны лететь именно мы? — глухо спросил он.

— SOS пришел только что… — ответил за всех Андрей. — Вокруг на пару парсек ни одного космического корабля, только мы, в этом ты мне можешь поверить, командир. Пока корпорация отправит спасателей, пройдет как минимум двое суток. В данный момент мы ближе всех к координатам Везелвула, и к тому же мы полностью готовы к прыжку!

— Конечно, они вышлют корабль, — поддержал Андрея Эрни Рорих. — Но никто не знает, что там стряслось и сколько человек погибнет за двое суток… Это Везелвул, не забыл? Мы с тобой уже, помнится, бывали на нем, Линкс. Такая большая помойка, помнишь?

Линкса поразило внезапное красноречие Рориха. Обычно тот был скуп на слова.

— Не хотелось бы всю оставшуюся жизнь гадать, сколько душ на твоей совести, — закончил свою мысль инженер «Геракла». — А

корпорация в этом вопросе может пойти подальше. Не ей писаны законы космоса.

Лицо командира помрачнело еще больше. Он поднял тяжелый взгляд, но слова, готовые сорваться с его губ, так и не прозвучали. Он понял, что может лишь приказать.

— Ладно, фрайг с ним… — наконец, сдавшись, произнес он. — Саша, меняй координаты прыжка, а ты, Андрей, подготовь сообщение на маяк Онтарио.

— Что отправить?

— Ну, как положено, там «транспорт, бортовой номер такой-то, меняет курс в связи с поступившим сигналом бедствия. Новые координаты прыжка — система Везелвул-12»… — Линкс на секунду задумался. — И подпись… — добавил он. — Мою.

Саша Эйзиз отвернулась, чтобы скрыть то выражение, что промелькнуло на ее лице.

Честно говоря, несколько минут назад она уже была готова усомниться в своем бывшем подчиненном.

Космопорт Везелвула. Отсек контроля

— Я больше так не могу!.. Давайте выйдем отсюда…

Док, пошатнувшись, встал с пола и нетвердой походкой подошел к бронированному овалу.

— Откройте мне дверь!.. Откройте!.. — в голосе Гентри звучало не требование, а мольба. Он больше не мог выносить этот спертый воздух тесного помещения, в котором витал смрад разлагающейся плоти.

Он добился лишь того, что отбил себе кулаки.

— Док, если мы выйдем наружу, то нас сожрут… — предостерегающе произнес Грегор.

— Плевать… — задыхаясь, ответил Гентри. — Я не зову вас с собой… Я хочу дышать… Вы… Вы…

Терпению Грегора пришел конец. Он не понимал, что вызывает в нем большее отвращение — стойкая сладковатая вонь или жалобные причитания дока.

— Да вали ты отсюда! — не выдержал Грегор, в сердцах ударив ладонью по клавишам пульта.

Многотонная дверь дрогнула и медленно поползла в стену.

В этом спонтанном жесте, как оказалось, было достаточно трезвого расчета. Пока Гентри, шатаясь, словно пьяный, рвался наружу, пытаясь

если не протиснуться в медленно расширяющуюся щель, то по крайней мере глотнуть из нее воздуха, Грегор, давясь тошнотными спазмами, просунул руку под пластиковый лист, нащупал там ворот одежды, в которую было облачено разлагающееся тело, и, стараясь не дышать, поволок его к выходу.

Грегор подумывал об этом уже несколько часов, но, откровенно говоря, слишком сильно боялся тех тварей, чьи вопли проникали в тесное помещение даже сквозь толщу брони. Он был согласен дышать смрадом, только не попасть в их лапы.

Теперь, когда нытье и причитания Фрамера окончательно достали его, в голове техника внезапно возник простой и вполне реальный план.

Он знал, что док трус. Увидев мутантов, тот кинется бежать со всех ног, и это отвлечет внимание тварей. Грегор рассчитывал, что успеет выволочь мертвое тело и закрыть дверь, прежде чем голодные звери, оккупировавшие космопорт, разделаются с доком.

То, что Гентри сам рвался стать наживкой, только упрощало дело.

Грегор не обращал внимания на то, как сильно за несколько последних часов изменились его мысли.

Всего пару дней назад он был простым техником из штата космодромной обслуги — обыкновенным, ничем не выдающимся мужчиной тридцати пяти лет, с уравновешенной психикой, без дурных наклонностей.

Теперь в нем что-то сломалось. Грегору казалось, что он читает книгу или смотрит какой-то дешевый фильм. Погасшая звезда, кислородная метель, полная растерянность, свирепые, исторгнутые из радиоактивных болот наступающим холодом мутанты — все это поначалу ошарашило, напугало до полусмерти, а потом, совершенно внезапно, заставило бороться за жизнь.

Теперь безумный переход по уровням космопорта казался ему тяжким, кошмарным сном.

Грегор больше не хотел умирать. Ему повезло — он встретил дока, одного из «резервных специалистов», которым на случай аварии или катастрофы был предоставлен доступ к управляющим отсекам. Его, рядового техника, тоже заставили пройти специальную подготовку именно на этот случай. Он знал, как управлять искусственным солнцем. И он разжег его вновь.

Несмотря на тот ужас, что пришлось ему пережить за последние сутки, Грегор не совсем потерял голову и ясно отдавал себе отчет в том, что спасение Везелвула будет дорого оценено корпорацией, которая год за

годом с завидным упорством инвестировала миллионы кредитов в этот проклятый богом и людьми мир…

Грегору было наплевать на то, что док и сержант плели тут про политику «Генезиса».

Он разжег солнце Везелвула. Разжег в тот самый момент, когда атмосферные процессоры уже находились в стадии перегрузки и должны были взорваться один за другим. Сейчас процессы пойдут вспять — за это Грегор как специалист мог поручиться.

Теперь ему оставалось совсем немного — выжить, отсидеться за мощными бронированными стенами до той поры, пока сюда не прибудут спасатели. И жизнь какого-то доктора вдруг перестала иметь значение. Важно было только одно — чтобы выжил он сам…

…Овальная плита наконец отъехала настолько, что доктор Фрамер смог протиснуться сквозь расширяющуюся щель. Он не видел, как вслед за ним Грегор поволок разлагающийся труп, — взгляд доктора, полный безумного, панического ужаса был устремлен в глубины аппаратного зала, где меж пультов управления сновали зловещие тени скопившейся тут нежити.

Он закричал, непроизвольно попятившись, но его спина внезапно наткнулась на твердый материал люка.

Доктор в панике оглянулся, но было поздно — пока он в оцепенении разглядывал сумеречные глубины зала, люк за спиной уже начал свой обратный ход, и теперь на месте прохода осталась лишь узкая щель.

— Грегор! Грегор!.. — в отчаянии закричал док, вцепившись в край люка. — Грегор, впусти меня обратно, прошу!..

В ответ, как ему показалось, прозвучал презрительный смешок. Доктор едва успел вырвать пальцы из щели, как люк, зашипев, встал на место.

* * *

Возвращение в реальность оказалось для Николая фон Риттера столь мучительным, что он впервые по-настоящему пожалел о том, что какое-то чудо вырвало его из гиперсна.

То, что поначалу казалось спасением, теперь упорно оборачивалось кошмаром.

Он лежал на спине там, где потерял сознание от лихорадки, и слышал какие-то странные звуки.

Кто-то рычал, низко, напряженно, угрожающе…

Этот звук заставил его повернуть голову, и в поле зрения попал

облезлый, свалявшийся хвост какого-то животного.

Собака…

Николай сделал усилие и привстал.

В метре от него, припав к полу, застыл в угрожающей стойке тот самый пес, которого он подобрал на улице, когда пробивался сквозь голубые сугробы к зданию космопорта.

Это могло показаться чудом — но ведь выжил!.. Надо же… Как ни плох был Николай, но даже в таком состоянии он удивился тому, что пес все же выкарабкался из лап смерти, а когда он перевел взгляд чуть дальше, то его удивление перешло в легкий шок…

Напротив пса в трех или четырех метрах в таком же напряжении застыл мускулистый карлик с зажатым в отведенной для удара руке ножом.

— Эй!.. — хрипло вскрикнул Николай, непослушными пальцами пытаясь нашарить приклад импульсной винтовки. — Ну-ка, вали отсюда…

Карлик вздрогнул и, не отводя глаз от собаки, повернулся, чтобы поймать боковым зрением источник нового звука. Пес, продолжая рычать, повторил его движение. Он переместился, прикрывая лежащего на полу человека.

На лбу карлика вздулись вены.

Такого уродливого существа Николаю не приходилось встречать очень давно, с тех пор, как он в последний раз бывал на Омикроне-5… Но одно дело Омикрон, а другое… Тут он внезапно вспомнил, что понятия не имеет, где находится… Этот карлик, который мог зарезать его одним молниеносным выпадом, совсем не походил на тех генетических уродцев, что демонстрировались в цирках Омикрона. Тут имела место не просто мутация, а *приспособляемость,* а этот термин в корне менял взгляд Николая на потенциальные возможности низкорослого существа, сквозь добротную, но крайне застиранную одежду которого выпирали недюжинные мускулы.

Карлик скривил рот в отвратительной ухмылке. Что это должно было значить, ведали одни Шиисты…

— Друг… Ваби друг… — на корявом интерангле внезапно просипел он. — Не убивать… Просить…

Николай медленно, сантиметр за сантиметром подтягивал к себе пластиковый приклад. Наконец он почувствовал, как его пальцы охватили холодную рукоять оружия. Теперь он мог выстрелить, в том случае, если его ватным мускулам достанет сил, чтобы вскинуть пятикилограммовое импульсное оружие…

— Хорошо… — так же хрипло и отрывисто ответил он. — Убери нож. Давай поговорим.

Лицо карлика исказила гримаса. Должно быть, она отражала какие-то необычные для этого существа мыслительные процессы. Очевидно, в повседневной жизни тому редко приходилось употреблять серое вещество по прямому назначению.

— Собака… Будет кусать… — лаконично предположил он.

— Не будет… — заверил его Николай, положив вторую руку на мокрый, тощий хребет пса.

Пес вздрогнул и повернул голову. В его взгляде читался немой вопрос. Собака была до предела истощена, и неизвестно, в какой части ее мокрого облезлого тела еще держалась душа этого преданного всему человеческому роду существа, но Николай внезапно понял — сделай он знак, и пес непременно кинется на врага…

— Все нормально… Никто никого не кусает… — произнеся эти слова, он потянул пса к себе, и тот послушно попятился, благодарно прижавшись мокрым боком к теплому человеческому телу. — Убирай нож и давай говорить.

Карлик посмотрел на него большими красноватыми глазами с четкими прожилками сосудов вокруг расширенных зрачков и медленно отступил на шаг, неуловимым движением спрятав клинок.

— Ваби пришел… — внимательно глядя на Николая, произнес он. — Солнце почернело… Холодно… — пожаловался он. — Дом Ваби… Все замерзли… Надо помочь…

В жизни фон Риттера случались, конечно, ситуации и похлеще, но в данный момент он оказался настолько слаб, что плохо отдавал себе отчет в том, видится ли ему все это в бреду или он действительно очнулся?

— Хорошо… — ответил Николай, оттягивая время и мучительно соображая над смыслом полученной информации. Что желал этот странный субъект? Ясно, что у него есть дом и катастрофа, постигшая планету, коснулась и его. Но что значит «замерзли»? Заболели? Или превратились в лед в буквальном смысле?

— Мне надо посмотреть, — наконец произнес Николай.

— Ваби поведет, — тут же согласился карлик.

Мускулы пса, прижавшегося к телу полуживого человека, внезапно напряглись. Ему совсем не нравился голос этого странного низкорослого существа.

— Хорошо… — повторил Николай, попытавшись встать. События, обрушившиеся на него, происходили слишком быстро, не давая опомниться, разобраться что к чему и принять здравое решение. Возникало неприятное ощущение того, что он просто следует за этой непонятной

цепью событий, которая влечет его в полную неизвестность.

И тем не менее фон Риттер ничего не мог поделать. Оставалось радоваться тому, что он все еще жив…

Пес, жавшийся к его ногам, вновь ощетинился, подозрительно косясь в сторону низкорослого мутанта. Николай очень остро ощущал всю уязвимость собственного положения и был рад, что собака по-прежнему рядом, хотя защитник из тощего пса, очевидно, был никакой…

Однако опасения фон Риттера не подтвердились. Маленький мутант строго придерживался их договоренности.

Это была самая странная сделка в жизни Николая. Его часто нанимали для разного рода дел, но впервые все происходило так кратко и согласованно. Никто ни с кем не торговался. Он попросту принял первое предложение маленького мускулистого уродца в обмен на то, что тот в силу каких-то соображений не всадил ему в горло нож.

Пока Николай вставал на ноги, удерживаясь обеими руками за спинку кресла, Ваби с безучастным видом разглядывал куполообразный свод зала, изредка поглядывая на пса, от которого, вероятно, ожидал любого подвоха.

Внезапно тишину огромного холла нарушило далекое завывание. Ваби резко повернулся, шустро присев под прикрытие пластиковой кадки с разлапистой искусственной пальмой. В его руках тускло блеснула сталь двух коротких, остро отточенных клинков.

Жуткий вопль повторился, отдавшись эхом в каких-то закоулках пустого порта. Звук явно приближался…

Николай, который был занят тем, что сдирал с себя насквозь промокшую одежду, которую напялил поверх костюма химической защиты еще в караульном помещении тюрьмы, последовал его примеру. Страшный вопль, как ни странно, помог ему собраться с силами, преодолев тошноту и головокружение. Пригнувшись, он оперся на спинку кресла, взвел интегральный затвор импульсной винтовки и замер, гадая, из какого коридора доносится вой.

Первым эту проблему решил пес. Громко залаяв, он кинулся к широкому, ярко освещенному тоннелю, который соединял холл с залами ожидания.

Одновременно с его рывком в глубине плохо освещенного туннелеобразного прохода появилась человеческая фигура.

Это был не кто иной, как доктор Гентри Фрамер. Порванная одежда болталась на нем окровавленными лохмотьями, перекошенный рот был открыт, словно в нем застрял немой крик, широко раскрытые глаза источали животный ужас…

Гентри бежал из последних сил, уже потеряв всякую надежду на спасение. Морально он был уже мертв, и только рефлекторные судороги толкали вперед его измученное тело.

Вслед за ним по коридорам и залам катился жуткий, леденящий душу вой.

Николай понял, что человек бежит на пределе сил, и, когда в сумеречных глубинах пешеходного тоннеля возникли силуэты его преследователей, он резко встал из-за укрытия и крикнул:

— Падай! На пол!!!

Неизвестно, расслышал его беглец или просто у него кончились силы, но человек внезапно споткнулся и рухнул как подкошенный, даже не пытаясь защитить лицо от удара об пол.

Над его головой сухо треснула очередь из ФЛАУ-винтовки, и коридор за спиной упавшего покрылся бурыми оспинами разрывов.

Николай был уверен, что все кончено, и потому, не дожидаясь, пока осядут обломки пластика и рассеется дым, поспешил к упавшему человеку, но он просто не представлял, с каким родом противников имеет дело.

Из клубов удушливого дыма, что заволокли коридор от стены до стены, внезапно вырвались три рослые фигуры.

Это были люди… вернее, гуманоиды, но как страшны в белом свете дневных ламп казались их окровавленные лица, кожа которых имела голубоватый оттенок…

«Нет… они не могли быть людьми!..» — эта мысль метнулась в сознании фон Риттера одновременно с тем, как один из мутантов остановился на пороге холла, обернувшись в его сторону.

Николай вскинул винтовку, но затвор лишь сухо щелкнул вхолостую… Заряды закончились.

Один из гуманоидов бросился прямо на него. Непропорционально длинные руки, оканчивающиеся когтями, тянулись к его горлу. Тварь взвилась в прыжке…

«Прогрессирующие мутации…» — успел подумать Николай, прежде чем масса нападавшего опрокинула его на пол.

В лицо фон Риттера пахнуло смрадом от частого горячего дыхания противника.

Это прикосновение отвратительной смерти было столь мерзостно, что Николай, удивляясь, откуда взялись силы, совершенно машинально уклонился, позволив себе упасть вместе с противником, и, резко извернувшись, вдруг чудесным образом оказался сверху.

Мутант взвыл, одновременно с тем, как хрустнула его рука, сломанная

в предплечье коротким рубящим ударом ладони фон Риттера, и тут же сбоку, из-за опрокинутой на пол пальмы, к его горлу метнулась серая лохматая тень.

Николай, который уже вскочил на ноги, невольно отпрянул, на долю секунды встретившись взглядом с атакующей собакой.

Столько ненависти было в глазах пса, столько скопившейся злобы, что он отступил, словно признав за собакой право разделаться с мутантом, который, несмотря на раны и сломанную руку, уже поднялся, свирепо вращая налитыми кровью глазами и издавая совершенно не похожие на речь нечленораздельные звуки.

Он тянулся к Николаю и не видел пса.

Фон Риттер отвернулся, когда клыки с отвратительным звуком сомкнулись на незащищенном горле.

Перехватив импульсную винтовку за покрытый вздутиями электромагнитных катушек ствол, он поспешил на помощь Ваби, которого пытались атаковать сразу два противника.

Впрочем, уже один.

Пока фон Риттер на дрожащих от напряжения, ватных ногах преодолевал несколько метров, отделявших его от ближайшего противника, один из мутантов вдруг пошатнулся, обернувшись в его сторону в неестественном, конвульсивном движении.

Из переносицы уродливой пародии на человека торчал метательный нож. Бросок карлика оказался столь силен и точен, что клинок пронзил мозг мутанта, войдя в переносицу по самую рукоять.

Человекообразная тварь прошла еще несколько шагов, судорожно загребая руками воздух, и рухнула на пол, содрогаясь в конвульсиях.

Ваби, издавая хриплое сопение, медленно отступал к стене, без особого труда уворачиваясь от грубых и неуклюжих выпадов когтистых лап третьего, оставшегося в живых, мутанта.

Николай подоспел как раз вовремя, потому что отступать карлику уже было некуда — его спина уперлась в прозрачный материал огромного панорамного окна, за которым клубился молочный туман.

Чувствуя, что вот-вот вновь потеряет сознание, фон Риттер занес свою импровизированную дубину и ударил прикладом, целясь чуть пониже затылка твари. Что-то хрустнуло, не то шейный позвонок, не то пластиковое ложе винтовки, мутант пошатнулся, испустив рев, и в этот момент Ваби, улучив мгновение, резко прыгнул, взмахнув рукой.

Рев захлебнулся, превратившись в хрипящий, булькающий звук.

Николай оттолкнул от себя обмякшее тело и в изнеможении ухватился

рукой за вертикальную стойку, поддерживающую памятный ему рекламный щит. Перед глазами вместе с черными кругами плыло ухмыляющееся лицо Ваби.

Маленький мутант, вытерев окровавленный клинок о рваную одежду трупа, подошел к нему и безо всяких церемоний подставил Николаю свое плечо.

— Ваби друг!.. — отрывисто повторил он, помогая фон Риттеру доковылять до кресла.

Откровенно говоря, Николай уже не сомневался в этом утверждении.

Его взгляд был красноречивее всяких слов, да и пес, который застыл, напряженно глядя в глубины коридора, повернул голову на звук хриплого голоса, но вместо того чтобы оскалить клыки, вдруг несколько раз вильнул хвостом, явно одобряя действия карлика…

Рухнув в кресло, Николай несколько секунд боролся с тошнотой. Слабость накатывала на него, выворачивая внутренности, и все же он чувствовал себя намного лучше, чем накануне, когда только вошел в космопорт…

Дождавшись, пока перед глазами перестанут плавать черные круги, Николай осмотрелся по сторонам, но в этом, как оказалось, не было нужды — заметив, как Ваби и собака, не сговариваясь, вместе обходят зал, он понял, что у него внезапно появились два бдительных союзника.

Теперь стоило заняться спасенным, который, судорожно всхлипывая, лежал на полу, закрывая руками испачканную кровью голову. О том, что он жив, говорила лишь конвульсивная дрожь, сотрясавшая его тело.

Фон Риттер сполз с кресла и, присев возле упавшего человека, тронул того за плечо.

— Кончай трястись, — грубовато произнес он. — Все уже кончено.

От его прикосновения человек вздрогнул всем телом.

— Оставьте меня… Уходите!.. — едва слышно взмолился он.

— Черта с два, — слабо усмехнулся Николай. — У меня слишком много вопросов.

Человек внезапно привстал и отполз в сторону. Сев поодаль, он уставился на Николая горячечным, полубезумным взглядом.

— Что вы от меня хотите? — хрипло и испуганно спросил он.

— Ничего особенного. — Николай, устроившись на полу, пошарил по карманам влажной верхней одежды, подобранной в караульном помещении тюрьмы. К его удивлению, там нашлась мятая, но нераспечатанная пачка сигарет, ключи, какая-то мелочь и электронная зажигалка.

Нервное напряжение скоротечной схватки отступало, как

отхлынувшая приливная волна… Николай кое-как распечатал сигареты и протянул помятую пачку трясущемуся беглецу.

Тот взял ее и долго доставал сигарету дрожащими пальцами.

Николай прикурил, и от первой затяжки у него даже помутилось в голове.

Выпустив дым, он блаженно улыбнулся.

— Что… Что вы хотите знать? — раздался нервный голос спасенного.

— Совсем немного. — Николай огляделся и, удостоверившись, что Ваби с собакой закончили осмотр и возвращаются, все еще недоверчиво косясь друг на друга, перевел взгляд на незнакомца. — Меня зовут Николай фон Риттер, — представился он.

— Доктор Гентри Фрамер, — незнакомец посмотрел на Николая, и впервые за время их короткого общения в его глазах промелькнуло здоровое любопытство. — Я не видел вас раньше… — растерянно пробормотал он. — Знаете, тут совсем немного людей и лица как-то уже успели примелькаться…

— Неудивительно. Я заключенный, — ответил Николай, решив про себя, что нет смысла таиться и недоговаривать. Все, что стряслось с ним на протяжении последних часов, говорило о серьезности положения, и любая недомолвка между людьми, которым, может быть, спустя пару минут придется биться плечом к плечу, была недопустима с точки зрения его собственной этики.

Гентри съежился.

— Из огня да в полымя? — не удержался Николай от усмешки, глядя на неподдельный испуг своего нового знакомого. — Не напрягайтесь, Фрамер, я не монстр, и мы, — он красноречиво взглянул в ту сторону, где валялись три обезображенных трупа, — мы с вами в одной лодке, не находите?

— Ага… наверное… — заикаясь, выдавил тот

— Тогда всего пару вопросов, — поморщившись, произнес фон Риттер. Он чувствовал, как медленно возвращаются к нему силы, а вместе с этим — болезненные ощущения собственного тела.

Доктор Фрамер подозрительно покосился на него, ожидая вопросов.

— Во-первых, где я нахожусь, — подавив дурноту, спросил Николай, — а во-вторых — что в конце концов тут стряслось?

* * *

Доктор Гентри Фрамер никогда не считал себя храбрецом.

Сейчас, сидя на полу огромного холла и глядя, как к нему

приближается странного вида карлик, в руке которого тускло поблескивала сталь широкого обоюдоострого ножа, он вдруг понял, что больше уже не в силах бояться.

И все же он отполз в сторону, напряженно поглядывая на всю троицу — человека, собаку и мутанта.

— Расслабьтесь, Фрамер, это Ваби, — проговорил фон Риттер, который, сидя на полу, снимал с себя мокрую одежду, состоявшую из нескольких свитеров, курток и утепленных штанов. Под этим гардеробом оказался еще и серебристый костюм химзащиты.

Освободившись от мешавших движениям вериг, Николай вздохнул с облегчением. Оглядевшись, он отыскал на полу снятое в горячке забрало мягкого шлема и вернулся к тому месту, где сидел Гентри.

— Ну так что, док? Где мы находимся? — присев на корточки, спросил он.

— Это Везелвул-12… — хрипло выдавил Гентри. Очевидно, эта новость не обрадовала фон Риттера.

— Дерьмо Шииста… — выругался он. — Так я и предполагал…

Подняв с пола импульсную винтовку, он достал из груды сброшенной одежды полный магазин и ловкими, точными движениями перезарядил оружие.

Этот профессионализм в обращении с импульсной винтовкой не укрылся от прояснившегося взгляда Гентри.

— Вы солдат? — осторожно спросил он.

— Наемник… — лаконично ответил фон Риттер. — Родовая профессия… — невесело добавил он. — Значит, это корпоративные территории, надо так полагать?

Гентри кивнул.

— А что тут делает колониальная тюрьма? — поинтересовался Николай.

Казалось, что этот вопрос застал Фрамера врасплох.

— Контракт на использование заключенных перекуплен корпорацией, — немного помедлив, все же ответил он. — Вы ведь знаете, что такое Везелвул. Отравленная атмосфера, радиация, химические соединения… — казалось, что Фрамер испытывает иррациональное чувство личной вины за то, что предлагала суровая реальность этой планеты.

— Значит, будущий рай руками смертников? — невесело усмехнулся Николай, вспомнив несколько виденных им раньше репортажей, где корреспонденты галактических новостей восхваляли колониальную

администрацию и «Генезис».

— Понимайте, как хотите… — отвернулся Гентри. — Я лишь рядовой служащий «Генезиса».

— Ну хорошо, Фрамер, я не имею ничего против вас лично… — успокоил его фон Риттер. — Просто новости не очень приятные… — признался он. — А что тут произошло? — тут же переспросил он, вспомнив свое страшное пробуждение.

— Неполадки с искусственным солнцем, — скупо ответил док. Он справедливо не доверял едва знакомому человеку, который к тому же оказался заключенным, и не собирался изливать перед ним душу, как бы того не хотелось.

— А эти? — Николай хмуро кивнул в сторону разбросанных по полу трупов.

— Мутанты. С отравленных болот… — Гентри поежился.

— То, что это мутанты, я вижу, не слепой, — Николай вдруг почувствовал растущее раздражение. — Вот только откуда бы им там взяться, а? От грязи завелись? Ведь это люди… — произнес он, посмотрев на лицо ближайшего трупа. — Мутировавшие люди… — тихо добавил Николай, глядя в перекошенное от страха лицо Фрамера.

— Беглые… Беглые заключенные… — сделав усилие, выдавил доктор. — Они живут в болотах. Некоторые — еще со времен Конфедерации, а есть и такие, что появились недавно…

— Значит, бежать легко? — уточнил Николай, которой все еще не мог сориентироваться в окружающей его обстановке, опираясь на те скудные крохи информации, что предоставили ему обстоятельства.

— Относительно, — ответил Фрамер, опасливо косясь на карлика и собаку. — Потому что их никто не охраняет, — пояснил он. — Хочешь жить как человек — работай. Не хочешь — беги в болота. Но с планеты вырваться невозможно. Транспортный корабль прилетает один раз в несколько месяцев, а больше никакой космической техники на Везелвуле нет. Только шаттлы для орбитальной разгрузки.

— Понятно, — Николай погасил окурок и встал, опираясь на кресло. — Значит, та самая корпорация, что так рьяно борется за права человека на всей территории Окраины?

Вопрос был чисто риторическим, и Гентри предпочел промолчать.

— Что ж… Спасибо за информацию, док… — Николай повернулся и хмуро посмотрел на Ваби, который с удивительным терпением ожидал окончания их разговора. — Последний вопрос, — обратился он к Фрамеру, — что теперь с солнцем?

— Все в порядке… Термоядерный синтез запущен. Взгляните в окно, Николай.

Действительно, за огромным панорамным окном, да и за прозрачными створками дверей, клубился молочно-белый туман. Это таял, истекая испарениями, выпавший на землю кислородный снег. Судя по порывистым вихрям, блуждающим в похожей на густой молочный суп атмосфере, на улице бушевал ветер.

— Ясно… — Николай мысленно оценил перспективы ситуации и поежился. — Что ж… — он будничным движением поправил одежду и перехватил оружие за пластиковое цевье. — Приятно было познакомиться, Фрамер… — Он обернулся и произнес, обращаясь к карлику, который, навострив уши, пытался вникнуть в их разговор: — Пошли, Ваби, я, кажется, тебе кое-что обещал…

Глаза маленького мутанта вспыхнули неподдельной радостью. Очевидно, что все его чувства, как и мысли, отличались прямолинейной искренностью и не знали полутонов. Ни секунды не задумываясь, он порывисто шагнул к дверям, за которыми бесновалась непогода.

— Постойте! — вскрикнул Гентри. — Куда вы?

— Нам не по пути, док, — остановившись, ответил Николай. — Бьюсь об заклад, вы уже вызвали помощь, и тут вскоре будет плюнуть негде из-за корпов… — последнее слово прозвучало в устах Николая как ругательство. — Я не назначал им свидания, Фрамер, и не хочу, чтобы меня опять пихнули в криогенную камеру или пристрелили на месте. Так что, пока… — пожал плечами фон Риттер, словно подчиняясь неумолимым обстоятельствам. — Пойду разомну ноги… — мрачно пошутил он.

— Постойте! — вновь повторил Гентри, со страхом оглянувшись на тускло освещенные зевы тоннелей, которые вели из холла в разные помещения космопорта. — Я знаю, где тут можно найти хорошие скафандры! — внезапно выпалил он. — И еще… Николай, я тоже хочу пойти с вами… Ведь вы надеетесь улететь отсюда, верно?

Фон Риттер остановился, не дойдя нескольких метров до стеклянных дверей.

«Что-то этот доктор круто недоговаривает… — подумал он, оборачиваясь. — С какой это стати ему бежать в болота?»

— А тебе-то что за нужда идти в болота? — напрямую спросил Николай.

— Я… Я не хочу больше работать на корпорацию! — собравшись с духом, произнес Гентри.

Глава 5

Система Везелвул-12. Борт транспортного корабля «Геракл».
Район высоких планетарных орбит

— Космопорт Везелвула, вас вызывает борт 13КХ4. Мы покинули точку гиперпространственного перехода. Приборы не фиксируют ваш наводящий луч. Прошу подтверждение о приеме…

Саша Эйзиз откинулась в кресле.

— Никто не отвечает, командир… — произнесла она, вопросительно взглянув на Линкса.

— Следовало ожидать… Посмотри, что творится с их солнцем.

Саша перевела взгляд на экраны оптических умножителей.

Искусственное светило, обращающееся вокруг планеты, действительно выглядело препаршиво. Вместо яркого голубоватого шарика, на который было больно смотреть, в пространстве двигался какой-то сгусток неравномерного красновато-желтого огня, пульсирующий, словно вырванное из груди сердце.

— Сбой реакций термоядерного синтеза, — уверенно заключил Эрни Рорих. — У них огромные проблемы… — Железная Башка пощелкал клавишами, меняя режимы диагностики, которую производили бортовые сканеры «Геракла», и нахмурился. — Что-то я не совсем понимаю показания приборов, командир, — обратился он к Линксу. — Если верить датчикам, то звезда была полностью погашена.

Линкс, который мало что понимал в физике плазмы и конструкции искусственных звезд, только покачал головой.

— Эрни, насколько я понимаю, звезда не электрическая лампочка… — ответил он, справедливо опасаясь, что сейчас Рорих, по обыкновению, разразится градом терминов. — Как ее можно включить или выключить?

Рорих только пожал плечами.

— Здесь как раз ты не прав… — возразил он, продолжая пристально наблюдать за изображениями, мелькавшими на расположенном перед ним мониторе. — Искусственные звезды как раз похожи именно на лампочку, если рассуждать утрированно, — подтвердив опасения Линкса, назидательно пояснил он. — В центре находится источник энергии, но сама конструкция — не сгусток плазмы, подвешенный на орбите. Все намного сложнее. По сути искусственная звезда — это набор вторичных

излучателей. — Рорих прищурился, глядя на звезду. — Огромные плиты, из которых изготовлена оболочка, сделаны из различных материалов, дающих при бомбардировке изнутри определенные виды вторичного излучения. Говоря проще, в центре искусственного солнца расположена огромная плазменная пушка, которая разогревает оболочку, а та, в свою очередь, излучает в пространство необходимый спектр фотонной энергии. Загаси внутренний источник, и звезда потухнет.

— Сложно и непонятно. Но тебе виднее, — осторожно, чтобы не подогревать красноречие Рориха, ответил Линкс.

— Да нет тут ничего сложного! — Эрни всегда возмущала техническая некомпетентность окружавших его людей. — Это же задачка из разряда обычной физики!

— Хорошо, Эрни, я согласен. Скажи лучше, что происходит в данный момент?

— Внутренний источник энергии запущен вновь, но делал это явно не специалист, — Эрни покачал головой, не отрывая взгляда от многочисленных приборов. — Кто-то просто повернул нужный рубильник, не заботясь о сотнях очень важных нюансов, — констатировал он. — Оболочка разогревается неравномерно, и вполне вероятно, что она треснет, не выдержав возникших в ней напряжений…

— И что тогда? — поинтересовался Дерек. — Взрыв?

— Ну а ты как думал? Долбанет что надо, не беспокойся. Хотя… — Эрни вновь с сомнением посмотрел на монитор, — может, еще и обойдется. Чтобы прогнозировать точнее, мне надо попасть в пост управления, откуда был запущен процесс. Может, я и смогу что-то подправить… — спустя некоторое время добавил он.

— Короче, мне все ясно, — произнес Линкс, хлопнув ладонью по скошенной приборной панели. — Нужно подбирать всех, кто остался жив, и сваливать из системы. Со звездой пусть разбираются спецы корпорации, а наше дело доложить о случившемся и подобрать выживших, — он повернулся к Эрни. — Рорих, насколько я понял, — командир кивнул на шар планеты, медленно заполняющий экраны обзора, — там некоторое время было холодно, да?

— Слабо сказано, — буркнул инженер. — По-моему, атмосфера уже начала кристаллизовываться, когда им удалось вновь разжечь звезду. Думаю, что там выжили единицы…

— Понятно. В любом случае, мы садимся. Саша, мне нужен канал гиперсферной частоты для связи с Центром. Можешь использовать аварийный источник, — Линкс повернулся к интеркому и произнес: —

Андрей, ты меня слышишь?

— Да, командир, я на связи, — откликнулся динамик.

— Готовь два шаттла. Аварийное оборудование, камеры реанимации, короче, по полной программе. Мы выходим на близкую орбиту.

— Понял.

* * *

«Геракл», освещенный пульсирующими бликами, змеящимися по его броне, медленно маневрировал, разворачиваясь в пространстве, словно огромный неуклюжий жук.

Корабль был стар. Сотни заплат, покрывавших его броню, говорили о долгой и полной приключений жизни. Мерно вспыхивающие навигационные огни освещали следы старых аварий, от которых остались многочисленные шрамы.

Внизу, под плоским брюхом грузовика клубилось молочно-белое покрывало атмосферы. С орбиты было отчетливо видно, как в толще воздушных масс медленно перемещаются исполинские вихри.

— Шаттлы не пройдут, командир, — вывод Саши был категоричен. — Угробимся. Приборы показывают ураганный ветер. Визуального контакта с поверхностью не будет — облачность, туман и прочая пакость почти до самой земли. Наводящие лучи космопорта не работают.

— Ну и что ты предлагаешь? — раздраженно осведомился Линкс, который склонялся к тем же самым неутешительным выводам. Любой спускаемый аппарат размолотит ко всем чертям еще в атмосфере…

— Нужно сажать «Геракл», — спокойно ответила Эйзиз.

Линкс ухмыльнулся. Повернувшись, он почти нежно посмотрел на нее и сказал:

— Эйзиз, знаешь, что мне всю жизнь нравилось в тебе?

— Ну? — нахмурилась Саша. Она не любила, когда на лице Линкса появлялась такая вот улыбочка.

— Ты сначала делаешь, а потом думаешь.

— Ну так подумай за меня, — огрызнулась она. — Если придумаешь что-нибудь более путевое, свистни.

Пока они разговаривали, Рорих, манипулировавший сенсорами управления, закончил ориентацию «Геракла». Склонившись к тактическому дисплею, он посмотрел на данные метеозондов, сброшенных полчаса назад в бурлящую атмосферу Везелвула, и по привычке почесал металлический затылок.

— Как ни дерьмово ты будешь себя чувствовать, командир, но Саша

права, — спустя некоторое время произнес он. — Шаттлы тут не пройдут.

— А наша развальня пройдет?

— Если вести с умом, то шанс есть, — спокойно резюмировал Эрни. — Только нужно хорошо посчитать нагрузки.

— Вот и займись этим. Эйзиз, я, по-моему, просил связь с гиперсферной станцией, — напомнил Линкс.

— Вызываю. Молчит. На экстренных частотах тоже, — не дожидаясь очередного вопроса, сообщила Саша. Повернувшись к панели управления ядерными телескопами, она включила питание и приникла к окулярам умножителей.

В броне «Геракла» открылось несколько портов, откуда мощные моторы подачи вытолкнули датчики оптических умножителей. Управляемые бортовым компьютером телескопы повернулись, нацелившись на заданную точку пространства.

Станция Гиперсферной Частоты (сокращенно просто ГЧ) появилась внезапно, словно вынырнув из черных глубин пространства. Огромный, утыканный целым лесом антенн шар выглядел как забавное животное.

Саша молча переключила картинку на командирский дисплей.

Линкс посмотрел на экран и выругался.

— Что за день сегодня… — разочарованно произнес он, глядя, как в поле зрения телескопов по мере вращения станции медленно вплывает огромная черная брешь, образовавшаяся в том месте, где листы обшивки оказались сняты. Отсутствовали также и некоторые характерные для таких станций внешние антенны.

— Да, забавная картинка. — Эрни заинтересованно наблюдал, как поворачивается изуродованная конструкция. — Сдается мне, кто-то очень не хотел, чтоб о случившемся узнали в Центре, — высказал он очевидную мысль.

Первой наступившей после слов Железной Башки тягостной тишины не выдержала Саша.

— Слушай, Линкс, может быть, хватит? — негромко спросила она. — Болтаемся тут, как…

— Можно не продолжать, — сквозь зубы процедил Дерек.

Внутренне он сам удивлялся, как трудно даются ему решения с того самого момента, как на борту «Геракла» появилась Эйзиз. Очевидно, тут сказывались их давние отношения. Ледышка была отличным командиром, и Линкс в свое время если не боготворил ее, как большинство более молодых пилотов, то, по крайней мере, молча отдавал дань профессионализму и отчаянной храбрости лейтенанта Эйзиз.

Колебания Линкса было достаточно легко объяснить. «Геракл» настолько очевидно и невыгодно отличался от штурмового десантного модуля, что сунуться на старом грузовозе в подобное пекло с точки зрения здравого смысла было чистейшим безумием, а с другой стороны — как они могли болтаться на орбите, в то время как внизу происходило нечто, выходящее из ряда вон?..

Там были люди, что молили их о помощи, и выбора у Линкса, по сути, и не оставалось…

Повернувшись, он открыл было рот, чтобы отдать необходимые распоряжения, но наткнулся на колючий взгляд Саши Эйзиз.

Слова приказа застряли в горле у Линкса.

Что, черт возьми, она себе воображает? Их старые отношения никоим образом не должны были распространяться на день сегодняшний, но все происходило именно так. Линкс чувствовал, что на фоне Ледышки его командные потуги выглядят просто до неприличия смешно… Но они не понимали. Ни Саша, ни Железная Башка, ни Андрей.

Словно время застыло для них, как будто они продолжали жить в строю… Нет, мои милые, с непонятной самому себе жестокостью подумал Линкс. Той жизни давно уже нет… Нет ни лейтенанта Эйзиз, ни ее ведомого сержанта Дерека Линкса.

Есть капитан Линкс и куча хлама, гордо именуемая «космический корабль», между прочим, собственность корпорации, за сохранность которой несет ответственность именно он…

Все эти мысли промелькнули в голове Дерека за те несколько секунд, что он удерживал взгляд Саши.

Их молчаливое противостояние быстро разрешил Рорих одной короткой фразой:

— Связь с поверхностью, командир. Резервные частоты. Кто-то пытается дозвониться до нас снизу.

Линкс резко повернулся к панели связи, чувствуя неимоверное облегчение от того, что теперь уж никуда не деться…

Моргающий зеленый индикатор то угасал, то вспыхивал вновь, отражая усилия автоматики по извлечению осмысленного сигнала из хаоса электростатических помех, которыми было буквально наполнено все пространство, начиная от размытой границы атмосферы.

Наконец сигнал стал более устойчив, и в рубке, перемежаясь треском помех, зазвучал далекий, слабый голос:

— Борт неизвестный… Я земля… Говорит… космопорт Везелвула…

— Слышу вас! — Линкс склонился к сеточке встроенного в панель

связи микрофона, словно это могло сблизить его с невидимым абонентом. — Говорит борт транспортного корабля «Геракл». Взял ваш пеленг. Собираюсь садиться по координатам сигнала. Вы можете сообщить, сколько вас и какая требуется помощь?

— Борт, слышу вас! Слышу! — В разговор внезапно вторгся треск помех, поглотивший начало следующей фразы. — …заперты… Не знаю… автоматика… — слова безнадежно тонули в трескучих раскатах бушующей меж клубящихся внизу облаков электромагнитной бури, — …тяжелораненый… Ждем… Больше нету…

Связь оборвалась.

Линкс быстрым движением переключил канал.

— Андрей, бросай готовить шаттлы и поднимайся в рубку, — приказал он.

* * *

Рубку «Геракла» наполнял шорох вентиляторов, к которому примешивалось попискивание сигналов, негромкие зуммеры и отрывистые команды.

Этот пост управления нельзя было назвать верхом технического совершенства даже с позиции технологий той эпохи, когда строился грузовик. Теперь же, после полувека нещадной эксплуатации, некоторые системы огромного неуклюжего корабля, скользящего в данный момент на фоне желтовато-белой клубящейся атмосферы, могли вызвать у знающего пилота разве что истеричный смешок…

— Минус сорок секунд. Данные введены в навигационный блок. Смещение груза компенсировано…

— Следи за радаром, Эрни. Группы поддержки явно не будет… — Линкс облизал внезапно пересохшие губы. — Помню, там в районе космопорта пара симпатичных вышек…

— Минус десять секунд. Танганж в норме, рысканье по курсу компенсировано…

— Есть зажигание в первой камере…

— Корректировка прошла!

Нос «Геракла» начал медленно опускаться к клубящимся внизу облакам. Корабль плавно, словно бы нехотя сходил с орбиты. На самом деле его скорость была достаточно велика, просто это оказалось не так заметно на фоне необъятного грязно-белого шара.

Неприятные ощущения начались сразу же, как только стала нагреваться обшивка и вокруг с шипением разлилось молочное море

облаков.

— Ни черта не видно… — пожаловался Эрни, который на мгновение поднял взгляд от приборов к обзорным экранам, словно надеялся, что там вдруг появится просвет.

Линкс пристально следил за компьютерной картой рельефа находящейся далеко внизу поверхности.

«Геракл» трясло, словно он собирался развалиться на части. Вокруг бушевал натуральный ураган, свивая плотную облачность в кружево туманных вихрей.

— Кормовая секция, датчики фиксируют деформацию корпуса, — голос Андрея слегка дрожал. — Я готов отстрелить грузовые отсеки, — на всякий случай предупредил он.

— Пока терпимо… — отозвалась Саша, которая вела корабль по пологой кривой, снижаясь и одновременно гася орбитальную скорость.

— Сканеры взяли космопорт. Триста километров. Два градуса севернее курсовой нити.

— Сейчас… — Эрни с завидным хладнокровием работал сразу на двух клавиатурах. — Нет лучей… Не могу поймать.

— Брось! Садимся по своим приборам. — Линкс взялся за дублирующие рули. — Саша, я на подхвате…

— Корма!

Предупреждение запоздало. Что-то не выдержало напора ураганного ветра, скрежет раздираемой обшивки был слышен даже в рубке, и плоский нос «Геракла» внезапно начал подниматься вверх.

— Внимание, теряем массу… Разгерметизация грузового модуля. Два контейнера сорвало. Третий… Не могу отстрелить отсек! Замки повреждены!..

— Нормально!.. — Линкс подключился к управлению. — Я держу его! Саша, отработай двигателями. Эрни, считай коррекцию!

— Чертова колымага… — прохрипел Рорих. — Сейчас поцелуемся… Спасатели хреновы…

Кому было адресовано последнее замечание, оставалось личным секретом Эрни.

Высота катастрофически падала. «Геракл» снижался, наплевав на все потуги экипажа, опустив корму и задрав нос. Очевидно, сорванный с креплений груз не вылетел наружу, а просто скопился у задней стенки отсека.

Сквозь мутный туман внезапно проступили редкие огни, прорисовавшие на экранах смутные очертания утонувших в тумане

контрольных башен космопорта.

— Разнесем корму…

— Плевать… На земле отстрелим. Будем взлетать налегке!

Огромный корабль, словно раненая черная птица, пронесся меж контрольных башен, на мгновение высветив их силуэты огнем своих двигателей. Линксу показалось, что маршевым выхлопом выбило несколько рам в диспетчерских окнах, но разглядывать пейзажи было некогда — Саша осторожно сбрасывала скорость, тормозя короткими вспышками носовых двигателей, одновременно облетая мрачную глыбу космопорта по широкой дуге.

На мониторах перед Рорихом, помимо разнообразного списка повреждений и пульсирующих предупреждающих надписей, среди зеленых линий компьютерной карты появились четкие, чуть вдавленные вовнутрь овалы посадочных полей.

— Есть! — торжествующе воскликнул он.

Блок автоматического пилотирования в отсутствие наводящего луча был попросту бесполезен, работали лишь лазерные дальномеры да связанные с ними предохранители столкновений, остальную работу по большей части приходилось выполнять людям.

— Саша, привязка к координатам посадочного поля на твоем мониторе! — отрывисто произнес Андрей. — Давай, второго захода кораблю не выдержать!

— Вижу!.. — По лицу Эйзиз струился пот. — Линкс, бери управление системами ориентации! Попробуй приподнять корму!

Все они были первоклассными специалистами, но существуют такие ситуации, когда обстоятельства способны восторжествовать над любым мыслимым мастерством.

Когда из рваных полос сдуваемого ветром тумана показался контур посадочной площадки, на дне которой еще кое-где лежал снег и блестели лужи талой воды, транспортный корабль все еще летел кормой вниз. Двигатели коррекции, несмотря на частые вспышки под кормовой частью днища, так и не смогли компенсировать смещение центра тяжести, и «Геракл», снижаясь, задел опущенными к земле хвостовыми отсеками о приподнятый край посадочной площадки.

Зубовный скрежет сминаемых переборок и раздираемой на части брони прокатился по кораблю страшной ударной конвульсией. «Геракл» развернуло вокруг своей оси, и он неуклюже плюхнулся в самый центр посадочной площадки, заставив вскипеть скопившуюся тут воду.

Несколько секунд в рубке управления висела гробовая тишина.

Свет несколько раз мигнул. На дисплеях перед креслом Рориха загорелось еще несколько предупреждающих надписей, пополнивших и без того обширный список повреждении.

— Твою мать!.. — разочарованно протянул Эрни, вытирая тыльной стороной ладони выступившую на губах кровь. В момент удара о землю он здорово припечатался о панель пульта.

— Погано сработали, а? — Саша отпустила рули. Ей казалось, что пальцы, сведенные судорогой, так и останутся в скрюченном положении. Посмотрев на свою правую кисть, она вдруг расхохоталась, заставив остальных вздрогнуть и обернуться на этот резкий звук. «Протез… — нервно подумала Саша. — Это ее фантомные ощущения… Такие пальцы не могут ни затекать, ни уставать».

Линкс покосился в ее сторону, заметив, как Эйзиз со странным выражением лица медленно разжимает и сжимает кибернетическую кисть…

— Сработали отменно! — внезапно произнес он. — Эрни, посмотри, мы в состоянии будем взлететь?

Рорих пробежал глазами по пульсирующим на экранах строкам и пожал плечами.

— Думаю, что без проблем. Нужно освободиться от грузового модуля, только и всего. Нам здорово повезло, что разнесло именно грузовые отсеки.

— Ладно, ты разберешься с этим сам, или нужна помощь?

— Справлюсь как-нибудь… — по своему обыкновению проворчал Рорих. По всему было видно, что к инженеру постепенно возвращается его обычное настроение.

— Тогда мы с Андреем и Сашей разомнем ноги, — произнес Линкс, отстегиваясь от кресла. — Если что — вызывай нас.

Эрни кивнул. Все было ясно. Для него приключения окончились — начиналась обычная ремонтная рутина…

* * *

Снаружи завывал ветер.

С борта «Геракла» во мглу било несколько сиротливых прожекторов. С трудом пробиваясь сквозь молочную пелену испарений, их свет бледными пятнами ложился на опаленный стеклобетон посадочной плиты.

Внезапно, перекрывая свист ветра, прозвучал характерный шипящий звук — это сработала пневматика избыточного давления, вытолкнувшая из открывшегося шлюза грузового корабля порцию воздуха. Насосы продолжали работать, не давая атмосфере Везелвула попасть в корабль,

пока три фигуры в скафандрах покидали тесный шлюзовой отсек.

Линкс, остановившись у края решетчатой шлюзовой площадки, посмотрел на вшитые в рукав его скафандра приборы и постучал пальцем по индикационному окошку анализатора.

— Кислород есть! — произнес он, оборачиваясь к Андрею, который, прихрамывая, подошел сзади и остановился, напряженно вглядываясь в окружающий сумрак. Солнце Везелвула еще не взошло, лишь с одной стороны грязно-серого небосвода сквозь низкую облачность пробивалась слабая багряная полоска.

Саша первой спустилась с выдвижной площадки. Спрыгнув на скользкий, покрытый ожогами стеклобетон, она задрала голову, осматривая корабль. Проговорив что-то в коммуникатор, очевидно для Рориха, она не спеша двинулась к кормовой части.

Хвост корабля, где крепились грузовые модули, выглядел, мягко говоря, паршиво… Отделяемые отсеки, в которых хранился груз, в нормальном состоянии имели вид усеченной пирамиды, но в данный момент пять кольцевых модулей, нанизанных на специальный докировочный стержень, потеряли всякое сходство с деталями известной детской игрушки — они были деформированы настолько, что лопнула их обшивка и бочкообразные контейнеры, вырванные из креплений силой удара о край посадочной плиты, щедрой россыпью валялись по всему обозримому пространству…

Саша с тоской окинула взглядом эту неуклюжую конструкцию, для которой название «космический корабль» звучало слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— Эрни, боюсь, что с грузом придется попрощаться, — спокойно проговорила она, двигаясь в сторону рассыпанных по стеклобетону площадки контейнеров. — Докировочный стержень нужно будет срезать, только тогда это корыто сможет взлететь.

— А груз? — резонно напомнил Рорих.

— Да пошел он… Пусть разбирается корпорация…

Железная Башка что-то промычал в ответ, но Саша не стала утруждать себя анализом его интонаций. Ее внимание привлек один из контейнеров, который, выскочив из гнезда, раскололся от удара, выпустив на стеклобетон маслянистую лужу грязно-желтой жидкости. Выглядел он как-то странно — чуть больше, чем другие, и маркировка на нем была совсем иная. Оглядевшись по сторонам, Эйзиз увидела еще несколько таких же «гадких утят», которые выделялись средь остальной россыпи груза своими нестандартными габаритами.

«Странно…» — подумала Эйзиз, разглядывая маркировку на выпуклом боку расколовшегося от удара контейнера.

«Химический дезактиватор», — прочла она. Какого черта?! Ничего подобного не было указано в бортовой декларации груза…

— Линкс, это Саша… Я хочу тебе кое-что показать, — произнесла она, переведя взгляд на содержимое контейнера, которое растеклось по стеклобетону, превратившись в грязно-желтую, курящуюся ядовитым дымом лужу.

— Иду… — раздался в коммуникаторе раздраженный голос. Линкс, как всегда, пребывал в паскудном настроении.

Сзади, среди пластов тумана, появилось бледное пятно света от его фонаря.

Подойдя к Саше, Линкс встал рядом, молча уставившись на лужу. Стеклобетон по ее краям таял, на глазах превращаясь в ноздреватый сугроб…

— Дезактиватор, говоришь?.. — Саша вытянула руку и наклонилась к расколотому контейнеру. С характерным щелчком от ее запястья выдвинулся тонкий штырь анализатора.

Через пару секунд на визорах их гермошлемов высветился результат экспресс-анализа вещества, из которого состояла лужа.

— Си-Эй-16… — потрясенно выдавила Саша. — Дерек, ты хоть что-нибудь понимаешь?!

Линкс понимал, но боялся произнести это вслух. Вместо нормальных человеческих мыслей в его голове вдруг возникла формулировка из спецификаций на особо опасные, запрещенные к транспортировке грузы: «Компоненты, относимые к группе высокотоксичных веществ, под общим кодом Си-Эй-16, являются особо опасными агрессивными средами. Их складирование, перевозка и захоронение могут производиться только специальными кораблями с обученным экипажем и соответственным оборудованием…»

— Ну, что ты мне скажешь?.. — Саша обернулась к нему, и Линксу показалось, что сквозь поляризованное забрало ее шлема видны яростно прищуренные глаза… — Откуда взялось среди груза это дерьмо, а?!

— Один-ноль в пользу корпорации, — хрипло ответил Дерек, думая совсем не о том, что подразумевала Саша. В первый момент он даже не понял истинной причины вспышки ее безудержного гнева. В тот момент голова Линкса была полна яркими воспоминаниями о нескольких рейсах «Геракла», который он совершил в систему Везелвул-12, имея на борту именно такой груз, состоящий из контейнеров с «дезактиватором»…

— Ты это называешь «один-ноль»?! — Эйзиз передернуло, когда она представила, что такой контейнер мог дать протечку в космосе или при разгрузке… Они бы умерли мучительной, жестокой смертью, посреди бескрайнего космоса, безо всякой надежды на спасение, потому что Си-Эй сожрал бы их корабль в считанные минуты, превратив его в дырявое решето… — Линкс, ты последний идиот, если думаешь таким образом! Мы что, не люди? На войне мы ходили под богом, а тут под кем?! Нам суют на борт самый страшный токсин в Галактике и ничего не говорят об этом! Мы смертники, да? Или кто?!

— Заткнись, Эйзиз!.. — окрысился Линкс. — Я сделал на этом корабле десять рейсов, и половину из них сюда, на Везелвул. Так что у меня поводов для неистовства в пять раз больше, чем у тебя!

Саша поперхнулась.

— Пять рейсов?! И все с токсином?

— Да откуда мне знать?! — Линкс резко указал на маркировку. — Читать умеешь, надеюсь?

— Ты не знал?!

— А ты думала как?! Похож я на этих говнюков-камикадзе, что атаковали нас на Церусе? Ну, скажи, я, по-твоему, окончательный болван, да?!

Саша нахмурилась, хотя этого никто не мог заметить за поляризованным стеклом забрала.

— Извини, Дерек, я погорячилась… Не пойму только, ведь в декларации груза не было никаких «дезактиваторов». — Тон Саши был озадаченным. — И Везелвул на этот раз не значился в полетном плане…

— Все мы погорячились… — безнадежно махнул рукой Линкс, отступив от расползающейся лужи, — когда решили лететь сюда… — добавил он, посмотрев в сторону Андрея, который огибал корабль, направляясь к ним. Несомненно, он слышал весь их диалог. — А этот контейнер не наш. Посмотри, вон их сколько расставлено по площадке. Наверное, собирались грузить ими шаттл, чтобы бомбить болота. А мы просто разбили его при посадке. Обрати внимание, наши немного мельче и не такие темные…

— Эрни, — тем временем проговорила Саша. — Ты слышал?

— К сожалению, — мрачно отозвался коммуникатор. — Если это шестнадцатый Си-Эй, то от посадочной площадки скоро останется дырка.

— Что ты предлагаешь? — осведомился Линкс.

— Отстреливаю корму и взлетаю, — спокойно ответил Рорих. — Буду потихоньку ковыряться на орбите, пока вы тут играете в крутых

спасателей.

— А потом?

Коммуникаторы не были снабжены видеоканалом, но Саша точно представила, как Эрни пожал плечами, не отрываясь от работы. Она завидовала его философскому спокойствию.

— Как только приведу в порядок отстреленную задницу, эта посудина сможет летать где угодно и как угодно. Атмосфера Везелвула больше не доставит хлопот… — оптимистично заверил он. — Ну а если нет, то придется вам искать другой транспорт, чтобы выбираться.

У Линкса мурашки пробежали по спине от такого спокойствия. Взлетит Рорих или нет, это был еще вопрос. «Геракл» здорово пострадал, и даже освободившись от груза и бесполезных отсеков, корабль оставался всего лишь старым изуродованным транспортом…

— Эрни, ты хорошо подумал?

— Хорошо, — пробурчал Рорих. — Валите-ка отсюда, — мрачно добавил он, не сумев скрыть раздражения. — Я сделаю свое дело, а вы делайте свое, ясно?

— Помощь нужна?

— Ломать не строить, командир. Хватит засорять эфир. Я справлюсь.

— Эрни дело говорит, — прозвучал в коммуникаторе голос Андрея. — Все через задницу… — зло произнес он, разглядывая лужу. — Нужно двигать в сторону космопорта. Линкс, ты был тут когда-нибудь?

— Нет, обычно мы сбрасывали контейнеры с шаттлов на той стороне планеты. Пролетал пару раз, но садиться не приходилось, — хмуро ответил Дерек.

— Значит, бомбили местные болота этой дрянью? — вновь вмешалась в разговор Эйзиз, которая все еще не могла успокоиться после столь ошеломляющего и неприятного открытия. — Превращали Везелвул в «зеленый оазис», так, по-моему, говорят в новостях?

— Саша, мы понятия не имели, что это токсин, — раздался голос Эрни. — Хватит. Мы с Дереком знали не больше твоего.

— Все… Я поняла.

…На одном из экранов того отсека, где возился с аппаратурой Эрни Рорих, три крохотные фигурки в скафандрах, окруженные бледными ореолами света, повернулись и медленно двинулись по огромному посадочному полю в сторону туманной неизвестности.

Эрни мысленно пожелал удачи им, а заодно и себе. Уж ему-то она понадобится в полной мере…

* * *

— Не понимаю, зачем корпорации хоронить тут токсин…

В голосе Андрея прозвучало сомнение.

— Не знаю… — отозвался Линкс. — На мой взгляд, в этом смысла меньше, чем я могу себе представить. Ты посмотри, ведь это стандартный колониальный порт! — обратился он к Саше, которая, как и они, разглядывала проступившую из тумана темную пирамидальную глыбу космического порта.

— Да, странно… — согласилась она.

В голове Эйзиз никак не укладывалось, зачем возводить столь мощный порт на планете, куда сбрасываются токсины… или, наоборот, — мысленно поправилась она, — зачем гадить в том мире, который, по официальной версии, ты пытаешься очистить от тех самых пресловутых отходов…

Все это отдавало дурным душком. Везелвул был как ящик с двойным дном, но что за грязная игра крылась меж его стенками, никто из экипажа «Геракла» не знал. Единственное, что им было доступно в данный момент, — так это дурные предчувствия…

— Порт тут наверняка стоит давно, еще со времен Конфедерации… — немного развеял ее сомнения и страхи голос Андрея, раздавшийся в коммуникаторе шлема. — По-моему, именно Центральные миры начинали очистку и разработку Везелвула несколько веков назад. Я где-то читал об этом, — объяснил он свою осведомленность. — Тогда тут вкалывали заключенные из нескольких тюрем, — добавил он.

Не спуская пальца с гашетки автоматической винтовки, Саша разглядывала окружающий пейзаж, который медленно проступал из туманной мглы, по мере того как восходящее над Везелвулом солнце прогревало жидкую атмосферу своими нездоровыми красноватыми лучами.

— Мне кажется, они и сейчас тут вкалывают… — произнесла Саша, имея в виду возвышавшееся неподалеку мрачное здание, окольцованное периметром стен.

Вместе с рассветом у земли начал ощущаться ветер. Зародившись слабым дуновением, которое лишь колыхало туманные завеси, он внезапно окреп, в считанные минуты набрав силу хорошего урагана.

Невесомое туманное кружево, порванное в клочья первыми порывами взбесившегося воздуха, внезапно расступилось, отдавая позиции снегу, который обрушился с красновато-серых небес так же внезапно, как и ветер.

Все вокруг мгновенно преобразилось. Ясные очертания космопорта поглотила метель, взбесившийся ветер ворвался в широкие улицы, громыхая неплотно прикрытыми дверями покинутых домов и офисов, мокрый снег лепил так густо, что на расстоянии вытянутой руки уже невозможно было угадать очертания друг друга.

— В порт! — коротко приказал Линкс, подавая пример. Согнувшись, он пошел навстречу ветру, тут же пропав в метельном вихре.

— Держи… — Саша сунула в руки Андрея конец страховочного фала.

Линкс, как оказалось, ждал их в двух шагах. Из сумятицы мокрых снежинок, которые залепляли забрала гермошлемов, внезапно прорисовалась его напряженная фигура.

Саша не успела ничего спросить, как серую снежную бурю вдруг осветили вспышки выстрелов ФЛАУ-винтовки. Со стороны казалось, будто в двух шагах работает сварочный аппарат.

— Держи меня! — крикнула Саша Андрею и побежала вперед, туда, где Линкс, широко расставив ноги, палил в серый сумрак.

Фал разматывался за ней, словно нить Ариадны.

— Дерек, что случилось?!

Фал дернулся и натянулся — кончилась его длина, и по напряженному подрагиванию троса Саша поняла, что Андрей двигается к ним.

Линкс молчал, проигнорировав ее вопрос, но в этот момент она сама увидела плывущие во мгле странные фигуры. Они двигались прямо на них — страшные, как смертный грех…

Эйзиз не нуждалась в пояснениях — что такое мутанты, она знала намного лучше, чем Дерек, который, расстреляв магазин, перезаряжал винтовку.

На космических фабриках корпорации такие твари в последнее время стали явлением повсеместным.

Эйзиз моментально вспомнила огромные, сравнимые с целыми планетами комплексы, где жили и работали миллионы людей, тускло освещенные коридоры законсервированных или просто заброшенных уровней, где прятались такие создания — генетические уроды, злобные отбросы жестокого общества, возрождающиеся под влиянием запредельных доз космических излучений и работы вредных, а порой и смертельно опасных химических производств.

На заводах компании об оборудовании заботились много больше, чем о работающих на нем людях.

Это была Окраина, во всем своем неприукрашенном уродстве, а мутанты — ее бичом, наказанием для тех, кто и так влачил жалкое

существование, рождаясь и умирая на борту расположенных в околопланетном пространстве промышленных комплексов.

…Те, кто вынырнул в данный момент из снежной метели, мало отличались от диких обитателей искусственных планет — разве что были немного выше и плечистее, а так все характерные признаки оказались налицо — голубоватый цвет кожи, выкаченные, налитые кровью глаза, схожесть черт лица — словно все были слеплены с одного образца, независимо от пола и возраста, — таковы были мутанты, чья нервная система поражена врожденной болезнью…

Снег залеплял их лица, не тая на голубой коже.

Саша отступила на шаг.

— Дерек, отходи, я прикрою… Забери Андрея.

— Я сам в состоянии позаботиться о себе… — раздался в коммуникаторе спокойный голос Звягинцева. — Пусть моя хромота тебя не смущает.

Саша не ответила, лишь резко мотнула головой в знак согласия, продолжая пристально наблюдать за группой страшных существ, которые остановились в нескольких шагах, уставившись на нее своими выпученными глазами.

«Шаранг… Чем же они дышат?» — подумала она, наблюдая, как вздымаются и опадают их грудные клетки.

В руке ближайшего мутанта был зажат увесистый металлический прут. Второй сжимал какой-то продолговатый предмет. Присмотревшись, она вдруг с отвращением поняла, что это человеческая нога, отчлененная от тела и насквозь промороженная. Мутант нес свой завтрак…

Линкс и Андрей уже скрылись во мгле.

Эйзиз осторожно попятилась.

Мутанты некоторое время следили за ней, а потом, не сговариваясь, вдруг с глухим рычанием, потонувшим в завываниях ветра, кинулись на отступающего к залепленным снегом дверям космопорта человека.

Саша дала короткую очередь.

Высоковольтная дуга ее ФЛАУ с треском осветила снежную круговерть. Сбоку полыхнула еще одна очередь.

Двое кинувшихся на нее существ упали одновременно, испачкав снег своей кровью, остальные, споткнувшись о корчившиеся тела товарищей, вдруг остановились, проводив отступающую Эйзиз долгим ненавидящим взглядом, и, глухо ворча, склонились над рухнувшими на землю телами сородичей.

Через минуту, забыв о людях, они уже дрались за право получить

лучший кусок мяса…

Глава 6

Везелвул. В тридцати километрах южнее космопорта

— Извините, Николай, куда мы идем? — Доктор Фрамер остановился, тяжело отдуваясь. Его неровное, сбивчивое дыхание четко прослушивалось в коммуникаторе.

Фон Риттер, который только что задавал себе тот же самый вопрос, сделал знак Ваби и присел на полусгнивший ствол поваленного дерева.

— Сказать честно, док? — спросил он, чуть приоткрыв забрало своего гермошлема.

Гентри нервно кивнул. Сквозь прозрачное лицевое забрало было видно, как он машинально покусывает растрескавшиеся губы.

Щеки Николая обжег ледяной ветер. Он несколько раз судорожно вдохнул, пытаясь убедить свой организм, что тут есть кислород. Дышал же чем-то Ваби, да и пес, который с готовностью откликнулся на кличку Черч, тоже страдал больше от холода, чем от недостатка кислорода. Николай похлопал себя по колену, и Черч тут же втиснулся меж его ног, дрожа всем телом и пытаясь урвать хоть частичку человеческого тепла.

Тут уж Николай ничего не мог поделать — если на Ваби с неимоверным трудом и пререканиями удалось напялить подходящий по размеру скафандр, то для пса не нашлось ничего, кроме терможилета, который работал от батареек и смотрелся на лохматой отощавшей собаке весьма комично…

— Я не знаю, док, — ответил Николай на заданный ему вопрос. — Спроси у Ваби, он наш проводник.

Услышав свое имя, карлик повернул голову. Если он и смирился со скафандром, то герметизировать забрало и дышать автономным запасом воздуха он отказался наотрез. Теперь из-под стального обода открытого гермошлема, который был слишком велик для головы карлика, на Николая и Фрамера смотрели серые, с красной поволокой глаза. Кожа Ваби имела едва уловимый голубоватый оттенок и наводила на неприятные ассоциации.

— Скоро!.. — отрывисто и как всегда односложно произнес он. — Беда… Ваби дошел… Холодно. Вода, как стекло. Деревья — стекло. Люди — стекло…

Последняя фраза сильно не понравилась Николаю. Он достал сигарету и прикурил. Гентри с вожделением посмотрел на сизый,

уносимый порывами ветра дымок, но, несмотря на дикое желание курить, так и не решился открыть забрало.

Похоже, что карлик вел их к какому-то поселению, изолированному в отравленных и насквозь радиоактивных болотах. Ваби был прямодушен и, судя по всему, ожидал от них какого-то чуда…

Откровенно говоря, Николай побаивался того момента, когда они достигнут конечной цели своего тридцатикилометрового марш-броска. Он не был богом и не умел творить чудеса.

Черч, уткнувшийся в колени, перестал дрожать и засопел.

Николай отшвырнул окурок, потрепал собаку по заледеневшей холке и встал.

— Пошли, — коротко бросил он карлику, прежде чем закрыть забрало шлема.

Небольшой отряд тронулся в путь.

Они шли по заснеженной целине, пробираясь по занесенным сугробами пригоркам, покрытым редкой порослью кустов и деревьев, чьи кривые, прихотливо изогнутые ветви действительно казались стеклянными и ломались с нежным мелодичным звоном при каждом неосторожном прикосновении.

Во многих местах, в ложбинах меж пригорков попадались насквозь проржавевшие остовы различных машин. В одном месте им встретилось заброшенное поселение, состоявшее из единственной улицы, по обе стороны которой выстроились временные купола для проживания. Все они находились в плачевном состоянии — по светопоглощающему покрытию змеились трещины, кое-где секции фотоэлементов попросту осыпались, обнажив рыжие пятна ржавчины. Один купол оказался полностью ободранным и издалека походил на скелет какого-то ископаемого животного со стальными ребрами.

Все это убожество вызывало у Николая вполне оправданное любопытство. Он смотрел галактические новости и видел несколько красочных репортажей о Везелвуле — планете, которая усилиями корпорации «Генезис» из радиоактивной свалки превращается в рай…

Что-то не больно похоже, подумал Николай, озираясь по сторонам. Они шли по заброшенному поселку, но он видел, что тот пустует уже очень давно, и если бы не космический холод, сковавший планету своими ледяными объятиями, то тут, на этой самой улице, наверняка плескалась бы зловонная отравленная топь, о чем неоспоримо свидетельствовал наполовину вросший в грязно-бурый лед ржавый корпус почвоукладчика, сквозь выбитое стекло которого была видна разоренная кабина.

— Док, — негромко позвал фон Риттер, понимая, что к Ваби, целеустремленно шагающему впереди отряда, обращаться с вопросами бесполезно — односложные ответы карлика могли довести до белого каления любого филолога, — док, нам надо поговорить.

— Да? — с готовностью отозвался Фрамер, на которого окружающие ландшафты действовали совершенно убийственно.

— Понимаете, док, я не совсем представляю, куда я попал. — Николай чуть умерил шаг, чтобы поравняться с Гентри. — В криогенном зале тюрьмы никто не проводил ознакомительных экскурсий… — усмехнулся он. — В смысле, я знаю, что это тот самый Везелвул, о котором изредка трезвонят на канале галактических новостей, но не более…

— Простите, Николай, а вы…

— Действительно ли я преступник? — разрешил мучительные колебания доктора фон Риттер. — Это смотря с какой стороны подойти к данному вопросу. — Он помолчал, а потом пояснил: — Я военнопленный. Солдат.

— Да? — в голосе Фрамера прозвучало явное облегчение. — И где вы воевали, Николай?

— Я попал в плен на Омнабиусе, — ответил фон Риттер, искоса наблюдая за доком. Он заметил, как тот стал еще бледнее, чем прежде. — Да, Гентри, именно там, и не надо на меня коситься. Я наемник, который воевал против корпорации «Генезис».

— Но ведь Омнабиус был…

— Рассадником заразы?

— Ну, по крайней мере, так передавали в прессе, и вообще, там ведь производился этот проклятый наркотик, которым отравлена буквально вся Окраина…

— Доктор, ради всех дьяволов Элио, не будьте так наивны, — с усмешкой попросил его Николай. — Если верить галактическим новостям, то Везелвул — это рай, сотворенный руками человека. — Он огляделся по сторонам. — Что-то не очень похоже, да?

При этих словах Гентри замедлил шаг.

— Не пытайтесь меня убедить в том, что это ложь… — не очень уверенно попросил он.

— А я и не пытаюсь, док. Просто хочу сказать, что бойня на Омнабиусе была самой обыкновенной корпоративной резней. Более сильный пожрал более слабого, только и всего, а я оказался не по ту сторону баррикад…

— А разве у нас нет закона о военнопленных?

— Естественно, есть, — фыркнул Николай. — Тем более что я наемник. Меня должны были депортировать в Центральные миры, в частности на Ганио, откуда я родом…

— Но вы тут…

— Да, я тут. Потенциальный раб, предназначенный для медленного гниения в этих самых болотах. Приговор суда.

Гентри покачал головой.

— Я чувствую, что совсем запутался, — признался он спустя некоторое время.

— Вы блуждаете в трех соснах, док, — заверил его Николай. — Стоит разуть глаза и взглянуть на мир без розовых очков. Вокруг нас — махровый беспредел, рожденный неограниченной властью денег. Корпоративная Окраина — это страшный анклав, в котором человеческие жизни отмеряются тысячами, просто на вес.

— Но почему?! Почему так происходит, Николай?!

— Потому что наши предки совершили большую глупость. Они уничтожили Конфедерацию солнц, развалили Совет Безопасности миров, и вот теперь просто некому поставить на место зарвавшихся боссов Окраины. Нет силы, которой они бы боялись, ясно?

— А Сфера Дайсона? — нерешительно напомнил Гентри.

— А что Сфера? — пожал плечами Николай. — Она далеко, и, честно говоря, я не совсем понимаю политики населяющих ее людей. Создается такое ощущение, что они возомнили себя Ноевым Ковчегом сорокового столетия. А окружающий потоп их, похоже, просто не интересует, — жестко заключил фон Риттер.

— И что теперь делать? — Вопрос Фрамера повис в воздухе.

— Выжить… — с досадным безразличием ответил ему Николай, — как задача минимум, док. А дальше посмотрим. Может быть, в этой мутной воде нескольким рыбкам вроде нас удастся ускользнуть из Эдема, — криво усмехнулся он. — Но для этого я должен знать, что такое Везелвул на самом деле, потому что пропагандистские ролики и рекламные проспекты, мягко говоря, лгут.

Гентри еще больше сбавил шаг, и Ваби, двигавшийся впереди отряда, обернулся. Николай поразился тому звериному чутью, что демонстрировал карлик на протяжении всего нелегкого перехода. Рядом с Ваби семенил Черч, не забывая при этом поминутно оглядываться на фон Риттера. Казалось, собака и мутант готовы подружиться. И это тоже говорило о многом. Между ними как будто возник незримый контакт — они общались, используя интуицию и взгляды, но, как показалось Николаю после

нескольких минут наблюдения, понимали друг друга абсолютно.

— Что я могу вам рассказать, Николай… — упавший голос Фрамера вырвал фон Риттера из задумчивости. Док задыхался, несмотря на то, что отряд теперь едва полз, подстраиваясь под его заплетающийся от усталости шаг.

Ваби вновь оглянулся, осуждающе взглянув на Николая. Взгляд карлика был столь красноречив, что ему не пришлось прилагать никаких усилий для интерпретации. По мнению мутанта, док не представлял собой никакой ценности даже в качестве мяса на обед, учитывая то, как сильно он замедлял продвижение к неведомой цели.

Николай лишь криво усмехнулся и отрицательно покачал головой. Карлик прекрасно понял этот жест и, нервно пожав плечами, возобновил движение, прокладывая тропу в голубых сугробах, словно мощный приземистый танк.

— Расскажите, что знаете, Фрамер, — попросил Николай, закончив этот короткий молчаливый диалог. — Почему тут все так паршиво, а?

— Знаете, я, если разобраться, осведомлен не больше, чем вы… — вздохнул Гентри. — Да и попал я сюда случайно, по собственной бесхарактерности. Нужно было кому-то лететь, вот коллеги и ткнули пальцем в мою сторону… — признался он.

— А раньше? Где вы работали, док?

— На станции Бета-17. Комплекс химических производств в системе Онтарио. Там производится облицовочный пластик для внутренней обшивки отсеков космических модулей, ну и всякий ширпотреб… больше десяти тысяч наименований, всего не упомнишь и не узнаешь…

— А тут вы чем занимались?

— Я координировал работу атмосферных процессоров. Работа, так — не бей лежачего, ничего сложного из себя не представляет, только вот жизнь тут — хуже, чем на орбитальных комплексах. Там хоть свободный доступ во все места общественного пользования, а тут… — Фрамер безнадежно махнул рукой, — заперли в четырех стенах, как жука в коробочке. Везде спецпропуска, какие-то зоны… Короче, три анклавные организации — колониальная тюремная служба, космопорт и департамент внешних поселений — вот все учреждения Везелвула. Никаких увеселительных центров и магазинов, народ угрюмый — слова не вытянешь. Каждый чего-то боится… Да и людей — раз, два и обчелся. Если набиралось сотни две служащих, без учета заключенных, и то хорошо. Я лично знал не больше десятка человек, остальных видел мельком и очень редко. Представляете мой круг общения? Тоска — это так, слабо сказано…

— Да… — согласился Николай, — не похоже на «стройку века».

— Да какая там стройка! Гоняли заключенных в болота, на вывозные объекты, а чем они там занимались — одному богу ведомо, — вздохнул доктор. — Да изредка прилетал транспортный корабль с очередной порцией дезактиватора, — вспомнив, добавил он.

— Кто-нибудь освобождался? — нахмурившись спросил Николай.

— Что значит «освобождался»? — не понял Фрамер.

— Я имею в виду заключенных, — пояснил фон Риттер.

— Не знаю. По-моему, нет…

— А служащие? Они менялись? Хотя бы те, кто работал с вами?

— Нет… — покачал головой Фрамер. — Не припомню такого.

— Ясно… — Николай задумался. — А когда должны были сменить вас?

Гентри поморщился, как от зубной боли.

— Через месяц… Всего через месяц…

Фон Риттер искоса посмотрел на дока.

— Вам повезло, — внезапно заключил он.

Гентри вздрогнул, словно мальчишка, которого застукали с банкой краденого варенья.

— Это почему? — машинально переспросил он.

— Потому что все, о чем вы рассказали, Фрамер, — хотя и сообщили едва ли половину того, что знаете, — имеет смысл только в одном случае… — Николай остановился, так что Гентри едва успел затормозить.

Они смотрели друг на друга сквозь выпуклые заиндевевшие лицевые щитки и молчали. Щека дока, сведенная нервным тиком, слегка подергивалась.

— Что вы хотите сказать, Николай?! — хрипло выдавил он, не выдержав спокойного взгляда фон Риттера. — В каком случае?..

— Если вся возня с Везелвулом — это ширма, призванная заслонить нечто *действительно происходящее тут*! — резко ответил Николай, которому надоела эта игра в недомолвки. — Не нужно считать меня идиотом, док, — уже спокойнее произнес он. — Вы напросились идти в болота, сказав, что не желаете работать на корпорацию. Хотите, я скажу, почему?

Гентри молчал, смертельно побледнев.

— Потому, что вы знали — отсюда нет возврата. Никто не покидает Везелвул, и хоронят таких, как вы, тут, вот в этих самых болотах, ясно?

Фраза Николая возымела весьма неожиданный эффект.

Гентри внезапно покачнулся и стал оседать на мерзлую землю.

Фон Риттер, которого секунду назад душила самая натуральная злоба, вдруг смягчился. Подхватив Гентри, он несколько раз встряхнул тяжелую, облаченную в скафандр фигуру, чтобы привести того в чувство.

— Не надо, Николай… — умоляюще прохрипел коммуникатор. — Я не выдержу больше… Я просто не хочу… Мне надоело быть обузой и выслушивать издевательства…

— Не пори ерунды, док, — ответил Николай, незаметно перейдя на «ты», — никто над тобой не издевался. Просто я ненавижу, когда люди так трусливо и неумело лгут, понятно?

Он подождал, пока Фрамер наконец зашевелился, пытаясь вырваться, и тогда отпустил доктора.

— Расскажи, чего ты так панически боишься, и тогда, возможно, я смогу придумать, как нам действовать дальше. И еще, — Николай посмотрел на Гентри, который упорно отводил глаза, не желая встречаться с ним взглядом. — Нам нужно идти, и делать это не останавливаясь. Куда бы ни вел нас Ваби, пока что он наш единственный союзник на этой планете, и не стоит его раздражать, договорились?

Фрамер кивнул.

Николай развернулся и пошел по узкой тропке, проложенной в сугробах мутантом и собакой. Он не оглядывался, по участившемуся дыханию дока безошибочно определив, что тот двинулся следом.

— Меня сослали сюда… — раздалось спустя некоторое время неожиданное признание.

— За что?

— Сунул нос не в свое дело… — тяжело вздохнул Гентри. — Лаборатория, в которой я работал на Бете-17, занималась вопросами экологической безопасности той продукции, что сходила с главных конвейеров комбината. В общем, после очередного упрощения технологии и удешевления производств избыток токсинов в облицовочных пластиках подскочил до преступных пределов, и я как начальник лаборатории послал соответствующий рапорт.

— И что случилось? — Николай криво усмехнулся, глядя, как Черч очередной раз делает пробежку от маячившей впереди низкорослой фигуры Ваби в их сторону.

— Мне предложили забрать свой доклад и впредь не соваться в подобные проблемы…

— И ты не согласился? — Гентри показалось, что в голосе фон Риттера прозвучало сомнение.

— Представь… — огрызнулся он, не подозревая, что злость была

именно тем чувством, что пытался спровоцировать в нем Николай. — Я не мог открыто сопротивляться, но написал рапорт об уходе. Тогда они устроили незначительную аварию в лаборатории и, естественно, обвинили в этом меня.

— Кто-нибудь погиб?

— К счастью, нет. Но сумму ущерба насчитали приличную. По условиям контракта я был обязан отработать ее на той должности, что будет предложена руководством.

— И они, конечно, предложили Везелвул?

— Естественно… Тогда я еще не подозревал, что сую голову в петлю…

Николай промолчал. Конечно, он мог посочувствовать этой вполне банальной для промышленных секторов Окраины истории, но для Гентри сейчас лучшим лекарством была именно злость на весь мир. Другого стимулятора фон Риттер не мог предложить этому человеку посреди ледяной пустыни…

— Когда я прилетел сюда, то подружился с молодым человеком по имени Сергей. Его история была похожа на мою, но усугублялась тем, что на одной из орбитальных станций Онтарио у него осталась семья — жена и двенадцатилетняя дочь. Он сильно переживал за них, но держался, постоянно повторяя, что обязательно вырвется отсюда.

Доктор говорил как заведенный, словно плохо сконструированный автомат, создатели которого поскупились на синтезатор речи — слова бились в коммуникаторах длинным, безликим, нескончаемым строем. Казалось, что для Гентри уже неважно — есть ли у него слушатели, Фрамер изливал душу сам себе, возможно, впервые произнося вслух все, что долгие годы копилось в ней…

— …был еще один, его звали Игорь Владимирович. Уже почти старик. Он вместе со мной следил за работой атмосферных процессоров. Он-то и открыл мне глаза на Везелвул, когда после очередного рейса транспортного корабля, который бомбил дальние болота контейнерами с химическим дезактиватором, заставил меня снять и проанализировать спектр болотных испарений… Знаешь, Николай, что они сбрасывают сюда?

— Ну?

— Шестнадцатый Си-Эй!..

На этот раз побледнел фон Риттер.

— Дерьмо Шииста… — вырвалось у него. — Фрамер, ты не ошибся?!

— Нет. После я несколько раз повторял подобный анализ сразу после бомбардировок болот, и результат выходил тот же самый. Си-Эй-16, очень

высокой концентрации…

— Хоронят отходы?! Но зачем?! Полно ведь узаконенных мест захоронения!

— Я тоже ломал над этим голову, но ничего не добился. Мне стал известен лишь один факт, который от сотрудников Везелвула никто и не скрывал… Те участки болот, что бомбардировались с орбиты, располагались в разных местах, всего таких точек было пять, и обязательно рядом с каждой из них находилось поселение, куда регулярно отправляли группы размороженных заключенных из колониальной тюрьмы…

Николая передернуло. То, что казалось ему поначалу какой-то катастрофой, тривиальной местной заварушкой, связанной с поломкой техники, вдруг обрело в его сознании совсем другие масштабы. Из инцидента, способного изменить его личную судьбу, история Везелвула постепенно разрасталась до размеров чего-то глобального и зловещего…

Зачем? Зачем они бомбили болота ядом и тут же демонстрировали всей Окраине, как восстанавливают экологию этого отравленного мира? Что за этим стоит? Эксперименты над людьми? Или еще что-то более страшное?

Нужно сказать, что Николай, несмотря на свою профессию, которую ему попросту навязали родители и жизненные обстоятельства, не любил дел, которые находились далеко за гранью фола. Он не отличался отчаянной «бесшабашностью» нескольких поколений собственных предков, снискавшей тем громкую и сомнительную славу среди наемников планеты Ганио. Нет, он предпочитал много думать, чтобы потом пришлось меньше стрелять. Эта черта характера не имела ничего общего с термином «трусость». Здравомыслие. То самое пресловутое здравомыслие, которое в конечном итоге привело его сюда, на Везелвул. Всю жизнь играя по правилам, он все чаще и чаще замечал, что большинство людей придерживается иных понятий. Они не знали, что такое «правила». Золотая эра Конфедерации уходила в прошлое.

Единственным правилом в обитаемых мирах Окраины становилась абсолютная власть силы и денег. Николай понимал — пройдет еще десяток лет, и загадка Везелвула перестанет ей быть… просто потому, что мегакорпорации, поделившие меж собой целый сектор пространства, окончательно наплюют на само понятие «закон»…

Углубившись в собственные мысли, фон Риттер; шагая по заснеженной целине ядовитых болот, слушал, как изливает душу доктор Фрамер, машинально отфильтровывая его сбивчивую речь. Такое состояние задумчивости не помешало ему очнуться в тот самый момент, когда речь с

личных обид и недоразумений перешла на более значительные события в жизни Гентри.

Это был хороший признак. Николай медленно, но верно приходил в себя после криогенного сна и некорректного пробуждения. Он становился самим собой, тем самым Николаем фон Риттером, служить под началом которого почитали за честь многие отчаянные и независимые наемники…

— …зашел ко мне и молча сел, — этот обрывок фразы заставил Николая переключить свое сознание на дока.

— Кто? — машинально переспросил Николай.

— Ну Игорь Владимирович, мой коллега! Он был явно не в себе. Обычно мы с ним мало общались, но тут он вдруг ввалился в полночь, словно был моим лучшим приятелем. Видок у него, надо сказать, был еще тот… В общем, он чего-то боялся, нервничал, и когда я напрямую спросил, что ему от меня нужно, то он спросил, есть ли у меня доступ в сеть Интерстара. Когда я ответил, что есть, как обычно, один час в месяц, то он сунул мне компьютерный диск и сказал: «Там письмо и электронный адрес. Никакого криминала, Фрамер, просто последний привет семье. Передайте вместе со своей почтой…» Док тяжело вздохнул.

— На следующее утро он исчез. Но знаете, что самое ужасное, Николай?

— Ну? — насторожился фон Риттер.

— На следующий день я видел, как из ворот колониальной тюрьмы выводили очередную партию заключенных для отправки в болота, на «расчистку дезактивированных территорий»… Так вот, среди них был он — Игорь Владимирович… — голос Гентри задрожал. — Мне стыдно, Николай, но я так испугался, что уничтожил диск, даже не заглянув в его содержимое. Я боялся… А потом я вдруг понял, что то же самое ждет и меня… Да, да, именно в тот день я начал подозревать, что дороги назад с Везелвула нет…

Николай никак не прореагировал на признание Гентри. Он знал много малодушных людей, но редко кто-нибудь из них признавался в собственной трусости… Это вселяло надежду. С точки зрения фон Риттера док не был конченым человеком…

Начинался рассвет.

Небо, серое от бескрайней череды клубящихся облаков, приобрело нездоровый красноватый оттенок. Только сейчас, по этому самому зареву да еще по тому, как от стылой земли, словно по волшебству, вверх потекли туманные гейзеры, лениво извергающиеся прямо из сугробов, Николай смог определить, что на Везелвуле кончилась ночь.

Говоря откровенно, он был сильно удивлен, потому что принимал тот серый сумрак, в котором прошла большая часть их изнурительного пути, за самый настоящий день.

Оказывается, что день на Везелвуле — это нечто другое.

— Скажи, тут по ночам всегда так светло? — спросил он у Фрамера, который, внезапно замолчав, волочился сзади, едва передвигая ноги.

— Дифракция… — сдавленно прохрипел тот. — Планетоид сравнительно маленький, солнце расположено очень близко, в поле сильной гравитации, и излучаемые им фотоны отклоняются под воздействием тяготения, огибая планету…

— Ясно, — ответил Николай, глядя, как под ногами прямо на глазах истаивает голубой кислородный снег, превращаясь в молочно-белые струйки, стремительно рвущиеся вверх.

Облака висели так низко, что это становилось неприятным, вызывая тошнотворное чувство клаустрофобии.

Ветер, дуновения которого не ощущалось за надежными оболочками скафандров, постепенно крепчал, что было очень заметно по отклонению туманных гейзеров, которые били из сугробов, извергая в атмосферу кристаллизовавшийся кислород.

Видимость сразу же ухудшилась, так резко, что Николай остановился, пытаясь понять, в какой стороне находятся Ваби и Черч, так как проложенная ими тропа испарялась вместе с сугробами с неимоверной, прямо-таки фантастической скоростью…

— Фрамер, не отставай! — Николай отцепил от пояса скафандра конец смотанного в бухту страховочного фала и защелкнул карабин на запястье доктора. — Если вдруг поднимется шквал, то постарайся за что-нибудь зацепиться своим фалом, — Николай продемонстрировал Фрамеру, как освободить страховку его скафандра, — и держись изо всех сил. Если почувствуешь, что потерялся, то внутри гермошлема на ободе забрала есть красная сенсорная кнопка, видишь?

— Угу… — промычал док, которого била непроизвольная дрожь при виде начинающегося вокруг катаклизма.

— Нажмешь ее языком, — пояснил Николай. — Это включит проблесковые маяки скафандра и аварийный передатчик. И главное — не паникуй и не дергайся. Скафандр рассчитан на работу в открытом космосе, в нем отличный обогрев, десятисуточный запас кислорода, рецеркулированная вода и пищевые таблетки. В общем, это надежная, продуманная машина, которая будет заботиться о тебе до последнего эрга в накопителях, так что запомни — погубить тебя могут только паника и

необдуманные действия, ты понял?

Док кивнул, стараясь не опускать плечи под пристальным взглядом Николая.

— Тогда пошли.

Он развернулся, двинувшись в том направлении, куда, по его мнению, ушел Ваби.

Фон Риттер не ошибся, и в подтверждение этого из туманной мглы внезапно вынырнул Черч. Пес радостно взвизгнул, бросившись под ноги Николая, и тут же из плотного тумана прорисовалась низкорослая фигура мутанта.

Карлик стоял, широко расставив ноги и чуть наклонив торс навстречу усиливающимся порывам ветра. Его голова была задрана вверх.

Николай, который никак не смог истолковать эту напряженную позу проводника, хотел было обратиться к нему с вопросом, но в этот момент сквозь явственные завывания ветра внешние микрофоны передали отдаленный, но постоянно нарастающий грохот.

Черч, встревоженный разбушевавшейся вокруг стихией и этим тревожным, угрожающим грохотом, вдруг прижался к земле у ног Николая и взвыл. Шерсть на его загривке стояла дыбом.

— Ваби, что это?! — прокричал Николай, припав на одно колено. Импульсная винтовка в его руках описала стволом короткий полукруг. — Фрамер, за спину! — отрывисто скомандовал он.

Док с готовностью выполнил приказ. Ваби, глухо ворча, выхватил нож. Его выкаченные глаза сверкнули, отражая недоумение и одновременно твердую решимость противостоять любому врагу.

Грохот к тому моменту уже стал оглушительным. Сквозь шквал напряженных звуков уже не пробивался даже заунывный свист ветра, к тому же со стороны болот через рваную пелену тумана вдруг пробился яростный свет.

Ветер внезапно изменил направление, натужно рванув в обратную сторону, словно воздушный поток столкнулся с силой, способной повернуть его вспять, и тут же из мглы испарений, окруженный ореолом горячечного сияния, вырвался огромный космический корабль. Блеск его бортовых огней тонул в жгучем сиянии двигателей и раскаленной обшивки.

— Ложись! — только успел крикнуть фон Риттер, глядя, как на отряд надвигается стремительная, полыхающая огнем тень…

Нежданное рандеву космического корабля и маленького, пробирающегося меж замерзших болот отряда длилось считанные секунды, но Николай все же успел разглядеть темный цилиндрический

корпус, в хвостовой части которого торчал докировочный стержень с нанизанными на него кольцами грузовых модулей.

Корабль падал. Чтобы понять это, не нужно было обладать недюжинным опытом. Его корма слишком сильно накренилась к земле, нос соответственно был задран кверху, и яростный огонь, рвущийся из сопел корректирующих двигателей, ясно говорил о той борьбе, что вел в эти секунды экипаж транспорта…

Еще секунда, и корабль исчез, удаляясь в сторону космопорта.

Это походило на внезапное наваждение.

О том, что он мгновение назад был тут, говорили лишь удаляющийся грохот да полоса истекающей паром, мгновенно размороженной земли…

Николай приподнял голову. Под ним что-то зашевелилось, и он вдруг понял, что, падая на землю, машинально закрыл собой пса, на котором не было прочного термоизолированного скафандра.

Черч выполз из-под него и закружился на месте, яростно поскуливая. Его шерсть кое-где дымилась.

Рядом с ворчанием встал на ноги Ваби.

Карлик был ошеломлен, но Николай не смог различить в его налитых кровью глазах ни тени страха.

— Идти!.. Бежать! — гневно потребовал он, указывая рукой на полосу очищенной двигателями корабля земли, которая, словно торная дорога, пролегла именно в том направлении, куда двигался их отряд.

Николай встал, помог подняться Фрамеру и, убедившись, что тот не пострадал, повернулся к Ваби.

— Идем, — коротко согласился он.

За его спиной док ошалевшим взглядом смотрел в ту сторону, куда минуту назад скрылся корабль.

— Николай… это транспорт! Спасатели! Они прилетели за нами!.. — казалось, что Фрамер сейчас заскулит от переполнявших его надежд.

— Остынь!.. — мрачно оборвал его Николай. — Ты видел, как он падал?! Думаю, этим ребятам самим нужны спасатели, так что забудь!..

Словно бы в подтверждение его слов со стороны космопорта вдруг донесся тяжкий грохот, от которого содрогнулась земля.

— Ну, что я говорил? — Николай перехватил импульсную винтовку и подтолкнул дока в ту сторону, куда уже ушел Ваби. — Фрамер, пошли, — резко произнес он. — Терпение Ваби сейчас лопнет, а я не хочу с ним драться.

Неизвестно, понял ли доктор последнюю фразу фон Риттера, но повернулся и послушно пошел вперед.

Обгоняя его, прекративший скулить пес огромными прыжками рванул в сгущающийся туман.

Над Везелвулом вставало красноватое солнце, а сзади, настигая небольшой отряд, ветер гнал свинцовые тучи, из которых уже стеной валил липкий снег.

* * *

— Фрайг вас всех раздери! Куда подевался Шер?!

Эрик Итем вошел в свой кабинет и повернулся, обратив гневный взгляд на безупречный бюст своей секретарши.

Она была андроидом серийной модели. Звали ее Бетти.

— Не нужно так волноваться, сэр! — хорошо поставленным, мягким голосом ответила секретарша, и на ее щеках появились ямочки от миловидной улыбки. — Мы занимаемся поиском вашего телохранителя двадцать четыре часа в сутки, но, очевидно, он еще не вернулся в систему Онтарио. Его «Нова» тоже отсутствует в доке космической станции.

— Хорошо… — Эрик сел в свое кресло и включил питание компьютера. — Держите меня в курсе. Есть еще новости?

— Да, сэр, — жизнерадостно доложила Бетти. — Мы получили связь с колонией Везелвула на экстренных гиперсферных частотах. Был задействован разовый аварийный канал связи.

Эта новость буквально потрясла Эрика Итема.

— Дай текст! — рявкнул он, предчувствуя недоброе. Секретарша, не меняя улыбки на своем подвижном лице, протянула ему листок с компьютерной распечаткой.

«ВСЕМ ПРИЕМОПЕРЕДАЮЩИМ СТАНЦИЯМ ГЧ. СРОЧНОЕ СООБЩЕНИЕ ДЛЯ АБОНЕНТА „ГЕНЕЗИС“».

Дальше шел собственно сам текст, который в оригинале был шифрован специальным кодом:

«ВЕЗЕЛВУЛ. 14 МАЯ 3971 ГОДА. ПРОИЗОШЕЛ СБОЙ В РАБОТЕ ИСКУССТВЕННОГО СОЛНЦА. УДАЛОСЬ ЗАДЕЙСТВОВАТЬ РЕЗЕРВНЫЙ ПОСТ УПРАВЛЕНИЯ. КРИТИЧЕСКИХ РАЗРУШЕНИЙ НЕТ. ТРЕБУЕТСЯ СРОЧНАЯ ПОМОЩЬ. СВЯЗИ СО СТАНЦИЕЙ ГЧ И ДРУГИМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ КОРПОРАЦИИ НЕ ИМЕЮ. СТАРШИЙ ТЕХНИК КОСМОДРОМНОЙ СЛУЖБЫ ДОНАЛЬД ГРЕГОР».

В первый момент у Эрика потемнело в глазах, но он быстро взял себя

в руки.

Обойдя стол, он медленно опустился в кресло, сцепил руки и, проделав несколько мысленных упражнений, призванных стабилизировать потоки крови в сосудах головного мозга, поднял взгляд на свою секретаршу, которая застыла в позе почтительного ожидания.

Эрик Итем обладал достаточно гибким разумом и огромной волей. Он мгновенно осознал, как много оказалось брошено на карту и какие тяжкие последствия может вызвать малейший срыв его планов относительно Везелвула…

«Куда же делся этот подонок Шер?..» — подумал он.

Справившись со своими эмоциями, Эрик взглянул на табло, врезанное в край столешницы. 14 мая… Корабль с членами комиссии должен был прибыть в систему Онтарио через неделю.

«Еще есть время…» — подумал он, немного успокоившись.

В этот момент женщина-андроид, терпеливо ожидавшая его дальнейших распоряжений, повернула голову и произнесла:

— Сэр, по интересующему вас району станция ГЧ Онтарио только что приняла еще один сигнал.

— Текст… — потребовал Эрик, исподлобья наблюдая, как движутся губы человекоподобной машины.

— Транспортный корабль «Геракл», рейс Онтарио — Аллор, изменил курс, — сообщила секретарь. — Вчера они погрузились в гиперсферу, совершая прыжок на координаты Везелвула-12, откуда их бортовые системы приняли сигнал SOS.

— Экипаж? — машинально переспросил Эрик Итем, переваривая еще одну неприятную и ошеломляющую новость. В его жизни еще не было таких, осененных фатальным невезением дней. Ведь все было рассчитано заранее, станция ГЧ Везелвула остановлена для профилактического ремонта, в районе планетоида не должно было оказаться ни одного корабля!

Секретарь протянула указательный палец правой руки к торцу толстой столешницы, где располагалось несколько компьютерных разъемов. Из пальца, раздвинув острием искусственную пеноплоть, выдвинулся соединительный стержень. Войдя в разъем, он провернулся, и под матовым материалом столешницы перед Эриком Итемом возник короткий список имен:

- Дерек Линкс.
- Александра Эйзиз.

• Андрей Звягинцев.
• Эрни Рорих.

— Все ветераны вооруженных сил корпорации, — бесстрастно пояснила секретарь. — Переведены в отдел транспортных перевозок по программе реабилитации после тяжелых ранений. Вывести досье на каждого члена экипажа, сэр?

— Не нужно… — На мгновение у Эрика Итема возникло такое чувство, что все происходящее — это просто дурной сон. — Соедини меня с юридическим отделом, — потребовал он, встряхнув головой, словно пытался отогнать от себя навязчивое наваждение.

Нужно было действовать — немедленно, не теряя ни секунды, потому что эта самая комиссия уже успела показать свой нрав на нескольких планетах…

В недрах столешницы раздался легкий вздох, и в матовых глубинах возникло лицо главного юриста корпорации.

— Юридический отдел… — произнес он, узнав Итема-младшего. — Чем могу быть полезен?

— Мне нужна консультация. Поднимитесь в мой кабинет, мистер Прин.

— Сию секунду, сэр!

Эрик повернулся и, не обращая внимания на андроида, которая все еще стояла, погрузив указательный палец в компьютерный разъем, набрал код на панели коммуникатора.

— Отец? — спросил он, когда произошло соединение.

— Да, Эрик?

— Ты не мог бы принять меня и мистера Прина?

— Что-то случилось?

— Да, отец, — скрепя сердце признался Эрик. — Похоже, у нас могут возникнуть неприятности в связи с этой самой поправкой к Колониальному кодексу…

* * *

…Коренастое низкорослое существо пробиралось в недрах мрачного тоннеля, который был едва освещен тусклым светом фосфоресцирующих ламп.

Проход, проделанный водой в рыхлой породе, причудливо изгибался, обходя странные скелетоподобные остовы каких-то механизмов. Очевидно, что они были замурованы в той самой породе, которую вымыла вода в

своем терпеливом многовековом стремлении вниз.

Джон Прин бесстрастно смотрел на экран, пытаясь понять, что это за место и какова природа голубокожего низкорослого существа, столь сильно похожего на человека и в то же время так разительно от него отличающегося. Он не первый год работал на корпорацию и знал, что должен дать максимум рекомендаций исходя из тех крох информации, что будут представлены на его суд…

— Это бывшая свалка радиоактивных и токсичных отходов, — пояснил Эрик Итем, указывая на изображение. — Плод многовековых усилий нескольких промышленных миров Окраины.

— А это существо? — осторожно осведомился Джон Прин, глядя, как голубокожий карлик с выкаченными из орбит глазными яблоками ловко собирает образовавшиеся на стенах тоннеля наросты нездорового желтоватого цвета, складывая их в грубый мешок из искусственной ткани.

— Это мутант. Его предками были заключенные, бежавшие из тюрьмы Конфедерации солнц.

— Так давно? — удивился Джон Прин. — Надеюсь, корпорация не имеет к ним отношения?

— Это неважно, — буркнул Эрик. — К этим мы не имеем отношения, могу вас уверить! — раздраженно добавил он и тут же осекся, поймав предостерегающий взгляд отца.

— Итак, мистер Прин, поясните нам суть дела. — Роберт Итем коснулся кнопки пульта дистанционного управления, и изображение на двухметровом экране пропало. — Вы просмотрели видеофрагмент. Теперь я хочу узнать ваше мнение — подпадут ли эти существа под действие нового параграфа Колониального кодекса?

— Но, мистер Итем, — развел руками юрист, — как я могу судить по нескольким минутам видео? О самих существах вам смогут дать заключение лишь эксперты-биологи. Что касается принятой на Аллоре поправки, могу сообщить, что под ее действие подпадают все вновь открытые экзобиологические виды.

— Но это мутант, — напомнил ему Эрик. — Даже затрудняюсь сказать, в каком поколении.

— Тем более, — покачал головой юрист. — Если будет доказана генетическая связь этого существа с людьми, то тут может быть инкриминировано все, вплоть до использования рабского труда.

— Понятно, — Роберт Итем повернулся в своем кресле. — Каковы ваши рекомендации, мистер Прин? Что будет, если некий мир, населенный вот такими существами да еще имеющий на балансе колониальную

тюрьму, заключенные из которой работают в радиоактивных топях без всякого специального снаряжения, попадет в поле зрения комиссии по правам разумных существ?

Глава юридического отдела ожидал, что ему зададут подобный вопрос. Откашлявшись, он посмотрел на потухший экран и тихо сказал:

— Сэр, на месте тех людей, что ответственны за формирование подобного мира, я бы очень сильно обеспокоился. Поверьте, в случае утечки информации, особенно через комиссию по правам разумных существ, этих людей ждут очень большие неприятности. — Он на секунду умолк, а потом добавил: — Я бы даже не остановился перед тем, чтобы полностью зачистить такой мир от всего живого… — Джон Прин посмотрел на Роберта Итема белесыми глазами. — Одно дело загрязненный радиацией и нечистотами *мертвый мир*, а совсем другое — мир, в котором насильственно поддерживается жизнь в рамках адских условий существования, — пояснил он свою мысль. — В первом случае это не повлечет за собой никакой ответственности, а во втором даже затрудняюсь представить, во что это может вылиться…

Роберт Итем, который бесстрастно выслушал этот своеобразный монолог третьего лица компании, кивнул главе юридического отдела.

— Очень хорошо, мистер Прин, — произнес он, давая понять, что консультация окончена. — Постарайтесь забыть о том видео, что вы сейчас смотрели, договорились?

— Само собой, сэр.

Дождавшись, пока за Джоном Прином закроется дверь, Роберт обернулся к сыну, который стоял у окна, угрюмо разглядывая панораму висячих городских садов.

— Как такое могло случиться, Эрик? — без гнева спросил он.

— Фатальное невезение, отец, — не оборачиваясь, глухо ответил сын. — Я заранее продумал все детали, я послал туда лучшего из своих людей, чтобы он устранил исполнителя и проконтролировал процесс.

— Значит, он оказался плох, если пропал, позволив какому-то космодромному технику реанимировать солнце, — жестко заключил Роберт Итем. — Ну да ладно, тут же смягчился он. — Не ошибается только тот, кто ничего не делает. Я посовещался с техническим отделом, и они не рекомендуют вновь пытаться погасить солнце. Это может повлечь за собой взрыв, который уничтожит весь Везелвул. А этого, как ты понимаешь, мы допустить не можем… — Роберт Итем задумчиво побарабанил пальцами по темной столешнице. — С солнцем мы разберемся позже, сейчас нужно сделать так, чтобы членам комиссии не с кем было обсуждать ни экологию

этой помойки, ни тем более природу ее мутировавших обитателей, — решительно произнес он. — Колониальную тюрьму тоже придется ликвидировать; я просмотрел список прилетающих экспертов и не нашел там ни одной известной мне фамилии. Очевидно, на Аллоре произошли резкие перестановки, и причем далеко не в лучшую для нас сторону.

— Отец, осталось всего два дня… — осторожно напомнил Эрик.

— Я помню. Поэтому надо действовать быстро, — он склонился к панели связи. — Соедините меня с дежурным по ГЧ, — распорядился он. — И вызовите в мой кабинет капитана Спаркса.

— Впредь это будет тебе наукой, сынок, — проворчал он, обернувшись к Эрику. — Нужно было думать на десять ходов вперед, чтобы не пришлось вот так, как сейчас, тушить пожар.

Дождавшись, пока сын повернется к нему, и поймав угрюмый взгляд Эрика, он покачал головой:

— Как, ты говоришь, называется тот грузовой корабль, что принял SOS?

Часть вторая. Битва за Везелвул

Глава 7

14 мая 3971 года. Космопорт Везелвула, верхние ярусы.
Аварийный пост управления термоядерным синтезом

К концу вторых суток своего добровольного заточения Грегор начал подозревать, что сходит с ума.

Гробовая тишина царила в эфире, столь же молчаливы оставались все каналы внутренней связи, и лишь горячечный бред раненого сержанта, у которого воспалилось плечо, располосованное когтями мутанта, нарушал зловещую тишину поста управления.

Давно стихли леденящие душу вопли за толстыми бронированными дверями, но Грегор не решался их открыть.

Он сидел, тупо уставившись в монитор, соединенный с процессором дальней связи, который день за днем на все его попытки открыть канал Гиперсферной Частоты отвечал одной и той же строкой сообщения: «Ориентация систем спутников связи завершена. Резерв использован. Нет доступа к базовому серверу Интерстара. Ждите».

Он ждал, тупея от монотонных выкриков сержанта, лицо которого покрывал нездоровый румянец.

Сержант метался в горячке и просил воды, но имевшегося в стенном шкафу неприкосновенного запаса оказалось недостаточно, и на четвертый день Грегору самому стало нечего пить. Плечо сержанта страшно распухло, и от него пошел мерзкий запах гниения.

Грегор понимал, что должен как-то помочь ему, но не мог преодолеть своего отвращения. В конце концов он очень быстро дошел до того, что начал ненавидеть разметавшегося на полу человека за его бессвязные выкрики, вонь и упорное нежелание умирать.

Он не знал, почему не отвечает сервер Интерстара, а на самом деле ответ был очень прост — прежде чем погасло солнце Везелвула, станция Гиперсферной Частоты была отключена для «профилактического ремонта» категоричным приказом из системы Онтарио.

Все складывалось одно к одному, а Грегор был не больше чем маленькой рыбешкой, бившейся в сетях огромной, тщательно продуманной диверсии.

Он не знал этого. Как не знал и того, что неподалеку от космопорта, всего в каких-то сорока километрах, уже несколько дней стоит космический корабль.

Автоматы на борту этого странного корабля фиксировали его тщетные попытки связаться хоть с кем-нибудь, но они не имели никаких инструкций на этот счет. Им была безразлична судьба любого человека. Они знали лишь двоих, о ком нужно было заботиться, но эти двое покинули борт восемь суток назад и больше не возвращались.

Корабль стоял, возвышаясь на краю замерзшего болота, и ждал.

Произошла та самая неувязка, что позволила обыкновенному космодромному технику вмешаться в хорошо продуманный план и фактически сорвать его, заставив вновь вспыхнуть солнце Везелвула…

Дональд Грегор пребывал в абсолютнейшем отчаянии, когда наконец внешнее коммуникационное устройство космопорта вдруг заговорило хриплым, искаженным атмосферными помехами голосом:

— Внимание, Везелвул, говорит борт транспортного корабля «Геракл». Принимаю автоматический сигнал. Взял ваш пеленг. Собираюсь садиться по координатам передатчика. Вы можете сообщить, сколько вас и какая требуется помощь?..

Грегору казалось, что это сон. Вне себя от сумасшедшей радости он вцепился в тонкую стальную дужку коммуникатора:

— Слышу вас! Слышу!!!

Он еще не знал, что вместе с этим кораблем на планету опускается его судный день…

Тридцать семь километров южнее космического порта

Через час, окончательно выбившись из сил, они вышли наконец к подобию старой дороги.

— Все… — прохрипел Фрамер, валясь на землю. — Больше не могу, Николай, хоть убейте.

Фон Риттер остановился. В сотне метров от него сквозь редеющую снежную круговерть прорисовывались неясные контуры каких-то построек.

— Сейчас, док, — проговорил он, вернувшись к упавшему Фрамеру.

Взвалив его на плечи, Николай, пошатываясь, пошел к ближайшему дому. Он сам едва держался на ногах и потому не мог осуждать Гентри. Ходьба в скафандре по заснеженной планете оказалась серьезным испытанием даже для него.

Метельный вихрь понемногу стихал. Ветер ослаб, снег стал падать реже. Разреженная атмосфера Везелвула прогревалась на удивление быстро, и по земле уже побежали первые ручьи.

Дойти до домов ему помог Ваби. Как всегда, карлик появился

внезапно, словно выскочив из-под земли. Невдалеке, возле построек, раздался заливистый лай Черча.

В красных глазах карлика стояли слезы.

— Быстро… — умоляюще просипел он.

Николай насколько смог ускорил шаг, но Фрамер был тяжел, и процессия едва ползла.

Сознание фон Риттера временами мутилось. Он вообще удивлялся, как они дошли. Очевидно, запаса адреналина в крови после схватки в космопорте оказалось столь много, что хватило на большую часть их безумного перехода.

Старая дорога, вымощенная осевшими стеклобетонными плитами, круто заворачивала, уводя в форт, стены которого были сложены из легких и удивительно прочных шлакоблоков.

«Интересно, кто бы стал основывать тут поселение?» — подумал Николай, глядя на добротные, грамотно сложенные стены с контрфорсами и узкими, затянутыми бронестеклом бойницами.

Очевидно, болота Везелвула были отнюдь не мирным местом, иначе зачем было возводить подобные укрепления, а тем более использовать древние фортификационные технологии?..

Ответ на свои вопросы Николай получил сразу же, как только вошел на территорию форта через заклинившие на половине своего хода, полуоткрытые автоматические ворота.

Это была старая колониальная тюрьма времен господства Конфедерации солнц.

Остановившись за воротами, он огляделся, пошатнувшись под тяжестью повисшего на нем тела.

Периметр серых стен, уходящий в снежную круговерть, оказался двусторонним. Вовнутрь территории точно так же смотрели забранные бронестеклом бойницы с шарнирными вставками для стволов оружия.

Николай, тяжело дыша, опустил Фрамера на мерзлую землю, справедливо полагая, что, случись нападение, из него получится отличная мишень. А возможность драки он не исключал.

— Вставай, док!.. — хрипло произнес он в коммуникатор, окидывая долгим взглядом пустой заснеженный плац, какие-то соединенные трубами цистерны, приземистые здания барачного типа и несколько стоявших особняком более или менее цивилизованных строений, на плоской крыше одного из которых он с удивлением заметил несколько вогнутых антенн спутниковой связи, окруженных явно самодельными устройствами, сильно напоминающими кожухи генераторов низкочастотного поля. У его ног вяло

зашевелился Фрамер.

— Гентри, соберись в кучу, — скорее потребовал, нежели попросил Николай, продолжая напряженно озираться. — Мы у цели, — пояснил он.

В коммуникаторе раздался сдавленный стон и частое, тяжелое дыхание доктора.

— Да… Я сейчас, Николай… Я все понимаю…

Из сумеречных глубин форта, где клочья тумана все еще скрывали дальние постройки, показались карлик и Черч. Маленький мутант явно недоумевал по поводу внезапной задержки.

Явно, что Ваби хорошо знал это место. Не говоря ни слова, он схватил Николая за рукав скафандра и потянул в сторону выбитых дверей того самого здания со спутниковыми тарелками на крыше.

Пройдя несколько шагов, Николай оглянулся. Фрамер уже встал на ноги и, шатаясь, шел вслед за ними. Подле него семенил Черч.

Внезапно пес фыркнул и остановился, яростно разгребая передними лапами голубоватый кислородный снег.

Взглянув на его находку, фон Риттер понял, что эти постройки совсем недавно были обитаемы, а обманчивое впечатление о полнейшем запустении форта оказалось вызвано толстым снежным покрывалом, похоронившим под собой большую часть страшных свидетельств разыгравшейся тут совсем недавно трагедии.

Форт взяли штурмом — через минуту этот факт уже не вызывал у Николая никаких сомнений.

Драка была жестокой и кровавой. Очевидно, что горстка находившихся в строениях людей подверглась внезапной атаке со стороны болот.

Волочившийся сзади Фрамер споткнулся и едва не упал. Озабоченный страданиями своего бренного тела, он не заметил, что поравнялся с тем местом, где Черч раскапывал снег. Сам пес, нервно повизгивая, уже убежал вперед, едва обнюхав свою находку. Взглянув себе под ноги, доктор с ужасом увидел, что из-подо льда торчит чья-то синеватая рука с зажатым в скрюченных пальцах ножом…

«Мутант… — подумал Николай, глядя, как Фрамер отпрянул в сторону, дико озираясь по сторонам. — Очевидно, один из тех, кого внезапно наступивший холод выгнал из радиоактивных болот и заставил предпринять отчаянную атаку на поселение, а затем, не найдя тут прибежища, направиться к космопорту планеты».

Взглянув на карлика, который нетерпеливо переминался с ноги на ногу возле выбитых взрывом дверей здания, фон Риттер мысленно задал

себе вопрос: а как Ваби оказался среди защитников форта? Помнится, он что-то толковал насчет своей семьи, которой нужна немедленная помощь…

Внутри здания царил все тот же холод. Тут было еще хуже, чем на улице, — насквозь промерзшее строение, сложенное из термоизоляционного материала, очень медленно отдавало холод. Это была палка о двух концах, когда определенная технология вдруг начинала работать в сторону, прямо противоположную своему первоначальному предназначению. На улице стремительно таял снег, текли ручьи, а тут на пластиковых перилах ершился иней и стены были покрыты причудливыми узорами изморози…

Шаги Ваби пророкотали по мерзлым ступеням ведущей на второй этаж лестницы.

Николай, тяжело преодолев два лестничных марша, оказался в широком коридоре, по обе стороны которого располагались двери. Часть из них была выбита ударами нечеловеческой силы, и осколки пластика покрывали пол, словно части разбитой мозаики.

Ваби уверенно свернул вправо.

Мускулы карлика напряглись, на лбу вспухли узловатые вены, когда он уперся ногами в косяк, ухватившись за ручку примерзшей к проему двери.

Внезапно раздался треск, и дверь нехотя приоткрылась. Ваби еще раз напрягся, расширяя проход, и, когда щель стала способна пропустить Николая, первым вошел внутрь.

Фон Риттер чувствовал, что не увидит за заиндевевшими дверями ничего хорошего… и предчувствие не обмануло его.

Старая табличка, укрепленная возле пластикового косяка, была столь густо покрыта инеем, что указатель помещения невозможно было прочесть, но, шагнув в проем, Николай сразу понял предназначение этого места.

Криогенный зал тюрьмы…

По спине фон Риттера пробежал холодок от свежих воспоминаний о собственном пробуждении.

Ваби, словно окаменев, стоял в самом начале неширокого прохода меж двух симметричных рядов низкотемпературных саркофагов.

Николай осмотрелся.

Первое его впечатление было обманчиво. Этот зал уже очень давно никто не использовал по прямому предназначению, и темные ряды криогенных камер остались тут скорее как деталь интерьера, нежели как действующее оборудование. Колпаки большинства из них были откинуты вверх, и изнутри камер виднелись кучи насквозь промерзшего тряпья —

что-то вроде неумело устроенных лежбищ, скорее похожих на гнезда каких-то животных, чем на человеческие постели.

«Неужели обитателями этого старого форта были мутанты?» — обожгла Николая запоздалая догадка.

В помещении стоял жуткий, прямо-таки могильный холод. Под самым потолком тускло светили несколько обросших густым инеем плафонов.

Николай, преодолев непроизвольное чувство какого-то алогичного, почти мистического страха и вызванной им подавленности, заставил себя сделать шаг по направлению к Ваби…

Сразу за рядом криогенных камер открылся узкий проход. То, что фон Риттер поначалу принял за стену, оказалось не чем иным, как обмерзшими силовыми шкафами. Через проход пробивался неяркий свет.

Посмотрев на карлика, который застыл на одном месте, очевидно в силу каких-то причин не решаясь войти в соседнее помещение, Николай мягко отстранил его.

Первое, что бросилось в глаза фон Риттеру, была невероятная, страшная, неправдоподобная скульптурная группа…

У него помутилось в глазах…

У выбитого панорамного окна, сквозь которое открывался вид сверху на весь периметр форта и прилегающие окрестности, упав на колени, застыл старик.

Казалось, что он сделан из хрупкого стекла — дотронься и лопнет, рассыплется, как и несколько низкорослых, похожих на Ваби существ, которые прильнули к нему, не то пытаясь поддержать, не то в порыве отчаяния ища у него защиты…

Николай много повидал на своем веку, но в этот момент он вдруг почувствовал, что больше не может дышать… Спазм сковал его горло, легкие, словно бы он тоже, как этот старик и маленькие мутанты, внезапно лишился всякой защиты, из относительного тепла помещения попав в среду, где температура стремилась к абсолютному нулю…

Их смерть была мгновенной.

Николай вспомнил, как со свистом утекал воздух из здания колониальной тюрьмы и как он, задыхаясь и замерзая, бежал к космопорту…

Страшная, непонятная, какая-то трагичная и несправедливая смерть…

Сзади послышался легкий шорох…

Николай знал, что это Ваби, но боялся повернуться, так как он не умел творить чудеса. Эти люди были мертвы, мертвы бесповоротно, и он не мог ничего сделать.

Ваби сам подошел к нему, взглянул в помертвевшее лицо Николая, перевел взгляд на застывших, словно статуи, людей и все понял…

Из глаз карлика вдруг брызнули слезы…

Ваби плакал молча, крепко стиснув зубы, не издавая ни единого звука, но его горе было столь велико, что Николай не выдержал. Он не видел в своей жизни ничего страшнее этой немой, безысходной скорби.

Карлик был взрослым существом, но в то же время оставался ребенком, и ему никогда не было суждено перешагнуть какую-то незримую ограничительную черту умственного развития, но он был намного более человечен в своих чувствах, чем большинство тех людей, что знал Николай фон Риттер.

Подчиняясь страстному, неудержимому порыву, идущему из неведомых ему самому глубин подсознания, Николай вдруг опустился на колени перед Ваби и, откинув забрало своего шлема, притянул к себе рыдающего карлика, крепко прижав его голову к груди.

Ни он, ни маленький мутант не произнесли ни единого звука — любой шорох казался в этом помещении просто кощунством, но Николай внезапно с поразительной ясностью ощутил, что с этой самой минуты они связаны воедино столь же крепко, как и те, кто застыл, образуя страшную скульптурную группу…

…Наконец Ваби поднял голову.

Его глаза еще больше покраснели, но уже были сухими.

— Кто это сделал? — негромко спросил Николай, взглядом указав на выбитое очередью из импульсного оружия панорамное окно.

— Идти… Покажу… — тихо и односложно произнес карлик. — Ваби убил…

Космопорт Везелвула, верхние ярусы…

— Здесь… За этими дверями, — негромко произнес Линкс, остановившись возле толстого бронированного овала, отделенного от общего фона стены четким черным кантом пневматического уплотнителя.

Эйзиз отступила на шаг, проверяя показания детектора.

— Да, там движение… — согласилась она.

— Не приближайся, — предостерег Андрей, взглядом указав Саше на красноватый глаз оптико-теплового сканера, что медленно вращался на шарнире сервопривода около самой двери. — Очевидно, туда нужны особые полномочия для доступа.

— Сейчас будут особые полномочия, — пообещала Эйзиз,

неуловимым движением коснувшись сенсорного переключателя на цевье импульсной винтовки. Реактивный подствольный гранатомет активировался с тихим, характерным шелестом электромагнитного затвора. — Отойди, Андрей, — скорее приказала, чем попросила она.

Линкс, который разглядывал разгромленный аппаратный зал космопорта, только пожал плечами и сделал знак Звягинцеву, чтобы тот не мешал. Он прекрасно понимал раздражение Эйзиз — они нарушили приказ руководства корпорации и едва не угробились при посадке, потеряв при этом весь груз, совершенно не для того, чтобы играть в прятки среди набитых разлагающимися трупами залов космопорта с теми, кто сначала послал сигнал SOS, а теперь почему-то упорно не желал обнаруживать свое присутствие, не отвечая ни на какие вызовы по внутренним каналам интеркома.

— Эй, там, за дверью! Отойдите к дальней стене! — для очистки совести крикнула Эйзиз, прежде чем спустить гашетку.

Реактивная граната с воем пронеслась над развороченными пультами и ударила в дверь чуть правее сканера.

Стреляя, Саша машинально отвернула голову, чтобы не ослепнуть.

Дверь содрогнулась, скрывшись в ослепительном сполохе взрыва; с надрывным воем полетели осколки, а когда рассеялся дым, Андрей, привставший из-за прикрытия какого-то пульта, увидел, как многотонная плита, лишившись запорного механизма вместе со сканирующим устройством, рывками уползает в стену, открывая проход.

Где-то неподалеку сиротливо взвыла сирена.

Саша, подняв винтовку стволом вверх, боком втиснулась в образовавшуюся щель.

Первое, что она увидела, — это перекошенное, белое как мел лицо насмерть перепуганного человека, одетого в порванную униформу технического работника. Вжавшись спиной в дальний угол помещения, он пытался активировать импульсную винтовку, но оружие упорно не хотело слушаться космодромного техника.

— Н-не-е подходи!.. — истерически вскрикнул он, направив ствол оружия в грудь Эйзиз, чье лицо он не мог разглядеть за светофильтрующей пластиной гермошлема.

— Опусти оружие, придурок… — устало произнесла она. — Ну?! Я жду!

Грегор наконец понял, что перед ним не монстр и не мутант, а самый обыкновенный человек в скафандре. Его лицо вдруг просветлело.

— Прилетели!.. — потрясенно произнес он, не веря своим глазам. —

Прилетели!!! — отбросив оружие, он стоял, не зная, что делать и куда девать освободившиеся от веса импульсной винтовки руки.

— Что ж ты молчал, а? — спросила Саша, поднимая забрало своего гермошлема. — Мы пять часов уже ползаем по этому долбаному порту…

— Я не знал… Я думал…

Эйзиз, не обратив внимания на его слова, вдруг поморщилась, вдохнув сладковатый воздух помещения. Резко обернувшись, она увидела сержанта, разметавшегося в бреду в дальнем углу отсека, и, ни слова не говоря, кинулась к нему.

В пост управления вошли Линкс и Андрей.

Пока они говорили с Грегором, Саша, чье внимание теперь было полностью поглощено раненым, достала нож и одним резким, точным движением раскроила пропитанную кровью ткань униформы.

Увидев распухшее посиневшее плечо с гноящимися ранами, она побледнела. Не обращая внимания на ставшую невыносимой вонь, Эйзиз склонилась над ним, выпустив из вшитого в рукав скафандра устройства тонкую иглу зонд-анализатора.

— Линкс, подойди! — не поворачивая головы, приказала она.

— Слушай, ты когда прекратишь мной командовать?

— Заткнись, Дерек, иди сюда, живо!

Линкс подошел, взглянув на раненого через плечо Саши. Забрало его шлема оставалось закрыто, но и без запаха, по одному виду фиолетовой плоти он понял, насколько серьезно положение незнакомого сержанта.

— Вызывай Рориха! — произнесла Саша, считывая данные с индикационного экранчика. — Нужен шаттл с оборудованием!

Линкс, против обыкновения, не стал спорить. Откровенно говоря, он ощутил сильное недоброе беспокойство, глядя, как на бледных щеках Эйзиз появляются пунцовые пятна румянца.

Одного взгляда на плечо сержанта, его лицо, осунувшееся настолько, что походило на обтянутый кожей череп, и трясущегося Грегора, который что-то втолковывал Андрею, размахивая при этом руками, было достаточно, чтобы ясно представить, что творилось в этом отсеке на протяжении нескольких дней.

— Эй, Саша! — предостерегающе произнес Линкс, поднимая забрало. — Ты не тронешь его! — Он попытался задержать Эйзиз, но она, резко выпрямившись, оттолкнула его в сторону, направляясь к Грегору.

— Ты, трусливый ублюдок!.. — угрожающе прошипела она. — Космодромная крыса…

— Вы что?! — в испуге попятился Грегор. — Эй, она с ума сошла, да?

Ствол импульсной винтовки резко пошел вверх, по короткой дуге, четким, заученным до автоматизма движением. Черный зрачок компенсатора ободрал кожу на подбородке Грегора и остановился прямо напротив переносицы, пригвоздив техника к стене своим холодным пустым взглядом.

— Ты хоть раз за эти дни дал ему глоток воды, подонок? — хрипло спросила Саша. Ее зрачки сузились от клокотавшей в ней ярости, и даже Грегору, который совершенно не знал Эйзиз, вдруг стало очевидно, каким неимоверным усилием воли она удерживает себя от того, чтобы не спустить курок.

Андрей втиснулся между ней и сомлевшим от страха техником.

— Саша, остынь, — спокойно попросил он. — Пусть это останется на его совести.

— Если сержант не выживет, я его убью, — тихо, но твердо произнесла Эйзиз. — Из-за таких трусливых подонков на войне гибли сотни отличных солдат…

— Все, Саша, проехали!.. — Линкс отклонил ствол оружия, который теперь смотрел в грудь Андрея, и добавил: — Эрни на связи. Железная Башка хочет поговорить с тобой.

Эйзиз медленно опустила винтовку.

— Слушаю, Рорих, — произнесла она в коммуникатор. — Как добрался?

— Все окей, — отозвался далекий, стушеванный постоянными помехами голос. — Что там у вас стряслось? Я тут вкалываю, как проклятый…

— Нам нужен шаттл с реанимационным оборудованием. Срочно, Эрни, без всяких там проволочек. Тут у нас тяжелораненый.

— А как ты его сажать будешь?! — взъярился Рорих — Мне бросать «Геракл» на орбите и еще раз спускаться к вам, да?!

Взгляд Эйзиз потемнел.

— Не пори горячку, Рорих. Сейчас решим. — Саша подняла глаза на бледного Грегора. — Ты техник, да?

Тот с готовностью кивнул.

— Эрни, готовь шаттл, — не раздумывая больше, распорядилась она. — Мы переходим в контрольную башню управления космопортом. Будем сажать его на дистанционном управлении с диспетчерской аппаратуры, понял?

— Понял. Мне потребуется полчаса. Вы успеете?

Саша вновь подняла взгляд на Грегора, который слышал их разговор,

обрывки которого долетали до его слуха из коммуникатора, расположенного под шлемом Андрея.

— Я сделаю все, что смогу… — пробормотал он.

— Ты сделаешь больше, чем можешь… — мрачно пообещала ему Саша и добавила, обращаясь к Рориху: — Эрни, мы сообщим тебе, как только будем готовы принять корабль. До связи.

— До связи… — коммуникатор щелкнул и отключился. Линкс вздохнул и вдруг усмехнулся, встряхнув головой, словно разговаривал сам с собой, в мыслях.

«Похоже, командиром „Геракла“ становится Ледышка, — мелькнула в его голове очевидная мысль. — Ну и ладно… Так, может быть, гораздо лучше», — успокоил сам себя Дерек.

* * *

— Неужели на всем Везелвуле больше не осталось никого? — с сомнением произнес Андрей, последним покидая контрольный пост управления. Линкс и Грегор несли сержанта, который, несмотря на сделанные ему инъекции, продолжал бредить.

Саша шла впереди двух мужчин, тащивших на себе импровизированные носилки. Ствол ее импульсной винтовки то и дело поворачивался, обшаривая своим единственным глазом видеосенсора все боковые проходы, мимо которых следовал небольшой отряд.

Этот холодный, поблескивающий в ровном свете потолочных панелей крохотный объектив, соединенный с микропроцессором оружия, не сулил ничего доброго тем, кто попытался бы встать на пути Эйзиз.

Но никто и не думал этого делать. Похоже, что спустя столько времени после случившейся катастрофы это здание опустело окончательно — лишь стойкий отвратительный запах медленно разлагающейся плоти да отметины от выстрелов на стенах остались немыми свидетелями отбушевавших тут несколько суток назад страстей.

Ясно было одно — если кто из обитателей Везелвула выжил в схватках с паникой, космическим холодом и полчищами сорванных с насиженных мест мутантов, то он наверняка покинул это страшное здание.

— Слышишь, я к тебе обращаюсь, — дошел до сознания Грегора повторившийся вопрос. — Мог тут кто-нибудь уцелеть?

— Не знаю… — не то ответил, не то огрызнулся техник.

— Кроме этого города, есть еще поселения? — настаивал Андрей, не обратив внимания на его тон.

— Есть, — односложно ответил Грегор, которому все меньше и

меньше нравились эти люди. После прилива эйфории он, сам того не замечая, погружался в темную пучину депрессии. — В болотах, — сделав еще пару шагов, добавил он. — Несколько зон, где работали заключенные и еще экологи или экзобиологи, сам не знаю… Экспедиции…

Мысли Грегора, который еще не пришел в себя после внезапного появления людей в скафандрах и последовавшей за этим сцены, оказались направлены совсем в иное русло.

Он боялся. Среди раскиданных по аппаратному залу трупов людей и мутантов он не увидел знакомого, синего с фиолетовыми крапинками костюма доктора Фрамера.

Куда мог деваться док?!

Надежда Грегора сменялась холодным отчаянием, потом опять приходила надежда, таяла, начинала клокотать внутри… и все это происходило очень быстро, взбаламучивая и так неуравновешенное сознание космодромного техника.

Теперь он, как и Саша, беспокойно озирался вокруг, страшась каждого бокового ответвления, каждого перекрестка тоннелей, каждой плотно закрытой или, наоборот, настежь распахнутой двери.

Если док выжил, то он мог появиться в любую секунду, и тогда эта шизанутая ведьма точно пристрелит его… — приблизительно такие мысли терзали его на протяжении первых двух-трех минут пути.

Спина Грегора обливалась холодным потом, а в душе росла злоба.

«Я разжег звезду, — упрямо, словно большой, идиотичный ребенок, твердил про себя Грегор. — Меня должны наградить, носить на руках, целовать мне задницу, но никак не орать на меня и угрожать смертью…»

Он чувствовал только то, что с ним обошлись несправедливо.

Вместо лавров ему вдруг досталась порция презрения и хорошая зуботычина. Вместо того чтобы с облегчением вздохнуть и принять заслуженную славу спасителя Везелвула, он вынужден выбиваться из последних сил, таща эти носилки с вонючим, разлагающимся заживо телом.

О том, что разметавшийся в бреду сержант получил страшный удар когтями, прикрывая его отход, Грегор почему-то не вспомнил.

Все эти сумбурные мысли, построенные на эмоциях переутомленного рассудка, выразились в одном — в его душе разрастался страх за свое ближайшее будущее.

Эти люди не имели права…

Ненависть скапливалась, словно мутная вода в сточной канаве после бурного летнего ливня, — ее было много, и прибывала она с каждой

секундой…

— Послушай, Дерек, — хромавший позади отряда Андрей, который, как и Саша, не спускал расслабленных пальцев с гашетки импульсного оружия, немного прибавил шаг, догоняя Линкса, хотя расстояние тут было ни при чем — коммуникатор исправно передавал даже участившееся дыхание Андрея, а не только слова… — Послушай, Дерек, — повторил он, — этот парень говорит, что не посылал SOS!..

— Значит, это сделал кто-то другой, — буркнул Линкс, стараясь не сбиться с ритма шагов. Тело сержанта оказалось на удивление тяжелым.

— Да нет, сомневаюсь… Станция гиперсферной частоты наполовину демонтирована… Я не думаю, что кто-то мог успеть отправить сигнал. Потеря связи с Везелвулом произошла дней шесть-семь назад, а мы приняли сообщение… — он на секунду смолк, в уме подсчитывая разницу во времени, которую получил «Геракл» во время прыжка через гиперсферу.

— Не морочь мне голову… — раздраженно попросил Линкс. — Просто скажи, что ты думаешь. Не нужно тут выстраивать логических цепочек.

— Сигнал шел не отсюда — станция ГЧ передала бы его моментально. А он запоздал на трое суток. Учитывая это, можно сказать, что использовалось очень маломощное, нестандартное оборудование. Чудо, что мы его поймали…

— Ты хочешь сказать, что на Онтарио никто не получал SOS? — Линкс все же споткнулся, сбившись с шага.

— Мне кажется, для них Везелвул просто замолчал. Из-за профилактического ремонта станции… — ответил ему Андрей. — Послушай, — спустя секунду добавил он, обращаясь к погрузившемуся в свои мысли Грегору, — ты не знаешь, кто еще мог отправить сигнал бедствия?

— Понятия не имею, — буркнул Грегор, которого обуревали совсем иные мысли и сомнения. — Может быть, экологи с болот или охрана какой-нибудь отдаленной зоны… — предположил он. — Но у них нет аппаратуры для передачи на гиперсферных частотах, — предупредил он Андрея.

— Нехорошо получается… — Линкс повертел головой. — Саша, ты слышишь, о чем мы тут толкуем?

— Слышу, — раздался в коммуникаторе лаконичный ответ Эйзиз.

— Выходит, что мы не сделали и трети работы, — тем временем продолжал Линкс. — Придется обшаривать болота, там вполне могут оказаться выжившие.

Старый форт, в сорока километрах южнее космопорта

— Подождите, Николай! — хриплый возглас застал фон Риттера уже на пороге, у второго выхода из страшного помещения с выбитым панорамным окном.

В проходе между заиндевевших силовых шкафов стояли Фрамер и Черч. Доктор прерывисто дышал, созерцая жуткую скульптурную группу.

— Я знал его… — наконец, справившись со своими эмоциями, упавшим голосом произнес Гентри. — Я знал его, Николай!.. — потрясенно повторил он.

Фон Риттер остановился.

— Это мой бывший коллега… Экзобиолог… — казалось, Фрамер сейчас потеряет сознание. — Мы когда-то работали вместе, в «Генезисе»… — собравшись с силами, продолжил док. — Потом он пропал, около трех лет назад… Необъяснимо пропал, понимаете?.. — Фрамер даже не заметил того, что вновь начал обращаться к Николаю на «вы».

Фон Риттер видел, как тяжело Гентри. Да и ему было совсем не сладко в этой комнате, где и без слов доктора витал стойкий дух страшной человеческой трагедии.

«Генезис». Это слово начинало ассоциироваться в сознании Николая с чем-то мерзким…

— К сожалению, мы опоздали, док, — тихо произнес он.

Фрамер покачнулся.

— Я пойду… — внезапно сказал он, попятившись в глубь прохода. — Может быть, он оставил тут что-нибудь… Записи… Вещи… — Гентри продолжал пятиться, бессвязно бормоча в коммуникатор: — У него была семья, Николай… Я знал их…

Фон Риттер оглянулся. Ваби ждал его в самом конце длинного коридора.

— Осторожнее, док, — предупредил он Фрамера, поймав умоляющий взгляд карлика. — С тобой останется Черч. Нам с Ваби нужно отлучиться… — объяснил он.

— Хорошо, Николай, не волнуйтесь, — передал коммуникатор. — Я буду тут. Поблизости.

* * *

Промерзший коридор, что начинался за приотворенными дверями старого криогенного зала, как показалось Фрамеру, излучал осязаемый

холод. Или это у него внутри все стыло от увиденных картин?

Доктор в растерянности остановился посреди заваленного обломками пластиковой облицовки прохода.

«Зачем я остался?.. Почему не пошел с Николаем?..» — с запоздалым раскаянием подумал он, но шаги фон Риттера и Ваби уже стихли где-то в противоположном крыле здания и искать их уже было поздно.

Фрамер осмотрелся, заглянув за обломки нескольких дверей, которые оказались выбиты чьими-то мощными, безжалостными ударами. За ними находились обычные, ничем особо не примечательные комнаты, которые когда-то служили кабинетами и офисами. «Очевидно, в те времена, когда этот заброшенный комплекс еще функционировал», — подумал он.

Однако, присмотревшись внимательно к разбросанным повсюду вещам и остаткам безжалостно изломанной мебели, он понял, что ошибся. Люди обитали тут совсем недавно… Все помещения, что он обошел, двигаясь по одной стороне коридора, так или иначе хранили следы недавнего человеческого присутствия, хотя холод в них царил просто жуткий. Некоторые окна оказались выбиты, но и в тех комнатах, где уцелело толстое стекло в прочных пластиковых рамах, стены, пол, потолок, обломки мебели и разбросанные повсюду предметы покрывал толстый слой голубоватого инея.

Постепенно в сознании Фрамера забрезжило понимание истинного положения вещей.

Судя по многочисленным следам в виде обычных, ничем не примечательных на первый взгляд предметов, старый форт облюбовали отнюдь не мутанты — однако на базу одной из постоянно действовавших на Везелвуле экспедиций колониальной администрации это тоже не походило — слишком мало попадалось на его пути приборов и оборудования, да и те, что нашлись среди обломков, мягко говоря, не блистали новизной ни в смысле их состояния, ни в плане технологий…

В конце концов Фрамеру повезло. Открыв одну из примерзших к косяку дверей, он обнаружил за ней более или менее сохранившееся помещение без следов грабежа и взлома.

Очевидно, тут был личный кабинет одного из последних обитателей форта. На старом пластиковом столе стояли монитор и системный блок персонального компьютера, рядом, в специальной стойке были аккуратно расставлены папки с компьютерными распечатками. Угол комнаты занимал штабель пластиковых кофров, из-под крышек которых торчали края упаковочного материала, в какой обычно заворачивают находки при археологических раскопках.

«Да, с техникой у них тут было негусто», — подумал Фрамер, разглядывая старый компьютер, снабженный допотопным монитором. Очевидно, те, кто нашел прибежите в этих стенах, пользовались той техникой, что еще оставалась в форте со времен, когда тут хозяйничали люди Конфедерации солнц, которые, собственно, и начинали осваивать Везелвул несколько веков назад.

Он даже не стал пытаться реанимировать компьютер — в таком холоде это было бесполезно, даже при наличии энергии. Подойдя к столу, он провел рукой по заиндевевшим корешкам папок с распечатками. Из-под осыпавшегося инея проступили четкие тисненые буквы:

«ЖИЗНЬ ВЕЗЕЛВУЛА. ПАРАДОКСЫ РАЗВИТИЯ»

«МУТАЦИИ И НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ»

Рядом с клавиатурой компьютера лежала записная книжка, открытая посередине. Сквозь покрывавший недописанную страницу иней проступали буквы мелкого, похожего на рассыпанный бисер почерка.

Фрамера вдруг охватило беспокойство. Он почувствовал себя крайне скованно и неуютно, словно ненароком влез в чужую жизнь, хотя понимал, что мертвым все равно и его страх попросту иррационален…

Тот старик, которого звали не то Николаем, не то Андреем Ивановичем — сейчас Фрамеру оказалось трудно вспомнить такую подробность, — безо всякого сомнения, был заключенным в одной из зон Везелвула. Наверное, ему удалось бежать, подумал Гентри, непослушными пальцами отдирая от стола примерзший переплет блокнота.

Он понял, что судьба этого человека, едва понятая им по нескольким очевидным фактам, гнетет его, словно она каким-то образом бросала тень на него самого…

Бежать из тюрьмы — для этого требовался изрядный запас мужества, но еще больше воли к жизни должно было понадобиться потом, в этих гиблых болотах. А он не просто выжил, а нашел в себе силы исследовать этот мир, откуда, как он наверняка знал, ему уже никогда не суждено выбраться…

Фрамер чувствовал, что люди такого сорта стоят над ним, словно великаны, на фоне которых доктор казался самому себе просто мелкой, ничтожной букашкой…

«Ну и что?.. — со странной озлобленностью подумал он, пряча блокнот в специальный карман скафандра. — Пусть я не герой, но все еще жив… Хотя много ли от этого толка?»

Шумно вздохнув, он повернулся и вышел в коридор.

Больше всего ему сейчас хотелось, чтобы Николай и Ваби вернулись

побыстрее.

Пройдя до конца коридора. Фрамер сел на верхнюю ступеньку мерзлой лестницы и приготовился ждать…

* * *

«Похоже, отсюда и начинались все поселения Везелвула… — отметил про себя Николай, шагая вслед за Ваби но полутемному коридору старой колониальной тюрьмы. — Очевидно, что форт законсервировали до лучших времен, когда к югу отсюда был возведен космопорт и более комфортабельные, современные офисы, жилые дома, а заодно и более вместительное здание новой колониальной тюрьмы. А может, его бросили и позже, когда начался Эригонский кризис, — подумал Николай. — Интересно, почему они не использовали это место как опорную точку в продвижении вперед? Ведь даже автоматическим почвоукладчикам и прочим очистным машинам, которые преображают биосферу планеты, обязательно нужна база… пусть все это лишь бутафория, прикрывающая какой-то иной, скорее всего незаконный вид деятельности, но даже в этом случае…»

Мысленный экскурс Николая в вероятную историю этой странной во всех отношениях планеты был прерван тем, что коридор внезапно окончился четким квадратом распахнутой двери, за которой посвистывал пронзительный ветер.

Фон Риттер осторожно выглянул.

Ваби, загородивший своей коренастой фигурой половину проема, нервно теребил отполированную от частого употребления рукоять метательного ножа.

Длинный коридор оканчивался смотровой площадкой, чем-то похожей на блистерный купол космического корабля. Очевидно, здесь когда-то располагался пост охраны периметра — с площадки, которую ограничивала погнутая металлическая конструкция с торчащими из нее иззубренными осколками выбитых стекол, открывался панорамный вид сверху на два крыла расходящихся под прямым углом стен и обширную ровную площадь под ними.

Этот ровный участок, ограниченный невысоким, частично обрушившимся бетонным парапетом, простирался на несколько километров и был начисто лишен какой бы то ни было растительности. Присмотревшись, Николай понял, что некогда бетонный поребрик ограждал исполинскую емкость, в которой плескалась болотная жижа, собираемая сюда через систему дренажных труб с огромной площади

прилегающих к форту радиоактивных болот. Об этом бесспорно свидетельствовали несколько полуразрушенных насосных станций, ржавые емкости и обугленные остовы силовых генераторов.

Для чего тут собирали отравленную, ядовитую болотную субстанцию, для Николая оставалось загадкой. Возможно, он смотрел на давно заброшенный комплекс очистных сооружений планеты?

Ваби нетерпеливо дернул его за руку, указывая на что-то, находившееся чуть левее замерзшего бетонного бассейна. Николай посмотрел туда, но взгляд нашел лишь пологий заснеженный холм, по склонам которого, прорезая сугробы, наверняка сейчас бежали ручьи. Он не увидел там ничего, кроме снега, однако необычная, слишком уж правильная с точки зрения природной геометрии форма пологой возвышенности заставила его усомниться…

Николай опустил забрало гермошлема и включил визор, соединенный с микропроцессором скафандра.

Под снежным покрывалом, укутавшим холм, было что-то инородное — он скорее почувствовал, чем увидел это.

Впрочем, заработавшие секунду спустя инфракрасные датчики моментально подтвердили его интуитивное предположение.

Под холодной шапкой спрессованного снега ясно очертился тепловой контур, похожий на плоскую, положенную на ребро рыбу или, лучше сказать, — распластавшегося по земле металлического ската, размеры которого исчислялись десятками метров.

По позвоночнику Николая пробежала короткая возбужденная дрожь.

Это был космический корабль, одна форма которого будоражила его сознание. Сквозь холодные пласты снега инфракрасная оптика угадывала смутные контуры работающих внутри корабля энергетических цепей…

Это уже становилось несмешным. Пальцы фон Риттера непроизвольно впились в пластиковый приклад импульсной винтовки.

Слишком много загадок, противоречий, поразительных открытий, трагедий и смертей, чтобы все это в конечном итоге оказалось просто игрой случая.

Нет, теперь он с уверенностью мог сказать, что наблюдает звенья одной цепи событий, но вот беда — он не понимал их сути…

— Там… — хрипло произнес Ваби, — плохие люди. Пойдем!

Николай позволил карлику пойти вперед. Он уже убедился, что в этих местах Ваби находился в родной стихии и действовал куда разумнее, чем он сам. Недостаток ума у маленького мутанта если и был, то его полностью компенсировала животная сообразительность и недюжинный опыт по

части выживания. Стоило понаблюдать его скупые, экономные движения, заметить постоянную настороженность взгляда и расслабленную готовность всех мускулов, чтобы понять это. Он двигался бесшумно и быстро, словно маленький, но смертельно опасный болотный дух…

Спустившись по гулкой и ржавой металлической лестнице, они очутились у свежего пролома в северной стене форта, как раз напротив холма.

Ваби подошел к стене и остановился около двух небольших пригорков талого снега.

Николай склонился к земле и отгреб рукой снег.

Из-под напитанной водой талой массы вдруг показались гермошлем и плечо.

Нервы у фон Риттера были крепкими. Есть в жизни моменты, когда нужно действовать, и он продолжил отгребать снег.

Два тела, раскинувшиеся в нелепых позах на бетонной плите, которыми было вымощено все внутреннее пространство форта, имели между собой одно неоспоримое сходство — оба были мертвы, и раны, нанесенные точным и сильным ударом ножа, не оставляли сомнения, кто это сделал.

Николай уже заметил, что карлик, несмотря на свой низкий рост, бил исключительно в горло или лицо, причем ни шейные кольца скафандра, ни черепная кость не являлись препятствием для его клинка.

— Это они? — спросил Николай.

Ваби молча кивнул. В его красноватых глазах звериная мука смешивалась с чисто человеческой болью, образуя дьявольский, пугающий коктейль неведомых, непостижимых обычному сознанию чувств…

— Прилетели с неба… — спустя некоторое время пояснил он. — Было холодно. Пришли звери. Все дрались. Они убили… Ваби было плохо. Злые люди.

— Злые… — со вздохом согласился Николай, поражаясь выдержке карлика и одновременно мучительно пытаясь понять, кто они такие, эти люди, чьи промерзшие насквозь тела он только что отрыл из-под снега, и что понадобилось им на Везелвуле в самый разгар катастрофы с солнцем…

Уж не они ли были виновниками случившегося, мелькнула в его голове шальная мысль.

Чтобы ответить на этот вопрос, он должен был как минимум проникнуть вовнутрь корабля. Во-первых, там наверняка крылся ответ на очень многие мучившие его вопросы, а во-вторых, сама судьба дарила ему шанс вырваться отсюда…

— Подожди, — попросил он Ваби, направляясь к пологому, протянувшемуся на добрые сорок или пятьдесят метров холму.

Открыв подсумок скафандра, в котором хранился аварийный запас, он достал пригоршню химических таблеток для экстренной очистки воды; и, определив, в какой части холма должен скрываться главный шлюз космического корабля, щедрыми бросками покрыл россыпью таблеток несколько квадратных метров подтаявшего сугроба.

Эффект не заставил себя ждать. От ноздреватой поверхности внезапно повалил пар, и сугроб начал стремительно оседать, плюясь брызгами и обнажая черную матовую броню скрытого под ним корабля.

Николай с удовлетворением отметил, что не ошибся. Среди клубов пара проступили решетчатые контуры выдвинутого наружу подъемника, который оканчивался компактной площадкой перед овальным люком.

Корабль оказался приземистым, как то и очерчивала форма снежного холма, — его высота от земли не превышала десяти метров. Это скорее походило на прогулочную яхту, чем на серьезный гиперсферный аппарат.

Тем не менее Николая не покидало скверное предчувствие.

Подождав, пока рассеется пар, он, не надеясь на исправную работу автоматики, вскарабкался прямо по решетчатой ферме и присел, внимательно разглядывая нехитрый кнопочный пульт, утопленный в броню возле самого люка.

Под слоем прозрачного пластика ровно светилась панель сенсорной клавиатуры.

Знать бы еще, что вводить, подумал он, набрав для начала стандартный код доступа, каким снабжались все серийные люки, программируемые на заводах-изготовителях. Это был единый галактический стандарт, но владельцы кораблей, не доверяя серийным программам, как правило, всячески видоизменяли его…

На этот раз случай оказался еще более тяжелым. В черной броне корабля рядом с клавиатурой внезапно с шелестом раздвинулась неприметная диафрагма, и оттуда выдвинулся красноватый объектив оптического сканера.

Николая не нужно было предупреждать о последствиях. Он упал навзничь, и шипящий лазерный луч отсек низкие перила предшлюзовой площадки прямо над его головой.

Он резко откатился и полетел вниз.

«В ДОСТУПЕ ОТКАЗАНО, СКАНИРОВАНИЕ ПРОВАЛЕНО».

Это сообщение пришло на его коммуникатор одновременно с ударом о землю.

— Ваби, прячься! За стену!.. — крикнул он, надеясь, что коммуникатор карлика работает и тот услышит его слова.

Перекатившись по талому снегу, он оказался под днищем корабля и прижался к черной, отливающей глянцем броне в мертвой для оптического сканера зоне.

Устройство оказалось совсем нехитрым, но очень эффективным.

Сверху, от площадки подъемника, донесся тихий ноющий звук. Это сервопривод втянул сканер обратно в расположенное за диафрагмой гнездо.

Николай оглянулся, но Ваби нигде не было видно — тот скорее всего нырнул за угол, как раз в том месте, где за проломом в стене лежали трупы двух бывших хозяев этого самого корабля.

Выждав для верности еще несколько секунд, Николай вскочил и, пригибаясь, метнулся в пролом серой стены.

Выстрелов не последовало, и Николай на бегу удивился, сколь жесткой и прямолинейной логикой обладала охраняющая корабль автоматическая система. Это навело его на мысль, что люди, прилетевшие на нем, должны быть очень далеки от технической образованности — от первого знакомства с автоматикой звездолета у него осталось чувство, что он только что пообщался с бесхитростным, но очень сильным дебилом…

За углом его ждал Ваби.

— Сканер? — в глазах карлика был вопрос. Николай опешил. Ваби не переставал удивлять его.

Технический термин прозвучал в его устах, словно гром среди ясного неба.

Николай привалился к стене, откинул забрало и с удивлением взглянул на своего недавнего компаньона.

— Да, — ответил он, доставая сигарету. — А ты откуда знаешь это слово?

— Ваби умный, — широко ухмыльнулся мутант, протягивая Николаю руку. Разжав кулак, он показал зажатый в ладони предмет, похожий на окровавленное голубиное яйцо.

По спине фон Риттера пробежал холодок. На ладони карлика лежал человеческий глаз!..

— Надо согреть, — лаконично произнес он, сжимая пальцы.

Фон Риттер сидел в полной прострации, и сигарета мелко подрагивала в его губах. Потом он медленно оглянулся на трупы.

Забрало на гермошлеме одного из них было отстегнуто и валялось неподалеку.

— Черт возьми, Ваби!.. — хрипло выдавил он, все еще не придя в

себя от пережитого только что потрясения. — Ты вырезал у него глаз?!

— Ваби умный… — упрямо повторил карлик. — Ваби знает, что такое сканер, — он покрутил головой, мучительно пытаясь отыскать взглядом что-нибудь для сравнения. — Склад… — наконец с трудом выговорил он непривычное для своих губ слово. — Ваби ходил с другими, — заявил он. — Другие брали глаз и открывали…

Николай вдруг почувствовал, что истерический смешок застрял где-то в районе глотки. Прикурив, он искоса посмотрел на карлика.

— Значит, ты грабитель складов? — спросил он, выпуская дым.

Маленький мутант энергично кивнул. Очевидно, он счел замечание Николая за похвалу.

Откровенно говоря, Николай не знал, как ему воспринимать все случившееся. Минутная растерянность, вызванная внезапным поступком Ваби, прошла, и сколь ни чудовищно казалось это действо, но фон Риттер вдруг осознал, что так или иначе — но это единственный способ попасть на борт загадочного корабля.

— Пошли… — позвал он Ваби, гася окурок.

* * *

Маленькое солнце Везелвула скользило на фоне крупного шара планеты, словно кровавый сгусток нездорового, тлеющего огня. Поверхность искусственной звезды, неравномерно разогретая внутренним источником термоядерной энергии, была покрыта пятнами, цвет которых постоянно менялся, варьируя от темно-вишневого до пронзительно-алого.

Эрни Рорих, работая в безвоздушном пространстве, то и дело поглядывал на звезду, каждый раз внутренне напрягаясь при виде нездоровой пульсирующей ауры, окружавшей это инженерное сооружение.

Связанный длинным фалом с изуродованной и разгерметизированной кормой «Геракла», он медленно передвигался вдоль уродливого среза, который ему пришлось сделать еще внизу, чтобы отделить поврежденные при посадке грузовые отсеки.

Теперь он занимался терпеливой, монотонной и неблагодарной работой. Облачившись в скафандр, Рорих полз вдоль огрызка докировочного стержня, который торчал из кормы корабля, словно обломанное жало, и выискивал утечки, герметизируя обшивку при помощи вакуумной сварки и специальных заплат.

Делая свою работу, Рорих не ломал голову над тем, что произошло внизу, справедливо считая, что с этим справятся и без него.

Автоматический шаттл нырнул в атмосферу минут десять назад, и

теперь Эрни торопился, наверстывая упущенное при его подготовке время. Скоро на борт прибудет раненый, возможно, найдутся и другие спасшиеся при катастрофе, и тогда у него уже не будет времени на спокойную, кропотливую работу.

Он варил очередной шов, мурлыкая про себя незамысловатый мотивчик, и потому не видел, как в расстрелянной звездами черноте космоса со стороны бездействующей станции Гиперсферной Частоты медленно приближается к Везелвулу темное пятно, которое можно было заметить лишь по тому, как одна за другой гасли заслоняемые им звезды…

Это был боевой крейсер вооруженных сил корпорации «Генезис».

* * *

— Сэр, на связи ГЧ Онтарио!

Капитан Игорь Спаркс взял тонкий обруч коммуникатора и, надев его, отжал сенсор вызова на приборной панели.

Связь через канал Гиперсферной Частоты, генерируемый бортовой аппаратурой крейсера, была четкой и устойчивой. Создавалось обманчивое впечатление, что говорящий находился рядом, буквально в нескольких шагах отсюда, когда на самом деле между абонентами пролегала бездна протяженностью в десятки световых лет.

— Слушаю. На связи крейсер «Громовержец».

Что-то щелкнуло в недрах пульта, и заработал визуальный канал. На мониторе связи возникло пустое кресло, затем экран заслонила тень, и в фокусе видеокамеры появился молодой человек лет двадцати пяти.

Спаркс вздрогнул. Надо же… Вместо оператора межзвездной связи с ним собирался говорить молодой Итем — наследник корпорации, не больше и не меньше.

— Докладывайте, капитан, — хмуро потребовал человек, находящийся в противоположном конце канала Гиперсферной Частоты.

Спаркс хотя и был готов к этому разговору, но все же немного нервничал. Ему было не по себе от того, как один властный жест Роберта Итема возвел его от должности командира истребительного звена до кресла капитана огромного крейсера.

Скосив глаза на тактический монитор, капитан начал докладывать:

— Сэр, сканеры обнаружили один грузовой корабль класса «Элизабет-сигма». Висит на парковочной орбите.

— Что со звездой? — перебил его Итем.

— Техники докладывают, что ее состояние уже перешло за критический предел.

— То есть она не взорвется?

— В обозримом будущем — нет, — заверил его Спаркс. — Но выглядит она ужасно.

— Это хорошо… — неожиданно обрадовался Эрик Итем. — Значит, все внешние признаки внезапного катастрофического сбоя налицо?

— Да, сэр, — подтвердил капитан. — Судя по состоянию атмосферы, там внизу сущий ад. Возможно, что и живых не осталось, — добавил он, кинув беглый взгляд на экран.

— Отлично… — Настроение Эрика Итема улучшалось на глазах. — Вы помните наш разговор, капитан?

— Так точно, сэр! — мгновенно отреагировал Спаркс, чувствуя, как засосало под ложечкой от этих слов. Он стоял на пороге головокружительного, фантастического взлета своей карьеры…

Эрик Итем усмехнулся, глядя, как изменилось лицо капитана. Нужно отдать должное — его отец был лучшим психологом, чем он сам. Эрику, например, никогда бы не пришло в голову взять и сменить командира «Громовержца», кадрового военного, вот на такого Спаркса, на лице которого было написано искреннее стремление задушить своими руками любое количество людей ради той перспективы, что скупо, в нескольких словах, обрисовал ему Роберт Итем.

— В вашем распоряжении двое суток, капитан, — напомнил Эрик. — Зачистка Везелвула должна быть стопроцентной. Надеюсь, рекомендации технического отдела усвоены офицерами корабля?

— Так точно! — подтвердил Спаркс. — Личный состав проинформирован. Планета будет очищена в срок, сэр!

— Хорошо, капитан. Других сеансов связи не будет. Не забывайте, там на поверхности большое количество плутония, так что никаких выходок с тяжелым орбитальным оружием. Все должно выглядеть как естественная катастрофа. Наши специалисты вполне допускают, что при выпадении атмосферы весь персонал мог погибнуть, поддавшись панике и отчаянию. Так что трупы и мелкие разрушения никого не удивят. — Эрик Итем чуть отодвинулся от экрана. — Действуйте, капитан, и помните: корпорация возлагает на вас определенные надежды в будущем.

Экран внезапно моргнул и погас.

* * *

Приближающийся к Везелвулу крейсер так и не включил ни одного опознавательного огня. Вместо навигационных систем на его борту заработали иные, более смертоносные механизмы. Бесшумно распахнулись

вакуумные створы стартовых катапульт, и мощный электромагнитный импульс выплюнул в космос звено космических истребителей.

Включив маршевые двигатели, три машины перестроились, образовав правильный треугольник, и чуть удалились от крейсера, предваряя его неторопливое приближение к орбитам Везелвула.

…Эрни Рорих продолжал работать, мурлыкая под нос все тот же мотивчик.

…Ведущий звена истребителей, лейтенант Джон Говард, поправил коммуникатор и, взглянув сквозь прозрачный триплекс кабины на медленно приближающийся шар планеты, негромко произнес:

— Три-пташка-один, вышел на ударную позицию. Цель зафиксирована. Транспорт класса «Элизабет-сигма». По данным тактического компьютера, ему кто-то отстрелил задницу… Сэр, мне следует проверить наличие на борту экипажа?

— Нет. У нас приказ на стопроцентную зачистку территории, — ответил голос капитана. — Здесь нет выживших, запомни это, Говард. Тут могли остаться только враги, посягнувшие на собственность корпорации. Действуй, лейтенант.

— Понял, сэр, — ответил Джон, большим пальцем правой руки сбросив предохранитель с гашетки бомбометания. — Выхожу на прямую атаки, — сообщил он ведомым. — Держитесь моего курса.

…Под клубящейся пеленой облачности, среди рвущих тяжелые грозовые замки атмосферных вихрей, медленно карабкался ввысь одинокий шаттл. Александра Эйзиз сидела в кресле пилота, а за ней, в темной глубине грузового салона тихо постанывал так и не пришедший в сознание раненый сержант.

Глава 8

Везелвул. Зона высоких околопланетных орбит

Сквозь прозрачный бронеколпак кабины истребителя Джон Говард отлично видел, как приближается, вырастая в размерах, небольшая темная точка, украшенная скупой россыпью навигационных огней.

Это был «Геракл». Джон понятия не имел, что делает тут покореженный старый корабль и кто составляет его экипаж, но он явно оказался тут в неудачное для себя время — это было единственное, что четко осознавал молодой новоиспеченный лейтенант.

При этом он не испытывал никаких угрызений совести. Фрайг его знает, что случилось на Везелвуле, да Джон особо и не хотел вникать в суть проблемы — для него это был лишь серый, заштатный, отравленный мирок, где он должен выполнить простую задачу.

…Первым неладное почувствовал Рорих.

Закончив приваривать заплату, он погасил аппарат вакуумной сварки и огляделся. Скоро должен был показаться шаттл, который вела Ледышка, и он не хотел, чтобы эта колымага припарковалась прямо на его голову.

— Саша, ты где? — негромко спросил он, разглядывая огрызок докировочного стержня, который маячил уродливым обрубком на фоне ярких немигающих звезд.

— Карабкаюсь… — ответил коммуникатор голосом Эйзиз. — Скоро буду.

— Добро. Предупреди, как начнешь маневр сближения. Я тут хочу еще кое-что подправить.

— Ладно, Эрни, не волнуйся. На голову не сяду.

— А я и не волнуюсь, — машинально пожал плечами Рорих. — Просто предупредил…

В этот момент он и увидел черную тень, которая медленно, одну за другой, пожирала звезды…

Он мгновенно сообразил, что может означать эта зловещая темная тень.

В жизни Эрни было столько проблем и приключений, что под металлической пластиной в его голове не сохранилось таких понятий, как «везение» или «случайность». Нет. Он давно забыл о существовании таких терминов. Если ты видишь близкий контур космического корабля, который не желает афишировать свое присутствие на орбите, то это не значит, что

он случайно забыл включить навигационные системы и выйти на связь. Нет… Это означало только одно — проблемы…

— Саша, у нас гости, — негромко произнес он, ныряя в распахнутый люк. — Будь осторожна.

— Что у тебя стряслось?

— Какой-то корабль на высокой орбите, — ответил Эрни, захлопывая внутренний люк. — Без опознавательных огней, — добавил он, бегом направляясь в рубку. — Я попробую связаться с ним, а ты подержись пока в сторонке, ладно?

— Поняла. Не лезь на рожон, Рорих. Просто сообщи им, кто мы такие.

— Не маленький, разберусь… — по своему обыкновению пробурчал он.

Плюхнувшись в центральное кресло за пультом управления ходовой рубки, Эрни не стал снимать скафандр. Благо, на его гермошлеме имелось несколько дополнительных самодельных разъемов, которые соединяли вживленные в его искусственный череп контакты с любым периферийным устройством.

Воткнув себе в гермошлем пару интерфейсов, которые связали его с бортовым компьютером «Геракла», Рорих не медля ни секунды послал в эфир позывные.

— Внимание, неопознанный корабль, говорит транспорт «Геракл», бортовой номер 13КХ4, порт приписки — Онтарио-16. Выполняю запланированный рейс Онтарио — Аллор. Отклонился от курса, получив сигнал бедствия из этой системы. Назовите себя и включите навигационный маяк… Повторяю…

Рорих машинально выговаривал слова, глядя, как ползет по обзорным экранам зловещая черная тень, и жуткий холодок дурного предчувствия крался по его спине.

Судя по обводам, это был боевой крейсер.

— Саша, уходи вниз! — приказал он, прерывая передачу.

— Спятил? Что там у тебя?

— Он не отвечает. Это крейсер среднего класса. Уходи вниз, тебе говорят!

— Рорих, я тебя не брошу! Сейчас я попробую сама связаться с ними!..

— Да не дури ты! — не выдержал Эрни, вырвав из разъемов пульта кабель интерфейса. — У нас с тобой настоящие проблемы, настоящие! — Он выскочил из рубки управления, бегом направляясь к ближайшему, ведущему из корабля шлюзу. — Я выкручусь, Ледышка, уходи!

— Нет!

* * *

— Первый — флагману. У меня появилась вторая цель на радаре. Целевой монитор определил сигнал как грузовой шаттл.

— Продолжать атаку, первый!

— Понял.

Джон выжидал последние секунды. Наконец прицел ярко запульсировал красным. Наводка завершена. Палец лейтенанта Говарда утопил гашетку сбрасывателя.

— Кассета пошла! — доложил он.

— Бери шаттл, — приказал коммуникатор. — Как будешь готов, уничтожь его. Мы начинаем маневр перехода на низкую орбиту. Твое звено прикрывает корабль от атаки.

— Принято, сэр!

* * *

Саша не верила своим глазам. Сказать, что она была потрясена, — значит не сказать ничего…

Глядя на темный силуэт крейсера, медленно плывущий в прицеле оптических умножителей шаттла, она в первый момент онемела, покусывая побелевшие губы.

Потом, впервые за последний год, она почувствовала, что готова попросту разреветься от внезапно переполнивших ее чувств.

Вышедший на орбиту Везелвула крейсер был не кто иной, как «Громовержец» — ее родной корабль, на борту которого лейтенант Эйзиз жила и сражалась долгие пять лет…

— Эрни, не дергайся, мы спасены!

— Ты спятила? — ответил ледяной голос Рориха. — «Геракл» под атакой звена истребителей! — Эрни внезапно умолк, а потом она услышала его крик: — Они убивают меня, Саша!!!

Этот вопль потряс ее до глубины души.

— Рорих!!! — закричала она, зачем-то врубив форсажные сопла шаттла, но было поздно, слишком поздно, — на том месте, где только что висел «Геракл», расцвела ослепительная вспышка.

В глазах Эйзиз помутилось.

Она вдруг оцепенела, словно это видение медленно разлетающихся обломков, пожираемых нещадным огнем, парализовало ее мозг.

Из шока ее вывел сигнал радара, который внезапно взвыл, отмечая

появление прямо по курсу какого-то стремительно сближающегося с шаттлом объекта.

Сердце Саши почти перестало биться, по крайней мере, ей казалось, что это именно так.

Она понимала, что за объект приближается к ее кораблю.

Великий боже, сколько злой и горькой иронии было в этой стремительной атаке.

— Лейтенант Эйзиз вызывает Звено-1, — побелевшими губами произнесла она, машинально переключив передатчик на нужную частоту. Эти цифры, эти позывные были вытравлены в ее душе собственной кровью. — Пташка-один, ответь.

Гробовое молчание эфира вдруг нарушил сдавленный вздох.

— Отвечай, ведущий, мать твою!.. — вдруг хрипло и зло выкрикнула она, именно в этот момент окончательно осознав, что случилось.

Рорих… Он не должен был умереть. Они не имели права его убить!!!

— Лейтенант?! — изумленно и в то же время нерешительно осведомился чей-то давно позабытый голос.

Эйзиз вздрогнула, словно этот звук человеческой речи внезапно вырвал ее из транса.

Она вдруг поняла, что бросила управление шаттлом и несколько секунд провела в абсолютном оцепенении. Щеки Саши были мокрыми от слез…

— Кто это? С кем я говорю? — резко и хрипло спросила она, выключая бесполезно сжигающие топливо форсажные камеры.

— Джон Говард на связи, — ответил коммуникатор. — Эйзиз, я не ослышался? Это действительно ты?

— Я, Джон, я! — голос Саши вдруг сорвался. Она не кричала, нет, скорее от ее слов веяло могильным холодом. Они срывались с ее губ, как тяжелые свинцовые плевки. — Ты только что убил человека, отличного парня, Говард, ты…

В тишину эфира внезапно ворвался другой голос, властный, холодный и раздраженный:

— Что за базар в эфире? — гневно осведомился он. — Я же ясно приказал соблюдать полное молчание! Лейтенант Говард, доложите, почему нарушили приказ?!

— Но, сэр… Очевидно, произошла ошибка…

— Ты ублюдок! Нет никаких ошибок, понял? Есть приказ, офицер! Перед тобой враг! Сбить шаттл и продолжать патрулирование!

— Но, капитан!..

— Я арестую тебя, Говард! Еще слово, и ты будешь расстрелян!

— Капитан!.. — раздался в эфире голос Саши. — Капитан «Громовержца», кто бы ты ни был, ты — подонок! Ваш истребитель только что уничтожил мирный транспортный корабль. Вы не имеете права творить подобное! — Эйзиз не говорила — она выплевывала слова в коммуникатор, словно сгустки спекшейся в горле крови…

— С кем я говорю?

— Это лейтенант Эйзиз. Ледышка. Помните?

— Я не помню никакого лейтенанта Эйзиз, — после секундной паузы ответил Спаркс. Его самообладанию можно было позавидовать, потому что Эрик Итем, который обладал в системе Онтарио безграничной властью, ясно дал понять — одна ошибка, один-единственный срыв, и о капитане Игоре Спарксе можно будет просто забыть…

Он обернулся к своему первому офицеру, который слышал весь короткий обмен фразами и теперь сидел, смертельно побледнев. Заметив, что капитан обернулся к нему, офицер в рубке управления крейсером склонился к уху командира и что-то быстро доложил ему.

— Прекратите атаку, капитан! — не выдержала Саша. Она испытывала в эти секунды такую боль, какая и не снилась ей раньше ни в одном из ночных кошмаров. — Вы атаковали спасательный корабль, который пришел на сигнал бедствия! У вас нет причин для этого, слышите?! — в полном отчаянии выкрикнула Саша, чувствуя, как болезненный холод продолжает ползти по грудной клетке, перекрывая дыхание. — Вы что, совсем свихнулись там?!

— Можешь хамить, Эйзиз, сколько тебе влезет, — ответил ей коммуникатор. Теперь голос незнакомого капитана уже дрожал от ярости. — Мне доложили о тебе, — произнес он с секундной заминкой. — Не знаю, откуда ты тут взялась, но запомни — ты уже давно труп. Твоего имени нет в списках экипажа, и можешь проваливать ко всем Шиистам космоса!.. У меня приказ на полную зачистку системы Везелвула. Джон Говард, приказываю продолжить атаку!

Лейтенант Говард сидел в темной, подсвеченной мягким сиянием приборных панелей кабине.

В душе молодого офицера царил ад.

— Ну?!

Этот голос, ворвавшийся в мозг из наушников коммуникатора, рвал его на части.

Все происходило слишком быстро. Слишком…

Неожиданно для себя он судорожно вздохнул.

Черная тень «Громовержца» наваливалась сзади, и он уже видел, как его, с сорванными погонами, волокут в тесный отсек штрафного изолятора.

«Зачем она воскресла из мертвых…» — с отчаянием и досадой подумал он. Руки Джона легли на панель управления. Он знал — еще несколько секунд промедления, и пути назад у него уже не будет…

Он не мог сделать этого. Не мог. Он хотел подарить ей жизнь, но не мог!!!

Истребитель вздрогнул всем корпусом, вобрав первый импульс ускорения, и, сорвавшись с места, начал стремительно разгоняться.

Пульсирующие нити электронного прицела плыли перед глазами Джона, но он упрямо совмещал их, ловя в перекрестье приближающийся, растущий в размерах силуэт шаттла, и чем ровнее сходились электронные паутинки, тем тверже становилось его решение.

Он все делал правильно. У него был приказ…

Палец Джона привычным движением сдавил сенсор.

Автоматическая вакуумная турель заработала, отдаваясь внутри истребителя гулким вибрирующим звуком.

Тонко взвыл мотор эскалатора, меняющего расстрелянный боекомплект.

От борта шаттла отлетел большой кусок брони, там что-то сверкнуло, но, вопреки ожиданиям, он не увидел ни взрыва, ни атмосферного выхлопа, который бы свидетельствовал о разгерметизации…

Черт… Все-таки у него дрогнула рука. Промахнулся.

Говард резко потянул рули, разворачивая истребитель для повторной атаки.

Джон Говард не промахнулся.

Просто он забыл, с кем имеет дело. Транспортный шаттл был полностью безоружен, но управлял им отнюдь не дилетант. Спроси у Саши, сколько она провела воздушных и космических боев, и Эйзиз затруднилась бы ответить на этот простой вопрос.

И тем не менее, уклонившись от гибельной очереди вакуумных орудий, она безо всяких эмоций подумала, что шансов у нее нет. Никаких.

Злая судьба сыграла с ней последнюю шутку.

Что ж…

— Линкс, Андрей… — позвала она, переключив коммуникационный канал на приемную частоту Везелвула. — Если вы слышите меня, то убирайтесь из космопорта. Рорих погиб… «Геракл» взорван. На орбите присланный для зачистки крейсер корпорации… Мы списаны… — Саша отрывисто произносила слова, давясь подкатившими к горлу рыданиями.

Она ничего не понимала, кроме того, что Рорих погиб, а они приговорены. — Линкс, я сделаю его, а ты докопайся, приказываю тебе… Узнай, чего эти подонки так боятся… Узнай, за что нас убили, слышишь, Линкс?!

Ее крик застыл в эфире ледяным комом.

Это были страшные секунды. В такие моменты жизнь человека начинает оцениваться совершенно по-другому, в свете каких-то иных, не постижимых в обычных обстоятельствах моральных ценностей…

Не желая, чтоб ей ответили, Саша отключила канал.

Темная тень крейсера медленно заслоняла звездные небеса над крохотным шаттлом.

Истребитель Говарда уже развернулся для повторной атаки.

Пижон… Ты всегда был пижоном, Говард…

Саша потянула рули, и транспортный челнок преданно отреагировал на это движение.

«Жаль сержанта, — внезапно подумала она. — Даже не узнает, что погиб в космосе».

Губы Эйзиз исказила усмешка. Ну давай, лейтенант, покажи, какой ты спец…

Она точно знала, что вакуумная турель истребителя еще не успела перезарядиться. Говард слишком торопился выполнить приказ…

Он действительно поторопился.

Джон нервничал. Пот катился по его спине. Он недоумевал — почему в такие моменты время застывает, меняя свой темп?! Почему так медленно и надсадно воет оружейный эскалатор, поднимая новый боекомплект?!

Перекрестье прицела пульсировало красным, и он не выдержал.

Он сделал то, на что уповала Саша, с убийственной точностью предугадавшая действия Говарда. Он машинально, не задумываясь, выстрелил ракетами, потому что у него больше не было сил смотреть на запутавшийся в паутине прицела беззащитный шаттл…

Эйзиз видела вспышку пусковых установок истребителя. Она не вздрогнула и лишь плавно повернула рули, выводя шаттл в пологую петлю.

Дурак…

Компьютеры боеголовок категорически отказались наводиться на маленький кораблик. Их сенсоры попросту не «видели» крохотный шаттл, который летел почти впритирку с темным корпусом «Громовержца». Его сигнал потонул в гравитационном поле крейсера.

Потеряв цель, ракеты полетели по прямой, с короткой дистанции впившись в борт крейсера и покрыв его густой шапкой разрывов.

— Сука… — взвыл Говард. Он сорвал коммуникатор, чтобы не слышать, как орет новый командир «Громовержца». Его собственные ракеты угодили в крейсер… Дерьмо Шииста!..

На оружейной панели вспыхнула строчка зеленых индикаторов. Орудия перезарядились.

Он кинул взгляд на радар. Шаттл развернулся и стремительно приближался к огромному кораблю.

«Она идет на таран!» — полыхнуло в мозгу лейтенанта запоздалое озарение.

Эйзиз действительно шла на таран.

Ее мертвенно-бледное лицо не отражало никаких чувств. Саша окаменела, сжав рули шаттла. Этот ублюдок был прав — лейтенант Эйзиз умерла, ее нет больше в списках живых…

Это была та самая дорога в ад, на которой ей предложил встретиться незнакомый капитан.

Курс шаттла вел к безобразной пробоине, которую прогрызли в борту крейсера предназначавшиеся ей ракеты.

* * *

Эрни Рорих очнулся от тошнотворного ощущения невесомости собственного тела.

Последнее, что сохранило в себе его оглушенное сознание, — это распахнутый шлюзовой люк «Геракла» и мгновенное чувство безысходности, которое он испытал, прыгая в необъятную, исколотую звездами бездну.

— Саша!.. — хрипло позвал он, еще не соображая, где находится. Оглянувшись, он увидел сквозь муть запотевшего от дыхания забрала, как плывут вокруг него обломки брони, покореженные секции и различный мусор…

Это было все, что осталось от их корабля…

* * *

— Саша…

Этот голос, резанувший по натянутым нервам за несколько секунд до смерти, едва не лишил ее сознания. Эйзиз чувствовала, что сейчас сойдет с ума…

— Эрни?! — закричала она. — Ты жив?!

— Саша, вытащи меня, ради всех дьяволов Элио! — впервые она слышала в голосе Рориха что-то схожее с понятием «паника». — У меня

что-то с системой жизнеобеспечения скафандра!

Решение пришло мгновенно.

— Держись, Рорих, я иду к тебе! — Она резко вывернула рули, едва не потеряв сознание от навалившейся перегрузки. Шаттл чуть-чуть не достал до рваной, развороченной брони «Громовержца» и лег на обратный курс.

Это спонтанное решение было гибельным.

Навстречу маленькому челноку стремительно несся истребитель Говарда, и отворачивать уже было поздно… Саша ощутила, как он сейчас нажимает гашетку со злобной усмешкой на искривившихся губах…

Все произошло в считанные мгновения.

Истребитель Джона Говарда внезапно дернулся, словно налетел на невидимую преграду, и начал разваливаться на две неравные части, разрезанный очередью бронебойных снарядов…

Эйзиз не верила этому. Она думала, что бредит, пока не заговорил ее коммуникатор:

— Командир, это Лайза… Держись, я прикрою тебя! Уходи к планете!

Саша бросила молниеносный взгляд на боковые мониторы.

Она узнала эту машину с мордой скарма на лобовом скате брони.

Истребитель Лайзы Бертецци выходил из пике, круто забирая вправо от крейсера.

* * *

С момента, как был атакован «Геракл», прошло не больше четырех минут.

Эрни, широко раскинув руки, висел меж обломков транспортного корабля. На плечах его скафандра мерно вспыхивали две ослепительные искры проблесковых маяков.

Он воевал не меньше, чем Саша, и слишком хорошо понимал, сколь ничтожен дарованный им судьбой лимит времени.

Крейсер не мог сравниться в маневренности с космическими истребителями и транспортным челноком. Поврежденный попаданием ракет космический монстр разворачивался гораздо медленнее, но его движение было неумолимо.

Рорих видел, как в двух местах броня крейсера раскололась, расходясь остроугольными сегментами. Еще секунда — и оттуда начали выдвигаться покатые башни орудийно-ракетных комплексов.

Шаттл Эйзиз навис над Эрни, и выдвинутая грузовая стрела, от которой к Рориху тянулся фал, казалась ему указующим перстом судьбы.

— Все. Саша, я зацепился!.. — прохрипел он, содрогаясь от холода,

что уже проник под герметичные оболочки скафандра, в котором отказала система терморегуляции.

— Шевелись, Рорих!

— Я готов. Поднимай!

Фал начал сматываться, поднимая тело в скафандре в темный зев грузового шлюза.

…Орудийные комплексы «Громовержца» заработали в тот момент, когда люки захлопнулись и шаттл Эйзиз начал набирать ускорение.

— Лайза, держись моего курса! И будь осторожна, внизу ветер.

— Поняла, командир, не волнуйся, — голос Бертецци был спокоен. — Я возьму пра…

Ее фразу оборвал оглушительный треск.

Саша обернулась лишь затем, чтобы увидеть, как взрывается горбоносый космический истребитель.

Предсмертный крик Лайзы страшным эхом отдался в ее голове, словно гулкий, горячечный набат…

…Когда Рорих, пошатываясь, ввалился в кабину, он увидел, что Эйзиз, неподвижная и бледная, словно мраморное изваяние, сидит в кресле.

Ее здоровая рука была сжата в кулак, а кибернетический протез впился в панель пульта, проломив пластик.

Неуправляемый шаттл рушился в атмосферу.

Ни слова не говоря, Рорих прыгнул в кресло второго пилота и схватил рули.

На орбите Везелвула остались лишь рассеивающиеся в пространстве обломки да зловещая тень крейсера, вышедшего на первый виток вокруг планеты.

Глава 9

Район старой колониальной тюрьмы Везелвула. Борт неизвестного космического корабля

— Ваби, не высовывайся!.. — приказал Николай, наблюдая, как выдвигается из-за раскрывшейся диафрагмы красноватое око сканера.

Карлик, прижавшийся к броне корабля под самой клетью подъемника, энергично кивнул.

Сканер с легким жужжанием развернулся к фон Риттеру.

Николай поднял руку и приложил согретый теплом ладони, подтаявший глаз к окошку сканирующего устройства.

На индикационной панели возле люка весело мигнул зеленый огонек. Склонившись к клавиатуре, Николай быстро набрал стандартный код доступа и рядом, через интервал, — цифру два.

Люк с шипением дрогнул и начал отодвигаться.

— Ваби, давай, живо! — Николай покосился на сканер, который не спешил убираться в свое гнездо. — Нас пропускают!

Карлик действительно был сообразительным. Похоже, что с определенного момента он начал воспринимать фон Рихтера пусть не как старшего, но, по крайней мере, как равного себе. И если среди болот Николай позволял Ваби прокладывать тропу и вести отряд, то тут получилось наоборот — маленький мутант совершенно естественно, безо всякого напряжения вдруг стал подчиненным, интуитивно доверившись опыту Николая.

Такое, основанное на доверии сотрудничество могло оказаться очень плодотворным, но в данный момент фон Риттер был занят совершенно иными мыслями. Дождавшись, пока Ваби вскарабкается на площадку, он шагнул в открывшийся проем шлюзовой камеры, гадая, сколько еще сканирующих систем ждет их внутри корабля и как надолго хватит их страшного пропуска, зажатого во вспотевшей ладони, с которой ему пришлось снять перчатку скафандра.

За внутренним люком не оказалось никаких сканирующих систем — там простирался широкий, отделанный шикарными панелями, ярко освещенный коридор. В обе стороны от него отходили короткие ответвления, оканчивающиеся совсем не утилитарными, а наоборот, очень изящно исполненными дверями.

«Точно, что ли, прогулочная яхта?» — подумал Николай, застыв в

напряженной позе на пороге внутреннего люка.

Впечатление от интерьеров корабля складывалось именно такое, но фон Риттер не спешил с выводами. Шикарный коридор и богатая отделка еще ничего не значили сами по себе. Гораздо важнее было то, какие системы крылись под черной покатой броней корабля, чей хищный, приплюснутый контур никак не наводил на ассоциации с богатыми бездельниками, совершающими увеселительные прогулки по таким местам, как Везелвул

Николай сделал осторожный шаг вперед, прижался к стене и резко обернулся, просматривая короткие боковые проходы.

Импульсную винтовку он отдал Ваби, который принял тяжелое оружие с глухим ворчанием и, секунду подержав в руках, демонстративно закинул за спину. Карлик явно не уважал продукты высоких технологий.

Николай не возражал. Два коротких метательных ножа были гораздо более смертоносны и эффективны в условиях корабельных отсеков и переходов. Сам он вооружился автоматическим пистолетом, подобранным около одного из трупов.

— Пошли, — негромко приказал он.

Главный шлюз корабля, через который они попали на борт, располагался в корме, точно посередине между двух выступающих в стороны «крыльев» бронированного ската. Коридор, протянувшийся метров на двадцать, вел от кормы к носу, где, по логике вещей, должна была находиться рубка управления.

Гробовую тишину, царящую на борту странного корабля, нарушали лишь тихий шелест регенераторов воздуха да дыхание Николая и Ваби.

Они не стали рисковать и пробовать проникнуть в боковые отсеки. Вместо этого фон Риттер, отбросив сомнения, пошел вперед, туда, где коридор оканчивался большими двустворчатыми дверями.

При его приближении сработал фотоэлемент, и они услужливо разъехались в стороны.

Николай остановился как вкопанный. За дверями, несомненно, был центральный пост. Это определил бы даже ребенок, взглянув на многоярусные приборные консоли, два комфортных противоперегрузочных кресла и трехметровый обзорный экран, занимавший всю переднюю стену и часть потолка над креслами.

На окантовке дверей и прилегающем к ней участке стен он не нашел ничего подозрительного, что напоминало бы еще одну замаскированную сканирующую систему или закрытый оружейный порт. Обычная отделка, ничем не примечательная, кроме своей кричащей, вызывающей роскоши.

«Вот черт… Неужели все будет так просто?»

Николай чувствовал бы себя гораздо увереннее, попадись ему на входе в рубку еще хотя бы парочка сканеров, а так все выглядело просто до глупости, и эту самую глупость ему было очень трудно объяснить, основываясь на своем личном опыте. Царящая вокруг тишина, автоматически раздвигающиеся двери — все это отнюдь не успокаивало.

И все же он не видел причин для топтания на месте.

Приказав Ваби подождать, Николай решительно шагнул в святая святых космического корабля.

Тишина била по натянутым нервам хуже, чем внезапное завывание сирен или щелчки открывающихся оружейных портов.

Тишина, которая могла означать все, что угодно…

Николай коротким рывком преодолел несколько метров, отделявших его от высокой спинки одного из кресел, и присел под его прикрытием, вскинув автоматический пистолет.

Ничего. Лишь ровный свет потолочных панелей да тихий шелест регенераторов. От кресла еще исходил явственный, не успевший выветриться запах искусственной кожи.

Корабль был новеньким, только что сошедшим с конвейера.

Фон Риттер встал и, обойдя кресло, сел в него.

Ваби наблюдал за ним из-за раздвинутых дверей, изредка оборачиваясь, чтобы бросить настороженный взгляд в глубины коридора, откуда они только что пришли.

Как только сенсоры, встроенные под мягкую обивку кресла, восприняли вес человеческого тела, все вокруг мгновенно изменилось.

Мягко осветились приборные панели; расположенный прямо перед Николаем монитор вдруг выкинул на экран столбики цифр тестовой проверки, и вкрадчивый голос внезапно зазвучал в ходовой рубке космического корабля:

— «Добро пожаловать на борт, сэр. Вами активирована система бортовых компьютеров. Сейчас корабль полностью готов к работе. Мы рады сообщить вам, что новая серийная модель индивидуального космического корабля класса „Нова“ — это надежная, высококомфортная машина, созданная по уникальному проекту. Всю дополнительную информацию по покупке, а также полные реквизиты завода-изготовителя вы можете получить, обратившись непосредственно к бортовому компьютеру. Если вы не хотите, чтобы данное сообщение прослушивалось при каждой активации системы, то снимите соответствующий флажок в меню общих настроек системы. Приятного вам полета, сэр… Наша

про…» — скрытый динамик внутренней аудиосистемы вдруг захрипел и смолк, издав странный высокочастотный свист.

Николая прошиб холодный пот. Все-таки влипли… Он резко обернулся, вскинув автоматический пистолет, и застыл, не в состоянии адекватно отреагировать на картину за своей спиной.

В помещении главного поста повисла звенящая тишина, которую теперь нарушало прерывистое дыхание двух человек и сдавленное попискивание заработавших индикаторов бортовых систем.

— Ваби!.. — укоризненно произнес фон Риттер, проследив за напряженным взглядом вытаращенных глаз карлика.

Метательный нож в его левой руке был изготовлен к броску. Правая рука нашаривала на поясе новый клинок, а тот, который он только что в ней держал, торчал в пяти метрах от Николая под самым потолком рубки.

Сеточка встроенного в потолочную панель динамика была пробита точно посередине, и из нее высовывалась лишь гладкая от частого применения рукоять ножа.

Ни слова не говоря, фон Риттер присел на корточки, чувствуя, как от перенапряжения ломит грудь, а по спине сбегают предательские капельки ледяного пота.

Внезапно из его горла вырвался хриплый сдавленный звук, который с большой натяжкой можно было признать за смех.

Ваби недоуменно посмотрел на него, но все же опустил нож, не понимая, сошел ли фон Риттер с ума или он таким образом выражает свое одобрение его молниеносным броском, а Николай, закрыв глаза, медленно приходил в себя.

Он знал, что это такое, и не боялся собственного состояния, которое по внешним симптомам можно было легко принять за истерику. Нет. Это была не истерика — это было внезапное осознание победы… Просто выходка Ваби порвала тонкую нить перенапряженных нервов.

Они были спасены… И он, и Ваби, и док с Черчем…

Стоило вспомнить, сколько он пережил за последние сорок восемь часов, с того момента, как вторично очнулся, уже не в криогенной камере тюрьмы, а в пустынном зале заваленного трупами космопорта, чтобы понять его теперешнее состояние. Все кончилось… кончилось каким-то сказочным, невероятным везением.

— Ваби, мы улетим отсюда… понимаешь? — открыв глаза, хрипло произнес Николай. — Нет, ты не понимаешь… — Он встал и оперся на противоперегрузочное кресло. — Я покажу тебе такие места, что не снились ни в каких снах… Мы все будем жить… — Николай задержал

взгляд на карлике, который, не понимая смысла его нервного срыва, просто недоумевал. — Только не метай больше ножи, ладно? — попросил его фон Риттер, садясь в кресло. Разжав потную ладонь, он положил ее страшное содержимое на оказавшийся привинченным к полу недалеко от пульта низенький столик и, вытерев пальцы, коснулся сенсорной клавиатуры.

* * *

Минут через десять карлику надоело смотреть, как мечутся по приборным консолям хороводы цветных огоньков. Подойдя к Николаю, который сосредоточенно работал с бортовым компьютером таинственного корабля, он бесцеремонно дернул его за рукав скафандра:

— Идти! — лаконично заявил он. — Черч!

— Не волнуйся, — не оборачиваясь, успокоил его фон Риттер, — они с доком в безопасности.

— Идти! — упрямо повторил Ваби.

— Погоди… — Николай повернулся. — Мне нужно еще очень много сделать, иначе мы не сможем ничего узнать и улететь отсюда.

— Потом. Придем опять, — насупился карлик.

— Нет… — покачал головой Николай, взглядом указав на подтаявший окровавленный глаз. — Твой ключ больше не годится, Ваби. Он уже испортился. Поверь мне. Просто поверь. Нужно узнать, кто эти люди, зачем они сюда прилетели, и перепрограммировать некоторые системы. Это займет немного времени, а потом мы сходим за доком и Черчем.

Неизвестно, дошел ли до Ваби весь смысл сказанного, но рукав фон Риттера он отпустил.

Насупившись, Ваби занял свой наблюдательный пост возле раздвижных дверей.

Николай откинулся в кресле, машинально прикурив сигарету.

Перед ним на мониторе наконец открылась папка бортового журнала. Никаких особых паролей для этого не потребовалось. Программы, установленные в бортовой компьютер, были новенькими, как и сам корабль. Другого объяснения Николай попросту не видел.

Нельзя сказать, чтобы он не нервничал, запуская первый файл бортового журнала.

Предчувствие не обмануло его. Стандартная конфигурация программного обеспечения предусматривала, что компьютер корабля ведет полную аудио- и видеозапись в рубке управления и еще нескольких жизненно важных отсеках. Обычно на частных кораблях владельцы отключали данную опцию, не желая, чтобы компьютер фиксировал

подробности их жизни на борту, занося в бортовой журнал только то, что сами считали нужным.

Но в данном случае работала программа, которая еще хранила нетронутые заводские настройки…

Щелчок…

Первый же кадр видеозаписи заставил Николая податься к экрану.

Кто-то стоял на пороге ходовой рубки. Впечатанная в кадр дата указывала, что события происходили всего десять дней назад.

— Хелло, Майкл! — чья-то тень мелькнула на срезе экрана, и спустя несколько секунд в фокус установленной под потолком рубки видеокамеры попал человек лет тридцати — тридцати пяти. Он остановился сразу за раздвижными дверями, прижимая к уху трубку мобильного коммуникатора. Очевидно, что тот, кого назвали Майклом, что-то говорил ему.

— Ну-ну… — незнакомец, лицо которого со всей очевидностью принадлежало тому самому заснеженному трупу, чей глаз послужил Николаю и Ваби пропуском на борт корабля, пошарил по карманам, продолжая слушать собеседника, машинально кивая головой, — Ну, это ты загнул, конечно… — вдруг произнес он, — ну в общем-то да, тачка классная!.. — он нашел наконец сигареты и, не отнимая трубки, одной рукой ловко прикурил, выпустив изо рта сизую струйку дыма. При этом его губы как-то нехорошо искривились.

— Кончай базарить, лучше двигай ко мне, — внезапно произнес он. — Есть дело. Нет. Так сказать не могу. — Он сел в то самое кресло, которое в данный момент занимал фон Риттер, и огляделся, явно в поисках пепельницы.

Николая передернуло.

В этом человеке было что-то отвратительное. Возможно, здесь сыграло свою роль предвзятое мнение Николая обо всех подобных личностях — не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, каким образом этот человек добывает свой хлеб насущный. Есть определенная категория людей, чьи повадки мало меняются со временем. Родившись на разных планетах, они почему-то всегда ведут себя одинаково…

Он сидел на самом краю кресла, широко расставив ноги и чуть склонившись вперед, словно ему нужен был дополнительный упор. Трубка мобильника прижата к самому рту, на лице выражение вальяжности, нагловатой усталости от жизни. Пепел от его сигареты в конце концов упал на пол.

— Ну, все, жду тебя! — категорично ответил он, выслушав очередную тираду собеседника. — Пятый терминал сорокового посадочного сектора.

Что? Нет, шлюх не надо. Приезжай сам. Ага… До скорого…

Он опустил руку с мобильным устройством связи и несколько секунд сидел не меняя позы, очевидно, о чем-то размышляя. Наконец, когда догоревшая сигарета обожгла ему пальцы, на которых красовалось несколько массивных перстней, он вздрогнул, невнятно выругавшись. Загасив окурок в обнаруженной наконец на низком столике пепельнице, он встал и, не оглядываясь, вышел из рубки.

Щелк…

Следующий фрагмент видеозаписи имел ту же самую дату.

Тот, кого называли Майклом, оказался представителем негроидной ветви человечества. Николай поразился тому, сколь сильно изменила этого человека смерть. За заснеженным забралом второго трупа он видел именно это лицо, но оно показалось ему скорее пепельно-серым.

— Слушай, Шер, а ты классно устроился! — в голосе Майкла прозвучало неподдельное восхищение. — Что, настоящая «Нова», да? Как у Папы? Под Старика косишь? — ехидно поддел он хозяина корабля, который с безразличным видом наполнял приготовленные бокалы.

— Не передергивай, Майкл, потом из-за тебя будут неприятности. — Шер повернулся. — Тачка как тачка. Надежная, но пока безо всяких там наворотов. До Папы мне далеко, сам понимаешь. И нечего трезвонить на каждом углу, понял?

— Заметано… — Майкл уселся во второе кресло, загнув свою правую ногу так, что лакированный туфель угнездился на колене левой ноги. Откинувшись в такой позе в мягкие объятия сенсорного кресла, он с наслаждением прикрыл глаза, изобразив блаженную улыбку.

— Сегодня празднуем, да? — осведомился он.

— Нет. Я же сказал тебе — есть дело.

— Ну так выкладывай… Или, может, сначала дашь потащиться?

— Кончай юродствовать, Майкл…

— Ну все… все!.. — развел руками негр, который произвел на фон Риттера впечатление эдакого живчика. — Я слушаю.

Хозяин корабля некоторое время молчал, цедя из бокала искрящуюся в свете потолочных панелей, красноватую жидкость.

— Есть возможность сорвать куш и отвалить, — наконец негромко произнес он, испытующе посмотрев на собеседника.

— Конкретно? — внезапно насупившись, переспросил Майкл, с которого, как только речь зашла о деле, мгновенно слетели все ужимки.

— Конкретнее некуда. Ты помнишь недавнюю свару на Омнабиусе?

— Ну? — Очевидно, у Майкла с теми событиями были связаны не

очень приятные воспоминания, так как его губы исказила злая ухмылка.

— Ты в курсе, за что Итемы прижали ребят из «Индосистемз»?

— Не мое дело… — стараясь говорить как можно безразличнее, торопливо произнес Майкл.

Такая реакция явно не устроила его собеседника. Тот, кого называли Шер, чуть привстал, приблизив таким образом свои губы к уху Майкла, и отчетливо произнес:

— Сетроний…

Темное лицо Майкла внезапно посерело, словно от головы отхлынула вся кровь.

— Наркота?! — машинально переспросил он.

— Вот именно. — Шер подался назад, в кресло. — Папа, оказывается, хитрее, чем это вообще можно представить. Ведь никто не знает, где добывается эта дрянь, верно?

— Еще бы!

— Так вот, ребята из «Индосистемз» узнали. И наладили ее маленькую утечку в свой карман. За это Итемы их и попалили.

Кровь никак не хотела возвращаться к посеревшим щекам Майкла. Очевидно, он очень ясно представлял себе, о чем идет речь, и откровенно боялся говорить на данную тему.

— А «Генезис» тут при чем, Шер? — наконец, немного справившись с собой, спросил он. — Они-то какое отношение имеют к сетронию?

— Прямое, — ухмыльнулся хозяин корабля, наслаждаясь произведенным впечатлением. — «Генезис» его и добывает. А потом производит небезызвестный ДЗЕТ.

Лицо Майкла вдруг посерело еще больше и прямо на глазах стало одутловатым. Окончательно забыв про свое недавнее веселье, он скинул ногу с колена и, чуть привстав, вдруг отчетливо произнес:

— Шер, ты понимаешь, что сейчас сказал, а?! Если это правда, то за то, что я это слышал, меня замочат, как вшивого мутанта, даже не поморщившись!

— Это правда, — с леденящим душу спокойствием подтвердил Шер. — Сядь, Майкл, я еще не все сказал.

— Лучше б ты вообще молчал, — одними губами произнес Майкл, тем не менее послушно откинувшись в кресле. По выражению его лица было понятно, что он все еще переваривает ошеломляющую новость.

— Вот дерьмо, а?! — вырвалось у него.

Не обращая внимания на его прострацию, Шер, вновь наполнив бокалы, сел в кресло.

— Слушай, Майкл, ты же не хочешь опять пойти на улицу, чтобы сшибать лампочки случайным прохожим в темных переходах, а? Ты вспомни, как мы с тобой начинали. Может, хватит нам шестерить на других? Тебе не надоел мелкий рэкет на побегушках у Папы?

Майкл безнадежно кивнул, свесив голову и не глядя на стоящий рядом бокал.

— Все так, Шер, но ты замахивайся-то полегче, — неожиданно взмолился он каким-то противным, бесцветным голосом. — Зачем дразнить крупных боссов, а?

— Никто их не собирается дразнить. Слушай сюда, Майкл, дело верное. — Шер подался вперед. В этот момент видеокамера фиксировала не того вальяжного, преуспевающего бизнесмена, а самого обыкновенного уголовника, который действительно начинал свою карьеру, раздевая случайных прохожих и насилуя пьяных малолеток в дешевом флайере за городом.

— Ты знаешь, что такое Везелвул? — многозначительно спросил он.

— Ну, слышал. Какая-то помойка под пятой у «Генезиса», — с вялой заинтересованностью ответил Майкл. — Они вроде там что-то расчищают для колонизации, верно?

— Забудь про это. Никто там не думает ничего расчищать. Там добывают чистейший сетроний, и, как я понял, больше такого нет нигде.

— Тебе-то почем знать? — не поверил Майкл.

— Папа с сыном проговорились, — хохотнул Шер, показав ряд ослепительно-белых зубов. — Вернее, они говорили между собой, а я случайно подслушал. Никто об этом не знает, но наш Старик затеял крупную игру.

— Узнал об утечке сетрония? — одними губами выдавил Майкл.

— Да нет, об этом он не догадывается, — ответил Шер, порывисто встав. — Он думает, что парни из «Индосистемз» производили его в лабораториях. А они брали его прямо на Везелвуле у одного эколога из экспедиции колониальной администрации. Тот просек бизнес «Генезиса» и отвел в сторону маленький ручеек для собственных нужд. Сечешь?

— Нет, — откровенно признал Майкл. — Откуда ты все это знаешь?

— Я же был на Омнабиусе во время свары, ты что забыл?

— Ну и что?

— Да случайно все это открылось. Когда брали штурмом здание их офиса, в подвале прижал одного парня, а он вдруг раскололся и сдал мне всю подноготную. Думал, что отвертится от пули, придурок.

— Все равно темно…

— Сейчас объясню, — успокоил его Шер, продолжая расхаживать взад-вперед по рубке управления. Очевидно, что чем дальше заходил разговор, тем сильнее он возбуждался от собственных слов. Решение, созревшее в голове этого человека, крепло с каждой секундой, с каждым сказанным им словом.

— Кто-то накапал в колониальную администрацию про Везелвул. Скорее всего те, кто остался после разгрома «Индосистемз», — телохранитель и доверенное лицо Эрика Итема рассуждал вслух, уже больше разговаривая сам с собой, нежели с Майклом. — И теперь на Везелвул летит комиссия по внешним поселениям. Ни Старик, ни Эрик не подозревают, что их природный источник сетрония уже засвечен. Они думают, что никто ничего не знает, хотя маскировка шита белыми нитками. — Шер остановился и в упор взглянул на Майкла. — Хотя по-другому нельзя, — сообщил он своему вконец ошарашенному собеседнику. — Если бы они поставили там промышленные предприятия и начали качать сетроний тоннами, то сразу бы стало ясно, что «Генезис» такие же твари, волки крашеные, как и вся Окраина, а так получается, что они чистенькие, плюют свысока на таких, как «Индосистемз», содержат свой флот якобы для охраны собственности и борьбы с бандами и терроризмом. Сечешь, как устроились? Кому же придет в голову, что сложнейшие химические реакции, которые в лабораториях-то трудно поддерживать, идут в этом отравленном мире вполне естественно, прямо в болотах?!

— А персонал? — с сомнением переспросил Майкл. — Они-то что, совсем безмозглые?

— Оттуда не возвращаются, — лаконично заверил его Шер. — Сетроний добывают заключенные, которые дохнут в болотах как мухи. Никто их не ищет — все смертники, откупленные «Генезисом» у властей различных планет по альтернативным приговорам. Понял?

— Ну хорошо… — Майкл наконец обратил внимание на полный бокал и залпом осушил его. — А где тут наш расклад?

— Заваривается крутая каша, Майкл. Молодой Итем решил прибрать Везелвул к рукам, со всеми его радиоактивными потрохами. Причем, заметь, до прилета комиссии по внешним поселениям.

— Ну и что он сделает?

— Погасит звезду, — лаконично сообщил Шер. Майкл думал, что уже достаточно удивлен и ничто не заставит его волноваться сильнее, чем до этого, но тут он ощутил, как моментально вспотели его ладони.

— Погасит звезду и убьет двух зайцев одновременно, — подтвердил

Шер, поймав его полный растерянного изумления взгляд. — Во-первых, уберет всех свидетелей, кто мог бы что-то тявкнуть прилетающей комиссии, а во-вторых, превратит Везелвул в глыбу льда. Понимаешь? Никому не нужную глыбу льда! Везелвул сразу же превратится из спорного мира в огромную обузу на балансе колониальной администрации. Могу поспорить на что угодно — после этого колониальные власти продадут этот замерзший, загаженный планетоид в частную собственность «Генезису» безо всяких предварительных условий!

Шер, устав мерить шагами рубку, остановился, вновь наполнил бокалы.

— Ладно, это я понял, — подался к нему Майкл. — Ну а мы-то с тобой как? Что нам с этой заварухи?

— А то, что я вовремя купил эту тачку. Не знаю, как Эрик про это пронюхал, но вчера он вызвал меня к себе. Говорит, есть дело, Шер, как раз для обкатки твоей новой машины. Нужно слетать на Везелвул, найти там одного придурка и, проследив, чтоб тот сделал порученную ему работу, убрать его и по-тихому свалить. Сумму пообещал еще ту…

— А ты?

— Ну поломался минутку для приличия, ты же знаешь, он это любит. А потом вспомнил про тебя.

— Не понимаю… — откровенно признался Майкл.

— А что тут понимать? Если солнышко действительно погаснет, знаешь, что там будет твориться? Кто нам помешает сесть и набрать столько сырья, что и не снилось парням из «Индосистемз»? Задержимся на пару часов, а огребем столько, что можно потом будет вовек не смотреть ни на Старика, ни на его сына. Уйдем из-под них, свалим куда-нибудь в Центр, а они пусть тут сами ковыряются в дерьме…

— Не заметут? — с сомнением переспросил Майкл.

— Нет, — твердо ответил Шер. — Эрик думает, что я ни о чем не догадываюсь. Какой резон мне задерживаться там, где я только что напакостил? Говорю — дело верное.

— А как тачка? Не подведет?

— Только что ведь сам нахваливал, — с внезапным раздражением ответил Шер.

— Да нет, я просто спросил. Мало ли что надо подделать?

— Некогда. Тут все на автоматике, заводская гарантия, так что не дрейфь. Прорвемся. Быстро сделаем дело и назад, пока никто не успел очнуться. Ну что, ты со мной? — спросил он, исподлобья взглянув на Майкла.

— А ты выпустишь меня отсюда, если я откажусь? — хмуро осведомился тот и вдруг натянуто рассмеялся. — Шучу, Шер, ты же знаешь. Когда стартуем?

Шер испытывающе посмотрел на него, потом повернулся к пульту и нажал какие-то кнопки.

— Сейчас, — лаконично ответил он. — Пристегнись, Майкл.

Запись оборвалась. Не закончилась, а именно — оборвалась, словно кто-то выдернул шлейф питания видеокамер.

Обернувшись, Николай понял, что так оно и есть. Закрепленный под сводом ходовой рубки видеосенсор безжизненно застыл, не ворочая своим единственным глазом, а лишь блекло отсвечивая им.

«Ну, понятно… — с долей горькой иронии подумал он, еще не придя в себя после просмотра двух видеофрагментов, — куда уж им… Остановить видеозапись можно только так — ножом по горлу, иначе не выйдет…»

Взглянув на Ваби, который с видом полного безразличия застыл у дверей, смирившись с вынужденной задержкой, Николай повернулся к тускло сияющему монитору.

Ему хотелось грохнуть кулаком по пульту, так чтоб из него брызнули искры… Идиот…

Пальцы фон Риттера сжались. Он понимал, как глупа эта минута злобного отчаяния, тем более что исправлять что-либо было уже слишком поздно, но горечь оказалась слишком сильной.

Он попал в плен на Омнабиусе…

Скрипя зубами, Николай пытался успокоиться. У каждого в жизни бывают ошибки… Нанимаясь на службу, он не мог знать…

«Мог… — оборвал он сам себя. — Мог навести справки, перед тем как продаться… Мог, но не стал. Слишком нужны были деньги…

Впрочем, что сожалеть… Честь наемника высоко ценилась на Ганио, здесь же данное понятие превращалось в ничто, пустой звук. Заказывал музыку тот, кто платил.

Вот тебя и заказали», — угрюмо подумал он.

Николаю вдруг стало мучительно стыдно вспоминать, как толково, профессионально он бился, сколько положил вокруг себя солдат «Генезиса», прежде чем тем удалось ворваться в холл здания, которое обороняла группа фон Риттера. Сколько хороших ребят он положил, пока эти самые «бизнесмены» из «Индосистемз» уходили от своих конкурентов кривыми закоулками подвальных коммуникаций.

Судьба. Это злое слово представлялось ему темной фигурой с хитроватой ухмылкой на расплывчатой роже. Нужно же было ударить тому

близкому гранатному разрыву, который погасил его сознание, с тем чтоб за собственную глупую продажность он пережил фарс суда и очнулся от криогенного сна здесь, на Везелвуле. Стоило пробиваться сквозь голубые кислородные снега и туманные вихри пробуждающихся от ледяного сна болот, чтобы узнать, за что бился…

«Хрен редьки не слаще, — зло подумал Николай, глядя в ровное сияние пустого монитора. — Что „Индосистемз“, что „Генезис“ суть одно и то же…

Нужно уходить отсюда… — эта здравая мысль пробилась сквозь мешанину чувств, немного охладив его запоздалое раскаяние. — Судьба дала шанс, нужно уходить, и пусть этот Везелвул катится ко всем Шиистам космоса. Забрать дока, Черча, Ваби и отступать, бежать на Ганио…»

Последнее слово заставило Николая еще раз задуматься.

Все же, несмотря на ироничное отношение к своей наследственности, инстинкты наемника были сильны в нем. Он ни на секунду не сомневался, что на родной планете его ждет не слишком теплый прием. Если разобраться беспристрастно, то он оказался не самым лучшим представителем клана фон Риттеров, основанного его прапрадедом, Домиником, сразу после развала Конфедерации солнц.

И еще личный опыт и все та же наследственность подсказывали — акценты уже сместились, еще немного, и Везелвул станет одним из узлов напряженности, и каша, что заварится тут, будет кровавой…

Николай прекрасно представлял логику тех, кто качал из этой планеты свои грязные миллиарды, воспользовавшись общим, царящим на всей Окраине беззаконием и беспределом, замаскировав свою деятельность столь бесхитростно, что это смахивало на наглость.

Им было позволено все. Десятки слаборазвитых планет оказались подмяты, заново колонизированы. Люди на них несли ярмо экономической зависимости, были загнаны в орбитальные резервации, где их ждала короткая безрадостная жизнь. Они умирали от наркотиков, вредных производств и прочей дряни. А кто сомневался, протестовал — тех ждала колониальная тюрьма, а затем — миры наподобие Везелвула…

Поэтому он не сомневался, какими бы добрыми побуждениями ни руководствовались члены комиссии, посланной сюда колониальной администрацией, они будут либо куплены, либо обмануты, либо просто поставлены перед фактом полного краха программы преобразования планеты, если аварию с солнцем удастся довести до конца…

Николай машинально достал сигарету и закурил, пощелкивая клавишами на панели систем связи.

«Ты герой или нет?» — мысленно спросил себя фон Риттер, глядя, как Ваби, устав переминаться с ноги на ногу, опять с ворчанием направился к нему.

Он не успел ответить на заданный самому себе вопрос, потому что в тот самый момент его судьба, по какой-то очередной прихоти, совершила еще один крутой поворот.

Электронная антенна «Новы», подчиняясь его бессознательным щелчкам на панели управления, вдруг уловила эфирный сигнал и начала прием.

Николай вздрогнул, когда среди глухой тишины отсека вдруг хрипло кашлянули помехи и чьи-то голоса, искажаясь и перекрывая друг друга, ворвались в его сознание…

— …Линкс, уходи… ближайший посадочный терминал… Мы подберем вас…

— Что, черт возьми… Где Саша?!

— Сбили «Геракл»… Ублюдки… Крейсер «Генезиса»…

Вой помех усилился, как накатившая на берег приливная волна, а потом отступил, оставляя после себя новые обрывки фраз:

— Убить всех… Штурмовое звено… Приказываю… Обеспечить…

— Люди…

— …Она не в себе… Делай, что говорят… Будем драться…

— Да пошел ты!!!

— На хвост… сильная турбулентность… атмосфера…

— Простой шаттл, дебилы…

— Сэр…

— Атакуй!..

Фон Риттер резко обернулся, смахнув внезапное наваждение.

— Ваби! — крикнул он, не заметив, что карлик уже стоит подле него. — Черч! Док! Сюда их, живо!

Маленький мутант снизу вверх посмотрел на Николая. Лицо фон Риттера было бледным, словно тот только что узнал точную дату собственной смерти, и лишь глаза на нем блестели зло и решительно. Он уже не слушал ни далекие голоса, ни возражений Ваби — пальцы Николая сновали по клавиатуре программатора, срывая пароли и там, где возможно, освобождая системы корабля от запретов.

Это оказалось несложно. Николай чувствовал: он в состоянии овладеть бортовым компьютером и «Нова» подчинится обязательно. Чужая воля еще не въелась в программы этого корабля, и равнодушная автоматика будет исполнять его приказы, как исполняла приказы Шера и его дружка.

В эти секунды Николай думал только об одном: его пророчество свершилось слишком быстро и там, в районе космопорта Везелвула, сейчас, с минуты на минуту, начнут убивать тех, кто еще выжил…

Он оглянулся, чтобы посмотреть на Ваби, но того уже не было ни в рубке, ни на пороге.

Сообразительный карлик буквально воспринял его приказ. Внешняя камера, установленная чуть выше главного шлюза, показывала, как он, слегка подпрыгивая, несется к угрюмому серому комплексу строений, где остались Фрамер и Черч.

«Ну… держитесь!» — неизвестно кому мысленно пообещал фон Риттер, нажимая последовательность сенсоров для холостого запуска двигателей.

Он не знал, сработает ли… но из недр «Новы» вдруг донесся низкий, чуть вибрирующий гул, который тут же перешел в мягкое, едва уловимое завывание, и корабль внезапно качнулся, чуть приподнявшись над мерзлой землей…

Откинувшись в кресле, Николай судорожно сглотнул и вытащил из мятой пачки последнюю сигарету.

Прикуривая, он заметил, что пальцы на той руке, где не было перчатки скафандра, слегка дрожат.

Передатчик «Новы» продолжал работать, и средь треска атмосферных помех все звучали злые и хриплые голоса обреченных…

Космопорт Везелвула. Район старто-посадочных полей

— Что там могло стрястись, фрайг его забери, а, Андрей? — Линкс зло сплюнул и отвернулся, пряча лицо от резких порывов ледяного ветра.

Снег сек по броне скафандров мелкой шуршащей поземкой… Облака, гонимые бесноватым ветром, казалось, припадали все ниже и ниже к стылой, едва подтаявшей земле. Серые мрачные небеса отливали смутным багрянцем, словно вверху, за свинцовой пеленой облаков, разгорались угли исполинского костра.

— Что, не слышал?.. — тихо отозвался Звягинцев, без пользы всматривающийся в круговерть поземки. За десять метров уже не было видно ни зги. — «Геракл» накрылся… Нам каюк, Линкс.

Грегор, который прекрасно слышал лаконичный обмен фразами через коммуникатор своего скафандра, который был позаимствован группой из хранилищ космопорта, непроизвольно втянул голову в плечи.

«Вот это называется — влип…» — тоскливо подумал он, беспокойно

озираясь по сторонам. Бежать было некуда. Оставалось одно — стоять и ждать в надежде на чудо.

Однако добрые чародеи явно обходили стороной этот проклятый мир.

Из снежной круговерти внезапно послышался надсадный, рвущий барабанные перепонки рев, и вслед за волной звука появился контур раскаленной обшивки шаттла, который снижался, чуть кренясь на один борт и круто доворачивая в сторону посадочных терминалов.

Линкс захлопнул забрало своего гермошлема и тут же пожалел об этом — раздраженная ледяным ветром кожа на лице зашлась огнем, словно в нее вонзили тысячи иголок.

— Рорих, мы у седьмого посадочного места, — скрипнув зубами, сообщил он.

— Спрячьтесь куда-нибудь!.. — отрывисто выкрикнул по связи Эрни. Его голос охрип до полной неузнаваемости. — Валите в укрытие, мать вашу!!! — спустя секунду вторично проорал он, заметив, что маленькие фигурки на краю вогнутой чаши посадочного порта не спешат разбегаться. — У нас гости, Линкс!!!

Об этом излишне было даже предупреждать — с момента появления шаттла прошло не более двадцати секунд, а небеса уже раскалывались от новых надсадных звуков, по сравнению с которыми свист и вой ветра могли показаться тихой, приятной колыбельной мелодией.

Первым с места сорвался Грегор. Спотыкаясь и не разбирая дороги, он начал карабкаться на гребень посадочной чаши, поскальзываясь на корке льда и нелепо взмахивая руками. За ним секунду спустя последовал Линкс. Замыкал беспорядочное отступление Андрей, который скорее шел, нежели бежал, ежесекундно оглядываясь и сильно припадая на искусственную ногу.

…За штурвалом ведущей машины, которая первой нырнула в бесноватую атмосферу Везелвула, вслед за ускользнувшим туда шаттлом, сидел капитан Спаркс. Конечно, где-то в уголке его разума не уставала биться здравая мысль о том, что командир крейсера не должен покидать ходовой рубки своего корабля, но его душила настоящая ярость. Капитан еще не вник во все тонкости руководства огромным экипажем и продолжал действовать так, словно командовал звеном космических истребителей. В отличие от Джона Говарда, который позорно погиб на его глазах, этот офицер был намного старше, опытнее, и главное, его не связывали никакие узы с людьми из бывшего звена лейтенанта Эйзиз.

Саму Ледышку он если и видел когда-то, то мельком. До последнего времени Игорь Спаркс служил на другом корабле корпоративного флота.

После того как она мастерски навела ракетный залп на вверенный ему крейсер, капитан хотел лишь одного — убить эту суку, чтобы лично увидеть, как ее разорвет вместе с обшивкой шаттла.

В данный момент он спокойно вел истребитель среди атмосферных вихрей. Раздраженность никак не сказывалась на его манере полета.

— Хьюго-2, это ведущий, — ровный голос капитана вызвал у подчиненных легкую дрожь в позвоночнике. — Ты где шатаешься, сукин сын?

— Сэр… турбулентность… отклоняет от курса… — сквозь шквальный треск помех прорвался голос ведомого.

Это была одна из тех самых фраз, что дошли до Николая фон Риттера, сидевшего в этот момент на борту «Новы», в сорока километрах южнее космопорта.

— Хьюго-2, захожу для атаки, пристраивайся!

Три фигуры, две облаченные в серую броню, а одна в белоснежном гражданском скафандре, спотыкаясь и оскальзываясь на неровностях льда, бежали к зданию приземистого пакгауза, когда машина Спаркса вырвалась из-под покрова свинцово-серых облаков.

Тот, кому хоть однажды пришлось пережить атмосферную атаку космического истребителя, уже не забудет этого никогда.

Бывали случаи, когда люди, особенно гражданские, попросту сходили с ума.

Нечто подобное испытал на себе Грегор. Еще неделю назад считал себя крутым мужиком, но за эти семь дней слишком многое изменилось в его жизни, да и не мог он предвидеть, что придется стать не то что невольным очевидцем, а целью этой самой атаки.

Первой, предваряя появление космической машины, пришла тугая, смешанная с оглушительным грохотом воздушная волна. Грегора, который уже видел приоткрытые металлические ворота вожделенного складского бункера, толкнуло в спину и швырнуло на лед. Со всего размаха впечатавшись забралом в покрытый голубоватой коростой стеклобетон, он едва не лишился сознания. Из разбитого носа, пачкая лицевую пластину гермошлема, брызнула кровь, но это еще оказалось не самым худшим — сзади накатывался, выворачивая все внутренности, оглушительный рев, и даже материал скафандра не мог спасти от него.

Привстав на четвереньки, Грегор, контуженный ударом об лед и этим оглушающим звуком, вытаращив глаза, смотрел, как в ближайшей башне диспетчерского контроля вдруг лопнули, разлетаясь сверкающей метелью, все стекла.

Обледенелая земля внезапно вздыбилась и начала уходить из-под него, — это порожденная двигателями истребителя воздушная волна, кувыркая, понесла его прочь от заветного пакгауза.

Он хотел заорать, но не мог…

Словно дьявольское наваждение, из-под серых, свинцовых облаков внезапно вырвалась черная горбоносая машина, броня которой была облита сполохами статического электричества, и пошла вместе с горячим, испаряющим лед воздухом подметать пустые стартовые поля и сиротливые пакгаузы ровным, деловитым огнем четырех автоматических вакуумных турелей.

Снаряды ложились четырьмя прямыми дорогами, перечеркивая дымными султанами разрывов голубоватый стеклобетон посадочных полей, и Грегор вдруг остервенело заорал, потому что спасения уже не было, этой мощи не могло противостоять ничто: прямо на глазах техника один из грузовых бункеров, до которого добежали дымные черно-оранжевые султаны, вдруг странно задрожал и начал проваливаться вовнутрь самого себя…

Он уже не орал — Грегор полз, подвывая от ужаса, а разрывы неумолимо приближались к нему, уродуя последние секунды перед смертью ощущением неизбывного ужаса и полной безысходности…

Что-то горячее протекло у него между ног, но космодромному технику уже стало все равно — его помутившийся от страха рассудок приготовился к смерти, приняв ее неизбежность, когда у истребителя кончились снаряды…

Машина, дико завывая, пронеслась над распластавшимся на влажном стеклобетоне телом и взмыла вверх, уходя за облака для нового захода.

Оружейные эскалаторы на борту надсадно гудели, черпая из арсеналов новый боекомплект, а Грегор так и остался лежать меж курящихся паром луж.

Он был без сознания.

…С противоположной стороны, над зданием космопорта, пользуясь минутной передышкой, появился шаттл и резко пошел на снижение, прямо к седьмому посадочному терминалу.

* * *

Никогда в своей короткой, но бурной, полной событий жизни Саша Эйзиз не испытывала такой тоскливой отрешенности от мира, как в этот, казалось бы, критический момент.

Шаттл, управляемый железной рукой Рориха, стремительно снижался.

Под его уплощенным днищем, пересекая вогнутые чаши стартопосадочных полей, пролегала курящаяся паром и исковерканная снарядами дорога, сложенная из четырех пропаханных вакуумными орудиями истребителя троп.

Кто был тот ублюдок, что сидел за его штурвалом? — мысли в голове Саши метались в такт рывкам снижающегося шаттла. Кто хладнокровно спускал гашетку, целясь в обезумевшие, беспомощные, ползущие под огнем человеческие фигурки?

Машина резко накренилась на правый борт. Страховочные ремни больно впились в грудь. Эйзиз невольно скрипнула зубами, не то от боли, не то от той мысли, что резанула воспаленное сознание хуже, чем удар горячего осколка по черепной кости…

Чем она сама в недавнем прошлом отличалась от тех, кто кидал сейчас истребители в кипящую атмосферу Везелвула?

Окаменев, Саша смотрела в глубинный стереообъем обзорного экрана, наблюдая, как две фигурки в серой броне тащат к открывшемуся люку шаттла обмякшее тело в белоснежном скафандре.

Ей хотелось взвыть, как раненой волчице над разоренной норой…

В чем их вина?

И тут же: «Кто он?»

И опять: «Ты служила „Генезису“, ты рвала зубами его врагов, меж которых могли быть и такие, беспомощно ползущие прочь от смерти. Трусливые, никчемные, но и не повинные в том, что попросту оказались не в том месте и не в то время…»

В душе Саши вскипала черная бездна близкого безумия…

Она делила с ними хлеб и кровь… Что может быть для человека дороже?

Оказывается, есть вещи важнее, а она лишь кровавый плевок, растертый корпорацией на далекой планете… И те, кто спасал ее тогда, сегодня пытались ее убить…

Превратности судьбы?

У нее не было ответа на столь риторический вопрос.

У Рориха тоже. Саша повернулась, но, взглянув на его лицо, где тонкая ниточка посеревших от напряжения губ кривилась в болезненной усмешке, она вдруг поняла, как сильно он не одобряет ни ее душевных мук, ни глупого, эгоистичного бездействия в тот момент, когда Линкс и Андрей оказались на волоске от смерти…

Шаттл звонко чиркнул посадочными опорами о влажный стеклобетон и, покачнувшись, застыл, громко подвывая перегретыми двигателями. За

его кормой от выбросов плазмы начал раскаляться стеклобетон.

Рывком вскочив с кресла, Саша распахнула грузовой люк, одновременно ногой вытолкнув наружу телескопическую лесенку.

Прежде чем протянуть руку навстречу Линксу и Андрею, которые, выбиваясь из сил, волокли безвольное тело Грегора, она успела кинуть беглый взгляд на прилегающие терминалы и пару возвышавшихся неподалеку контрольных башен.

То, что искал ее взгляд, обнаружилось на самой верхотуре, прямо над выбитыми провалами панорамных окон диспетчерского помещения.

— Давай! — хрипло выкрикнула она, протягивая руки в проем.

Ухватив тело Грегора за лямку скафандра, она рывком втянула его в шаттл и тут же, не говоря ни слова, спрыгнула на влажный, курящийся паром стеклобетон посадочной плиты.

— Ты куда?! — Линкс попытался ухватить ее за плечо, но Саша машинально уклонилась.

— Не твое дело, Линкс, — огрызнулась она. — Взлетайте!

С небес вновь накатывал остервенелый грохот, предваряющий появление истребителя…

Линкс рванулся было за Эйзиз, которая, не обращая внимания на адский грохот, петляя, бежала по курящимся паром лужам в сторону сорванной двери, обозначившей вход в ту контрольную башню, откуда час назад они управляли беспилотной посадкой шаттла…

— Ледышка! Саша! Стой! — в его голосе звучал не приказ, там была мольба, но крик Линкса вдруг заглох, отсеченный стеной разрывов.

Взрывная волна отшвырнула Дерека назад, к шаттлу.

Ухватившись за поручень трапа, он видел, как медленно, очень медленно бежит Саша и как стремительно несутся за ней по пятам уродливые кустистые сполохи разрывов…

— Саша… — едва слышно прошептал он в полнейшем отчаянии…

Нет, она была заговоренной, это точно…

Он понимал смысл ее безумного поступка, но, видит бог, Линкс не хотел жить такой ценой. В нормальных условиях он мог брюзжать и цепляться за созданную им же самим иллюзию своего сносного существования, но сейчас все кончилось. Он снова был на войне, и снова, в который раз на его глазах, Ледышка пыталась сделать невозможное. Невозможное с точки зрения здравого смысла и разных, писаных и неписаных, правил, и все ради тех, за кого, как считала она сама, лейтенант Эйзиз несет ответственность. За них. За пятерых мужиков, один из которых еще ни разу не пришел в сознание, а другой потерял его, обгадившись со

страха под огнем истребителя…

— Двигай! — что есть мочи крикнул он Рориху, снаружи задвигая люк шаттла. Закрыв его, он набрал полные легкие воздуха и рванулся в самое пекло стальной метели вслед за своим командиром.

— Идиот! — с досадой констатировал Рорих. — Андрей, пристегни к креслу этот кусок дерьма! Взлетаем!

— Саша! — перекрывая шум турбореактивных движков, крикнул Звягинцев, втаскивая тело Грегора в ближайшее кресло.

— Знаю! Хватайся за что-нибудь!

С этими словами Рорих поднял машину в воздух.

Чуть накренясь и задевая опорами о бетон, грузовой модуль рванулся вперед, наперерез атакующему истребителю.

* * *

В кабине управления истребителем сидел не Спаркс — это была другая машина, — а один из двух ведомых капитана. Справившись наконец с атмосферными циклонами, он вынырнул из-за облаков и, подстегиваемый координирующими приказами с борта «Громовержца», очертя голову ринулся в атаку.

Молодому пилоту, который едва ушел в своем опыте полетов от уровня тренажеров и симуляторов, естественно, не хватало хладнокровия Спаркса, его расчетливости и интуиции.

Застряв между низкими облаками и туманной землей, он пытался сделать, что мог, но ни один симулятор не предполагал столь неадекватного поведения противника.

По данным, что передавал базовый корабль, внизу находилась жалкая кучка калек и поврежденный грузовой шаттл…

Черта с два…

Попав в круговерть боя, пилот уже не мог думать ни о чем, кроме прицела и рулей высоты. Завывая, истребитель несся над стеклобетонной равниной, изрыгая снаряды из четырех автоматических пушек, но маленькая фигурка в скафандре продолжала бежать меж разрывов, наплевав на все его потуги…

У молодого летчика помутилось в глазах.

Вторая фигурка вдруг присоединилась к первой. Покатившись по бетону плиты, человек, столь безрассудно бросившийся под огонь, вдруг молниеносным, но абсолютно точно и, как показалось, хладнокровно рассчитанным движением вскинул импульсную винтовку, одновременно разрядив часть магазина и подствольный гранатомет…

«Это те самые калеки?!» — ошалело успел подумать пилот за мгновение до того, как снаряды с грохотом замолотили о лобовую броню пикирующей машины. Естественно, они не могли причинить существенного вреда космическому истребителю, но это было то самое горнило, где в критические секунды выживал только сильнейший, где выковывались характеры и души таких, как Линкс, Эйзиз, Рорих, Спаркс…

Молодой пилот не выдержал ураганного огня. Он инстинктивно дернул рули, и его машина вдруг резко легла на крыло, заваливаясь на один борт.

Дико взвыли сигналы лазерных дальномеров, рули управления сами по себе дернулись в его руках — это включившиеся аварийные системы автопилотов тщетно пытались выправить роковую ошибку человека, но было поздно…

Перед выпученными глазами пилота мелькнула стена контрольной башни, затем борт идущего наперерез шаттла, — земля и небо опрокинулись, поменялись местами, потом вдруг встали вертикально, и эта картина опрокинувшегося на ребро горизонта оказалась столь дикой, что он заорал, уже не пытаясь справиться со взбесившейся машиной…

Зубовный скрежет раздираемой брони, который раздался спустя секунду, когда падающий истребитель пропорол своим коротким крылом плоскую крышу какого-то пакгауза, был последним звуком, который он услышал.

Потом грянул оглушительный взрыв…

* * *

Пробежка под ураганным огнем не принесла Саше ничего хорошего.

Она была вне себя. Огнем горело распоротое осколком плечо, сквозь порванный скафандр врывался холод, но он не мог остудить того яростного огня, что пылал у нее внутри.

Перескакивая через несколько ступенек, она, задыхаясь, поднялась по узкой аварийной лестнице.

Она не слышала, как звал ее появившийся у входа в башню Линкс. Яростным ударом приклада выбив застывший электронный запор, Саша пошатываясь, вошла в небольшое куполообразное помещение, венчавшее контрольную башню космопорта.

Стены и потолок тут были выполнены из толстого армированного бронепластика. Старая, и потому особо надежная модель стационарного блистера без излишних электронных наворотов — просто кресло перед счетверенной турелью и движки под ним, управляемые простыми

нажатиями сенсорных рычагов.

«Только бы не подвели аккумуляторы…» — подумала Саша, падая в кресло. Она знала, как наплевательски относятся техники гражданских космопортов к такого рода оборудованию. Этим ребятам, как правило, лень дотошно следить за агрегатами, которые не используются при повседневной работе…

Нажав педаль, она услышала, как под полом преданно взвыли электромоторы, и от этого звука зло и радостно защемило сердце.

Активировав сенсор автоматической перезарядки, она для пробы развернула блистер Он вращался вместе с платформой, на которой был закреплен.

Только сейчас Саша с изумлением поняла, что долетавший снаружи надсадный вой поутих, а вокруг, всего в каких-то двухстах метрах от башни, чадно горят обломки истребителя.

Шаттл Рориха, словно совершая круг почета, облетал башню, волоча за собой оторванную посадочную опору…

В этот миг из-за низких облаков вырвался истребитель капитана Спаркса. Вслед за ним появился зловещий силуэт еще одной машины.

Саша рванула рычаги, разворачивая блистер, но Спаркс, машина которого уже перезарядила орудия, дал залп чуть раньше, чем она успела овладеть инициативой.

От брони шаттла, который и так серьезно пострадал в космической перестрелке, полетели дымящиеся клочья. Из кормы вырвался огонь…

Орудия башни заговорили звонкой, оглушительной скороговоркой, отдаваясь в ушах металлическим лязгом.

Белоснежные хлопья разрывов расцвели в воздухе, словно бутоны туманных цветов, они лопались, разлетаясь оранжевыми сполохами, и, судя по нервному, конвульсивному маневру, совершенному истребителями, этот огонь явился для них полнейшей неожиданностью.

Второй ведомый Спаркса был опытнее погибшего пилота, чья машина весело полыхала на земле. Уклонившись от отсекающей очереди, горбоносый истребитель уверенно взмыл над стеной заградительного огня и тут же устремился в пике, прямо на оживший блистер…

Саша вдруг поразилась той ватной, оглушающей тишине, что навалилась на нее. Казалось, что единственным звуком вокруг остались гулкие, неровные удары ее собственного сердца…

Машина неслась прямо на блистер, протягивая к куполу разрушительные нити снарядных трасс…

Эйзиз ждала, окаменев в кресле.

Единственное, о чем она сейчас жалела, — что не видит лица того, кто стрелял по ней.

Снаряды впились в бронепластик, и башня вздрогнула, словно человек от внезапной боли.

Саша ждала. Она умела ждать.

Машина Спаркса, бросив падающий шаттл, тоже развернулась для атаки блистера.

Эти роковые секунды решали все.

Эйзиз не могла пробить лобовой брони истребителя. Кому, как не ей, было знать об этом.

Первая машина неслась на купол, вбивая снаряд за снарядом в его покатый контур.

Бронепластик срывало, выдалбливая в нем уродливые ямы. Дистанция стремительно сокращалась, вот уже купол начал разрастаться, и его подернутая трещинами покатая поверхность вдруг в одном месте лопнула и начала обваливаться вовнутрь…

Торжествуя, пилот потянул рычаг управления, задирая нос, чтобы поднять машину над расстрелянной огневой точкой.

Под тяжелым, короткокрылым и горбоносым контуром показалась узкая полоска сероватого днища, и в этот самый момент орудия изуродованной башни полыхнули единственным залпом.

Длинная очередь четырех автоматических пушек разрезала космический истребитель пополам — от носа до кормы.

Спаркс, который уже вышел на прямую атаки, не успел отвернуть, и обломки ударили по нему…

Его спасла лишь фантастическая, машинальная реакция.

Впоследствии Спаркс так и не смог с точностью вспомнить, как ему удалось вырвать машину из короткого штопора. Чиркнув по бетону изуродованными хвостовыми стабилизаторами, его истребитель, надсадно завывая и почти неуправляемо раскачиваясь, свечой взмыл за облака.

Когда Линкс вбежал в разбитый, обвалившийся вовнутрь блистерный купол, Саша по-прежнему сидела в кресле, крепко сжимая сенсорные рычаги наводки.

Он кинулся к ней, с недобрым предчувствием заглянув через прозрачную лицевую пластину ее гермошлема.

От сердца Дерека отлегло.

Саша хохотала… Без звука… Просто смеялась, страшно, одними губами, без остановки, глядя на усыпавшие ее колени кусочки оплавленного бронепластика и не издавая при этом ни звука.

«Это ничего… Это пройдет…» — суетливо подумал Дерек, подхватив ее под мышки и вытаскивая из кресла. Он понял, что в ее скафандре вышел из строя коммуникатор. Истерический смех Эйзиз не пугал Линкса — он знал, как это бывает, когда слишком близко приходится взглянуть в пустые, зовущие глаза смерти. Сам смеялся… и не раз…

— Рорих, я подобрал Сашу… — прохрипел он в коммуникатор, заставляя ее передвигать ногами. — К чертям… Теперь мы должны сваливать отсюда…

— Хотел бы я знать — на чем? — раздался в наушниках чуть более нервный, чем обычно, ответ Эрни. — Это корыто больше не поднимется в воздух, можешь мне поверить, Линкс…

У него внезапно предательски похолодела спина, но он упрямо продолжал тащить Сашу к выходу из башни.

«Фрайг его раздери… — зло подумал Линкс. — Ну не может же все вот так погано кончиться…» После того, что они сделали, сдаться было бы непростительной глупостью, а умереть — и того глупее…

Глава 10

Борт «Новы». В нескольких километрах от космопорта Везелвула

Рекламные проспекты не лгали, «Нова» оказалась классным кораблем.

Николай всегда уважал такие машины. Сидя в кресле, за центральной консолью управления, он чувствовал гулкую, затаившуюся в недрах ходовых секций мощь; все бортовые системы реагировали просто безукоризненно, и это вселило в него осторожную надежду на благополучный исход всего головокружительного приключения.

За несколько минут освоившись с управлением, что тоже говорило в пользу продуманности «Новы», он рискнул поднять корабль вверх.

Вопреки ожиданиям, атмосферный полет не вызывал у него никакого чувства дискомфорта — корабль прекрасно выдерживал шквальный, порывистый ветер, автоматика работала без нареканий, а его уплощенный, обтекаемый корпус, казалось, специально создан для противоборства с ветрами Везелвула, — в общем, в другое время Николай бы просто наслаждался…

Но только не сейчас.

Он не мог видеть того, что происходит в районе космопорта, но передатчик, который так и остался настроен на нужную волну, сквозь треск статических помех то и дело изрыгал в динамики отрывистые фразы команд, либо бессвязные выкрики и угрозы, заставляя бледнеть и без того полуживого доктора Фрамера.

Пристегнутый ко второму креслу, Гентри сидел, не понимая ровным счетом ничего; этот шикарный салон космического корабля после ледяных стен заброшенного форта казался ему логичным продолжением горячечного бреда, вызванного перенапряжением и нечеловеческим холодом. В таком случае бессвязные выкрики должны были ассоциироваться в его больном сознании с потусторонними, демоническими голосами.

У ног дока лежал Черч. Пес равнодушно переносил полет — распластавшись на полу, он был занят тем, что вылизывал мокрую шерсть, изредка выкусывая из нее не успевшие оттаять в тепле помещения льдинки.

Хуже всех себя чувствовал Ваби.

Его доверие к фон Риттеру заметно пошатнулось, как только «Нова» под тихий утробный вой планетарных движков оторвалась от земли и с заметным ускорением рванула на север.

Вестибулярный аппарат маленького мутанта взбунтовался, отказываясь принимать очевидное положение вещей. Ваби тут же стошнило, и он, стоически стиснув зубы, забился в угол, мученически выкатив глаза и крепко вцепившись в рукоять ножа.

Николай, опытный слух которого четко различал в хаотичных обрывках сообщений звуки тяжелого, неравного боя, вел «Нову» на предельно допустимой для атмосферного полета скорости.

По обрывкам фраз, что звучали на частотах связи, он понимал, какие страшные события разворачиваются в районе посадочных полей.

Горстка людей, атакованная могучим крейсером, пыталась покинуть космопорт под ударом звена космических истребителей.

Фон Риттер вел «Нову» над самой землей, прижимая корабль к пологим изгибам рельефа, чтобы затруднить работу любому радару.

Откровенно говоря, он недоумевал.

Атмосферная атака звена космических истребителей должна была подавить в зародыше всякую мысль о сопротивлении со стороны тех, кто сумел выжить в ледяном аду Везелвула, но, судя по обрывкам сообщений, какая-то горстка безумцев не просто противостояла этим мощным, вселяющим ужас машинам — их сбивали, жестко, расчетливо, о чем внезапно поведал Николаю предсмертный выкрик одного из пилотов.

Ему с лихвой хватило личных воспоминаний, чтобы понять, что за ад кромешный творится в районе космического порта.

Увеличив скорость и вызвав тем самым сдавленный стон Ваби, Николай наконец вывел «Нову» на окраину старто-посадочных полей.

Цепкий взгляд профессионального военного сразу же охватил панораму боя во всех подробностях.

Возле контрольной башни, которую венчал изуродованный снарядами блистерный купол, чадно горели обломки двух космических истребителей. Крыша одного из пакгаузов топорщилась иззубренными осколками проломленных перекрытий, рядом, на перепаханном огнем вакуумных орудий стеклобетоне, застыл изуродованный, дымящийся шаттл, около которого суетились две фигурки в серых бронированных скафандрах.

Николай увидел, как они застыли и резко обернулись на издаваемый «Новой» звук. В руках у обоих, словно по мановению какой-то силы, вдруг появилось импульсное оружие.

— Внимание, шаттл, говорит борт «Новы». Здесь Николай фон Риттер из персонала Везелвула. Вместе со мной доктор Гентри Фрамер, служащий корпорации. Не открывайте огонь, мы прилетели подобрать вас, повторяю…

На мгновение в эфире повисла зловещая тишина. Плоский черный корабль с воем пронесся над дымящимся шаттлом и начал разворачиваться, гася скорость.

Выстрелов не последовало, и это в глазах Николая уже было хорошим признаком. Судя по чадящим обломкам истребителей, эти ребята никак не могли быть лохами из космодромной обслуги. Нет. Они были сродни ему самому, — это фон Риттер почуял всем сердцем, как только окинул взглядом панораму отгремевшего несколько минут назад боя.

— Борт «Новы», говорит Дерек Линкс, командир транспортного корабля «Геракл». Что вы намерены делать?

Николай поразился такому вопросу.

— Я собираюсь принять вас на борт и валить отсюда, — холодно и резко ответил он.

— Отлично… — хрипло изрек динамик. — У нас двое «тяжелых». — Этот термин, означавший «тяжелораненых», заставил Николая тут же простить своего собеседника за невольное оскорбление. — В атмосфере начал посадку поврежденный крейсер корпорации… — тем временем продолжил голос. — Они идут по нашу душу, так что нам терять нечего. Если твой корабль — это ловушка, то лучше тебе подумать. Повторяю — нам терять нечего…

— Понял… — подавив раздражение, буркнул Николай. — Готовьте раненых, я сажусь.

* * *

Они встретились у главного люка, на узкой зарешеченной площадке, где останавливался огороженный низкими перильцами подъемник.

Завидев новых людей в изодранных опаленных скафандрах, чьи лица даже за откинутыми вверх забралами шлемов было трудно разглядеть из-за сгущающихся понемногу сумерек короткого езелвульского дня, Ваби, обнажив клинок, с глухим ворчанием отступил в глубину шлюзовой камеры.

Маленький мутант с большим трудом и неохотой заводил новые знакомства.

На подъемник вместились все шестеро, включая два бессознательных тела, которые четверо человек поддерживали в вертикальном положении.

— Давай!.. — Николай вместо приветствия протянул руки, принимая в объятия одно из тел. В нос ему ударил смрадный запах воспаленной и гниющей плоти, который пробивался через испачканные кровью и грязью повязки.

— Куда? — прохрипел один из вновь прибывших, с трудом удерживая второе тело.

— Ваби, помоги! — приказал Николай, втягивая первое тело в шлюзовую камеру. Человек, у которого он принял этот страшный груз, сам едва стоял на ногах. Его скафандр был распорот ударом горячего осколка, лицевая пластина гермошлема покрылась копотью и трещинами. Единственное, что смог различить Николай, — это настороженный блеск внимательных, постоянно ждущих опасности глаз.

— Успокойся… Тут на борту нет врагов, — обратился он к обладателю настороженного взгляда.

— А этот? — хриплый голос имел грудную глубину, и фон Риттер вздрогнул, подумав, уж не женщина ли перед ним?

Появление Ваби, который по приказу Николая выступил из глубин шлюзовой камеры, жутко ухмыляясь и демонстративно пряча за пояс изготовленные было к броску ножи, вызвало легкое замешательство.

— Спокойно! — предупредил фон Риттер, заметив, как дернулся ствол импульсного оружия в руках одного из незнакомцев. — Это Ваби. Он никому не причинит вреда.

Человек в распоротом осколком скафандре безразлично пожал плечами, делая знак остальным. Очевидно, это был командир группы, потому как импульсная винтовка тут же опустилась.

Довольный проявленным к нему вниманием, Ваби внезапно поднял бессознательное тело Грегора и, словно тростинку, без видимых усилий вскинул себе на плечо.

— Пошли! — приказал фон Риттер, невольно озираясь. Не нравилась ему повисшая над космопортом тишина, словно над комплексами разделенных старто-посадочными полями зданий вместе с сумерками сгущалась осязаемая угроза…

Четверо вновь прибывших полностью разделяли это чувство и потому безропотно последовали за Николаем и Ваби. То, что их не пытались разоружить, а впустили вовнутрь корабля так, как есть, вселило в их сердца немного надежды и частичку доверия к этому странному человеку, который в полном смысле слова свалился с неба, чтобы вырвать их из лап неумолимой смерти.

Николай, который за время подготовки к старту и короткого перелета успел бегло ознакомиться со схемой помещений корабля, уверенно свернул во второй проход, расположенный по правую сторону центрального коридора. На вычурных дверях среди золоченого барельефного орнамента действительно присутствовала замысловато вписанная в общий фон

медицинская символика.

От его внимательного взгляда не укрылось, как командир маленькой группы смерил его оценивающим взором, скользнув по лицу, одежде, и сразу же перевел взгляд на богато инкрустированные стеновые панели, словно пытаясь оценить, насколько он, Николай, и сопровождавший его маленький мутант соответствуют кричащей роскоши окружающих интерьеров.

Сравнение явно закончилось не в его пользу.

В этот момент сработал фотоэлемент, и двери медицинского модуля с шипением разъехались в стороны, открыв просторное помещение, залитое резким, имеющим осязаемый запах дезинфицирующим излучением.

Три биокриогенных комплекса занимали всю центральную часть отсека. Их прозрачные колпаки оказались откинуты вверх, демонстрируя жесткие ложа, покрытые щетиной контактных датчиков.

Николай осторожно опустил бессознательное тело сержанта в ближайшую к нему камеру. Ваби, немного поразмыслив, последовал его примеру.

Мгновенно сработала автоматика модуля. Сенсорные датчики камер, зафиксировав вес уложенных тел, передали сигнал бортовому компьютеру, и два колпака вдруг начали опускаться.

Как только они закрылись, отчетливо чавкнув пневматическим уплотнителем, внутри камер что-то зашипело, и из мельчайших отверстий в стенках ударили тоненькие струйки какой-то жидкости.

Эффект от ее действия был потрясающим. Жидкость почти мгновенно растворила все: одежду, пластиковую фурнитуру, окровавленные бинты и космодромную грязь. Прямо на глазах осветлились, а потом вдруг исчезли свалявшиеся волосы и отросшая щетина на впалых щеках сержанта. Еще немного, и под тонкими струйками бьющей под напором жидкости осталось лежать два абсолютно голых, лишенных всякого волосяного покрова тела…

— Процедура дезинфекции завершена, — сообщил, раздавшись из-под свода помещения, мягкий, вкрадчивый голос компьютера. — Приступаю к сбору данных. Начат процесс медицинского сканирования.

От ячеистого потолка внезапно отделились, опускаясь на телескопических штангах, два серпообразных сегмента. Дойдя до камер, они вдруг засияли, испуская ровное зеленоватое свечение, и поползли от лысых макушек пациентов к их ногам.

На терминале медицинского компьютера осветилось несколько экранов, и по приборам забегали цепочки контрольных огней.

Сканеры еще не успели доползти до колен сержанта, а в его шею уже впилось несколько инъекторов, впрыскивая в кровь какие-то растворы.

— Пошли, — Николай повернулся, взглянув на четверых человек, которые, не отрываясь, следили за действиями сканеров. — Я думаю, здесь больше нечего делать, — произнес он. — Гораздо разумнее будет увести корабль от греха, пока ваш крейсер не совершил посадку.

Командир отряда, тот самый человек в пропоротом скафандре, который обладал поразившим Николая голосом, коротко кивнул.

— Куда?

— В рубку, — спокойно ответил Николай, не отведя взгляда. — Там есть аварийный запас, можно будет сменить одежду, не отрываясь от дела, — пояснил он. — Там и познакомимся.

* * *

В рубке управления их ждали Фрамер и Черч.

Доктор поспешно встал с кресла, растерянно глядя на вошедших, Черч поначалу ощетинился, но, заметив спокойствие Николая и Ваби, вновь улегся на пол, не сводя глаз с фигур в разодранной броне.

— Утилизатор вот, — Николай откинул крышку, обнажив узкую горловину приемника отходов. — Знакомьтесь — это доктор Фрамер из персонала Везелвула. Я буду поднимать корабль, — проговорил он, занимая кресло.

— Александра Эйзиз… — скупо представился командир, снимая шлем, из-под которого на посеченную осколками броню скафандра вдруг хлынул каскад русых волос.

Единственным звуком в наступившей после этого гробовой тишине был сдавленный стон Ваби.

Все невольно обернулись. Карлик застыл как вкопанный, словно его пригвоздили к месту. Выкаченные из орбит глаза маленького мутанта смотрели на внезапно представшую перед ним женщину с немым, безоговорочным обожанием. Он был сражен и не пытался скрыть это.

— Один готов… — с добродушной усмешкой констатировал Линкс, снимая гермошлем.

Ваби стрельнул в него взглядом, но короткий ежик седых волос командира «Геракла» Дерека Линкса не возбудил в нем ровным счетом никаких эмоций.

Обстановка внезапно разрядилась, словно что-то вдруг неуловимо сблизило их.

— Ну а как тебе вот это, малыш? — устало улыбнулся Рорих (что

само по себе, для тех, кто его знал, являлось событием), снимая гермошлем, под которым вместо нормальных волос в свете плафонов сверкнула металлическая пластина черепной коробки в оправе из вживленных контактных разъемов. — Мы с тобой чем-то похожи, да? — мрачно пошутил он, стягивая скафандр.

Ваби воспринял все за чистую монету. Криво улыбнувшись, он кивнул и вновь уставился на Сашу, которая уже стянула с себя посеченную броню, оставшись в пропахшем потом облегающем комбинезоне.

Фон Риттер не мог терять время на созерцание этих любопытных сцен. Внимание Николая внезапно привлек отчетливый сигнал, появившийся на радаре.

— Фрайг… — тихо выругался он. — Цепляйтесь, кто за что может! У нас гости! Я стартую!

В потемневших небесах Везелвула вновь разгорался адский огонь — это получивший серьезные повреждения брони «Громовержец» садился, продираясь сквозь клубящуюся атмосферу негостеприимного мира, который ему предстояло выжечь в ближайшие же планетарные сутки…

* * *

Ночь отступала. Она больше не была властна над серым типовым городком и раскинувшимся вокруг него космопортом.

Сюда вновь пришли люди.

Огромный космический корабль гордо возвышался над стеклобетоном посадочных площадок, он царил над опустевшим городом, освещая засыпанные мусором улицы, — страшный, пугающий десятками открытых орудийных портов, рассеивающий сумрак везелвульской ночи ослепительными лучами прожекторов, которые издалека походили на сеть, наброшенную великаном на разоренное поселение людей.

Средь опустевших, покинутых домов несколько минут назад отгремели редкие одиночные выстрелы, и опять все стихло.

Капитан Спаркс, стоя в обзорном блистере тридцатой палубы, поднял руку с зажатым в ней мобильным коммуникатором.

— Лейтенант Лозинский?

— Да, сэр! — немедленно отозвалось переговорное устройство.

— Докладывайте.

— Штурмовые группы закончили прочесывание, сэр! Ликвидированы две разрозненные группы мутантов. Никого из персонала не обнаружено. Выживших не осталось. Город чист, сэр!

— Отлично, лейтенант. Стройте личный состав крейсера.

— Где прикажете осуществить построение?
— На улице. Прямо перед кораблем.
— Будет исполнено.

Спаркс опустил коммуникатор и немного повременил, глядя, как под аккомпанемент сигналов из-под днища огромного корабля начинают выбегать крошечные фигурки людей, которые тут же начинали строиться, образуя каре.

— Дежурный! — вызвал капитан, переключив канал коммуникатора.
— Да, сэр? Дежурный по рубке на связи!
— Вы осмотрели старто-посадочные поля?
— Так точно! Шаттл сгорел. Никаких признаков выживших!
— Они могли бежать?
— Не думаю, сэр! Далеко бы они не ушли — оперативное кольцо вокруг города замкнулось, когда машина еще горела!
— Хорошо, свободен.

Капитан Спаркс кивнул застывшему неподалеку адъютанту и неторопливой, уверенной походкой пошел к дверям межпалубного лифта. Он начинал понемногу осваиваться на корабле.

На улице опять началась метель.

Ровные шеренги одетых в форму военно-космических сил людей стояли не шелохнувшись на ледяном ветру, наблюдая, как их командир, в такой же легкой полетной форме, с непокрытой головой, вышел из шлюза, медленно спустился по выдвинутому трапу и застыл перед строем.

Окинув долгим пристальным взглядом окаменевшие шеренги, покрасневшие лица экипажа, которые сек мелкий, колючий снег, капитан вдруг заговорил твердым, усиленным небольшим приборчиком голосом:

— Солдаты! — Это слово прогремело над импровизированным плацем, метнувшись затравленным эхом меж стабилизационных закрылков гигантского корабля. — Сегодня мы провели плохую операцию. Из-за трусости офицера звена Альфа, лейтенанта Джона Говарда, погиб его ведомый Лайза Бертецци… — капитан умолк, выдерживая сознательную паузу, а потом заговорил опять, исподлобья глядя на строй. Руки Спаркса при этом оставались заложены за спину. — Второй ведомый Говарда, сержант Иволгин, не вступил в бой из-за собственного малодушия и отсутствия четких команд со стороны ведущего. Он будет расстрелян.

Последняя фраза заставила побледнеть раскрасневшиеся от мороза и ветра лица экипажа. По шеренгам пробежал глухой, едва различимый ропот, который тут же стих под тяжелым взглядом капитана Спаркса, по обе стороны от которого, словно каменные изваяния, застыли старшие

офицеры корабля.

— По приказу командования мы должны очистить Везелвул от всякой угнездившейся тут нечисти, которая мешает преображать планету, — жестко констатировал Спаркс, продолжая сверлить взглядом притихший строй. — Те из вас, кто не считает себя способным выполнять мои приказы, могут сделать шаг вперед сейчас, потому как я, — он подчеркнул интонацией последнее слово, — я лично расстреляю каждого, кто посмеет ослушаться приказа или проявит малодушие.

Строй молчал, немой как могила.

Выждав для верности еще несколько секунд, в течение которых только ветер завывал над импровизированным плацем, он повернулся и зашагал к шлюзу «Громовержца».

— Командирам развести личный состав по боевым постам, — произнес он в коммуникатор, ступив на трап. — Мы начинаем операцию по зачистке Везелвула!

Сорок километров южнее космопорта. Борт «Новы»

— Итак, ты хочешь сказать, что мы не в состоянии немедленно совершить гиперсферный прыжок? — Александра Эйзиз, прищурясь, смотрела на Николая.

— Извини, но я не могу прыгать выше собственной задницы, — ответил Николай, с каждой секундой раздражаясь все больше и больше. Ему не нравилась манера этих людей выражать благодарность за собственное спасение. — У меня нет командных кодов для программирования гиперсферного компьютера, — заставив себя успокоиться, пояснил он. — Необходимо время, чтобы разобраться в нем.

Уловив возникшее в рубке напряжение, Черч привстал со своего места. Пес стоял, не делая больше никаких телодвижений, но его напряженная поза свидетельствовала о том, что он готов прыгнуть в любую секунду.

— Интересно, почему у тебя нет кодов управления собственным кораблем? — упрямо допытывалась Саша. Все это казалось ей слишком уж подозрительным, чтобы оставаться без внимания с ее стороны.

— Это не мой корабль, — недовольно пояснил Николай, садясь за консоль программатора. — Что вы от меня хотите? — внезапно обернувшись вместе с креслом, спросил он. — Я прошу всего лишь немного времени, чтобы разобраться в компьютере, понятно?

Эйзиз недобро прищурилась.

— Кто ты такой? — спросила она.

— Человек…

Взгляд Саши переместился на дока. Ее слишком много раз предавали за прошедшие сутки, чтобы она сохранила в душе хоть каплю понятия о презумпции невиновности.

— Доктор Фрамер, может быть, вы просветите нас по поводу того, в какое полымя мы попали, вырвавшись из огня?

Гентри выглядел расстроенным и подавленным.

— Я не знаю… — покосившись на фон Риттера, ответил док. — Николай спас меня в космопорте Везелвула. Он… Он хороший человек, уверяю вас, хоть и заключенный, но какое это имеет…

— Заключенный? — прервало его сбивчивый монолог удивленное восклицание Линкса. — Николай, ты преступник?

Его нездоровый интерес показался фон Риттеру оскорбительным.

— Нет, — коротко ответил он, продолжая что-то набирать на клавиатуре. — Я военнопленный. Наемник, понимаешь?.. — он с досадой бросил свое занятие, чувствуя, что, пребывая в таком раздражении, не сможет здраво общаться с коварными программами защиты. — А вы вообще кого здесь ожидали встретить? Сказочного принца? Повторяю, меня зовут Николай фон Риттер, я наемник, моя родина — планета Ганио, а в плен я попал в бессознательном состоянии, на том самом долбаном Омнабиусе, где защищал здание нанявшей меня корпорации «Индосистемз»!.. Еще вопросы есть?

— Есть! — хрипло заявил Андрей. Его лицо побледнело еще больше обычного. — Как ты мог продаться этим тварям? — внезапно, безо всякого перехода и логического вступления спросил он. — Ты наемник?! Ты имеешь хоть какое-то понятие о чести? — Глаза Андрея яростно сверкнули. — Или ты не знал, что работаешь на тех, кто отравил половину окраины ДЗЕТом?!

При этих словах он сделал шаг вперед, неловко припав на искусственную ногу.

Николай встал с кресла, тоже смертельно побледнев.

— Я знаю о чести наемника побольше твоего, понял?! — задержав дыхание, чтоб хоть немного успокоиться, ответил он.

При этих словах Николая Ваби, выхватив клинок, внезапно вынырнул из-под локтя фон Риттера и застыл, заслонив его от остальных. Глаза карлика, в которых читалась нескрываемая мука, остановились на Саше.

Ясно, что он страдал от этой внезапной ссоры. Раздвоение личности, когда требования долга внезапно начали вступать в открытый конфликт с

чувствами, явилось непосильной нагрузкой для его интеллекта.

Заметив это, Николай мягко отстранил Ваби, выйдя тем самым на середину рубки, и произнес, впечатывая каждое слово во внезапно наступившую тишину:

— Если бы мы встретились в других условиях, я бы убил тебя за нанесенное оскорбление, — отчеканил он, обращаясь к Андрею. — Но сейчас я не стану ничего делать. Я в состоянии дать ответ на все ваши вопросы, но не сомневайтесь, после этого я заставлю отвечать за свои слова каждого из вас по отдельности или всех вместе, как угодно.

С этими словами он склонился к панели бортового компьютера и включил на воспроизведение ту самую запись, что смотрел несколько часов назад, едва попав на борт «Новы».

— Здесь ответ на вопрос о том, кто из нас продажный ублюдок, — резко произнес он, отжимая клавишу. — Если сомневаетесь в подлинности записи, то можете сходить взглянуть на лица двух трупов, что торчат из снега у северной стены, но предупреждаю — у одного из них не хватает глаза, его пришлось вырезать, чтобы обмануть сканер и попасть на борт «Новы». Пошли, Ваби! — приказал он, обращаясь к карлику. — Мы будем в секции гипердрайва, если кому-то захочется обсудить увиденное… — уже едва сдерживая душившую его ярость, предупредил он.

Двери рубки закрылись за его спиной с тихим мелодичным звоном.

На большом мониторе уже шло воспроизведение записи…

— «Хелло, Майкл!» — Чья-то тень мелькнула на срезе экрана…

* * *

— Пусти, Саша, я пойду сам! — Андрей Звягинцев отстранил Эйзиз от дверей. — Это мое дело, — командир!

— Ну хорошо, я подожду…

Андрей, сильно прихрамывая, скрылся за дверями, где начинался короткий коридор, ведущий в машинную часть корабля.

Саша осталась одна.

Сейчас все, что произошло с ней за последние сутки, виделось почему-то как в тумане, словно это происходило не с ней, а с какой-то совершенно другой женщиной.

После просмотра видеозаписи все встало на свои места… Казалось бы, она должна чувствовать себя совершенно убитой и обманутой, но, как ни странно, Саша не испытывала ни одного из этих чувств. Просто пелена недосказанности упала с ее глаз, обнажив истинные причины всего происходящего…

«Генезис»… — это слово не зря скрипело на ее зубах. Продажные твари…

Она вдруг поняла, как это было важно для всей группы — ошибиться в оценке Николая.

В сознании Эйзиз это был луч света посреди кромешной тьмы. То маленькое событие, которое вдруг позволяет вырваться из порочного круга предательства и смерти, чтобы взглянуть на мир чуть-чуть по-другому.

Она вспомнила его лицо и поняла, что чувствует самую обыкновенную человеческую симпатию к Николаю. И к Ваби, как ни странно, потому что они казались похожи друг на друга — наемник и маленький мутант, — оба говорили именно то, что думали. А еще больше делали…

«Нет, Андрей, это не только твое дело… — внезапно подумала она, опуская к губам крохотный микрофон коммуникатора. — Это НАШЕ дело».

— Эй, Линкс, Рорих, чем вы там заняты? — негромко спросила она.

— Идем к тебе… — раздался совсем рядом негромкий голос Дерека, вслед за которым из-за ответвления коридора появился он сам в сопровождении Железной Башки. — Мы с Эрни решили, что будет неплохо, если принести Николаю коллективное извинение, — пояснил свое появление Линкс и добавил без своей обычной усмешки: — Он оказался стоящим мужиком, а мы повели себя как последние зашуганные новобранцы… Верно, Эрни?

Рорих угрюмо кивнул. Похоже, что его мысли уже витали где-то в стороне от межличностных проблем.

— Да, я думаю, что смогу расколоть бортовой компьютер на сотрудничество, — произнес он, отвечая скорее собственным мыслям, чем Линксу. — Пошли, что топтаться в коридоре.

* * *

Говоря откровенно, Николай совершенно не представлял, что делать с этим упрямым навигационным блоком компьютера, который отвечал за прокладку гиперсферного курса. Это оказалось одной из тех задач в области прикладного программирования, которая по плечу хакеру со стажем, но никак не фон Риттеру, который еще мог поломать пару стандартных паролей заводской системы, но не более того…

В данный момент он оказался занят тем, что, сняв один из кожухов генераторов низкочастотного поля, пытался отследить в толстом жгуте проводки те кабели, что вели к проклятому блоку. Отключив его от

управления генераторами, можно было попробовать подсоединить на его место другой, более сговорчивый компьютер. Конечно, при этом огромные базы навигационных данных оказались бы утеряны для управления, но Николай знал координаты гиперсферного маяка планеты Ганио с точностью до десятой цифры, и этого, как ему казалось, должно было хватить для грубого расчета.

«Главное — вырваться отсюда, уйти подальше от Окраины, — мысленно твердил он сам себе, ковыряясь в проводке. — В конце концов, оказавшись поблизости от обитаемых планет Центра, можно выйти в нормальный космос и послать сигнал бедствия…»

Упрямые провода никак не хотели отдавать свой секрет. Толстый жгут вмещал в себя около полусотни различных кабелей, и Николай лишь впустую терял время.

За этим занятием его и застал Андрей.

…Войдя в машинный отсек, Звягинцев прищурился, попав с яркого света в мягкий полумрак.

Сидящий на корточках перед вскрытым генератором Николай поднял голову.

Андрей, дождавшись, пока зрение свыкнется с полумраком машинного зала и перед глазами перестанут мельтешить радужные пятна, дохромал до снятого кожуха и уселся на него, болезненно вытянув искусственную ногу.

— Барахлит? — сочувственно, без тени злобы и обиды спросил фон Риттер.

— Да нет… Не могу освоиться, — поморщившись, ответил Андрей. — Не уживаются две ноги вместе, все никак им не скоординироваться…

Ваби, как верный телохранитель, застыл за спиной Николая, с шумом втягивая воздух машинного отсека, в котором витали различные незнакомые ему запахи, с глухим ворчанием отошел в сторону. Ему уже начало надоедать томительное ожидание, и карлику хотелось покинуть узкие и тесные помещения корабля. В конце концов, отсеки звездолета имели слишком мало общего с бескрайними пространствами радиоактивных болот, где он родился и вырос…

— Вот что, Николай… — внезапно произнес Андрей. — Ты должен извинить меня… и всех нас…

Фон Риттер не ответил, доставая сигареты, запас которых он обнаружил в одном из отсеков «Новы».

— Вы просмотрели запись? — спросил он, прикуривая и протягивая

распечатанную пачку Андрею.

Тот молча кивнул.

— Все оказалось слишком просто… и бесчеловечно… — с трудом выговорил он. — Это еще надо понять… свыкнуться с настоящим положением вещей, как с протезом. — Фон Риттеру показалось, что голос Андрея чуть дрогнул.

— Мы все работали на корпорацию, которая провозглашала себя единственным гарантом каких-то законов средь царящего на Окраине хаоса, а выходит… — он умолк, лишь горестно махнув рукой с зажатой между пальцами сигаретой.

— Я шел на огонь, там, на треклятом Омнабиусе, справедливо полагая, что должен раздавить паучье гнездо производителей ДЗЕТа… Я видел, что этот наркотик делает с людьми. А что оказалось? — вдруг гневно спросил он. — Я потерял ногу, устраняя с пути главного производителя наркотика его мелких конкурентов?!

— Выходит, что так, — согласился Николай. — Я тоже защищал «Индосистемз» не по личным убеждениям… — вздохнул он. — Андрей, можешь мне поверить, что запись разговора бывших хозяев «Новы» была для меня таким же откровением, как и для твоей группы… Наемники, одним словом…

— Кто тут говорит про наемников? — внезапно раздался голос Саши Эйзиз, услышав который, Ваби радостно осклабился, метнув на Ледышку взгляд, полный откровенного обожания.

— Я говорю, что все мы были слепыми исполнителями, марионетками, которых за ниточки дергали разные подонки, — объяснил Николай свою мысль, взглянув на вошедших в зал Сашу, Рориха и Линкса. — И как закономерный итог — вот мы тут, на этой чертовой планете, так или иначе приговоренные к одному концу.

— Зато теперь все встало на свои места, Николай, — возразила она, присаживаясь рядом с Андреем. — Я согласна, мы тоже выполняли поганую работу, сначала утверждая власть «Генезиса» над мирами Окраины, потом транспортируя сюда Си-Эй-16 для поддержания в этих гнилых болотах реакций синтеза сетрония, но теперь-то что нас связывает с этими ублюдками, независимо от того, как они именуются — «Генезис», «Индосистемз» или еще как-нибудь?

— Близок локоток, да не укусишь… — зло ответил Николай, который уже обдумывал данную проблему. — Сдохнуть тут, Саша, на удовольствие твоим или моим бывшим боссам, по моему мнению, не великая заслуга.

— А кто сказал, что у нас один путь — в могилу? — спросил Рорих.

— А этот крейсер? — напомнил ему Николай. — Линкс же вполне конкретно сообщил мне, по чью душу послан корабль.

— Нас нет, — отрезала Саша — Везелвул велик, и даже если они догадываются, что кто-то выжил, то, уверяю тебя — они понятия не имеют, где искать… У «Громовержца» серьезно повреждена броня, и корабль на несколько суток прикован к планете. За это время мы должны найти способ, как убраться отсюда на твоем корабле, фон Риттер.

— Я согласен с этим, — не задумываясь, ответил Николай. — Проблема в навигационном компьютере и еще в том, что делать дальше.

— Компьютер я возьму на себя, — подал голос Рорих. — Думаю, что смогу сломать его защиту.

— А я точно знаю, чем займусь после… — недобро прищурилась Эйзиз.

— И чем же?

— «Генезисом». Я убью Итема… — отрезала Саша.

— Это не изменит положение дел, — усмехнулся фон Риттер. — Свято место пусто не бывает.

— Это мой долг, — упрямо отрезала она.

— Ладно, — подал голос Линкс — Я думаю, что для начала нужно покинуть Везелвул, желательно в направлении Центра, а уж потом решим, кому какой дорожкой идти дальше, — он поднял взгляд на фон Риттера. — Николай, ты примешь нас на борту «Новы»?

— Без проблем. Это можно было и не обсуждать.

— Тогда нужно заняться делом. Есть тут на корабле что-нибудь, способное выполнять функции тактического отсека?

Николай кивнул.

— Пошли, — пригласил он, водворяя на место кожух низкочастотного генератора.

…Через несколько минут в салоне, который, по замыслу дизайнеров и инженеров «Новы», выполнял информационно-развлекательную функцию, состоялось их первое совещание.

Никто не обсуждал формирования боевой группы, не было больше ни дебатов, ни косых взглядов, ни каких-то назначений.

На радость злой судьбе, зашвырнувшей их в туманный, промерзший и насквозь отравленный мир, эти люди оказались способны принять друг друга.

— Они обязательно будут искать нас, — спокойно заявила Саша, склонясь над плоской матовой столешницей низкого прямоугольного стола со скругленными углами.

Рорих, который в этот момент изучал появившиеся на активированном терминале компьютера надписи, нажал несколько клавиш, и в воздухе над плоскостью стола внезапно возникло голографическое изображение той местности, где совершил посадку их корабль.

— Сканеры «Новы» работают в режиме реального времени. Они будут вносить в карту все изменения, — сообщил он, повернувшись к выходу.

— Ты куда? — встрепенулся Линкс, склонившийся было над картой.

— Пойду, потолкую с центральным процессором. Нам нужно взлетать.

— И чем скорее, тем лучше, — поморщившись, добавила Эйзиз, которую совсем не вдохновил ни старый форт, ни прилегающая к нему местность. — Эрни, ты можешь сказать, сколько тебе потребуется времени?

— Нет… — покачал головой Рорих. — Быть может, час, а может, и несколько суток. Это уж как пойдет… — пожал плечами он.

— Ясно. На Шииста надейся, а жабоклюва привязывай… — с мрачной иронией изрек фон Риттер. — Придется готовить форт…

— Для чего? — поинтересовался Линкс.

— Для отражения внезапной атаки, если она последует, — спокойно пояснил Николай. — Пока Эрни колдует над компьютером, мы не можем сидеть сложа руки. Если нас все же обнаружат, то мы должны дать хоть какой-то отпор. Возможно, несколько минут в конечном итоге спасут наши жизни.

— Ну а дальше? — подал голос Андрей. — Неужели мы улетим, и все вернется на круги своя?

— Не вернется… — мрачно уверила его Саша, опять склоняясь над картой. — Одной этой записи в придачу к Ваби хватит для того, чтобы разжечь вокруг «Генезиса» хороший скандал. Есть на борту какой-нибудь боезапас? — спросила она, обернувшись к Николаю.

— Есть… — мрачно ответил фон Риттер, продемонстрировав подобранный на улице возле трупа автоматический пистолет. — Больше ничего, за исключением коллекции холодного оружия… — разведя руками, добавил он.

Эйзиз не поверила своим ушам. Это была самая неприятная новость, какую она услышала за последние полчаса.

— Ты хочешь сказать… — слегка побледнев, начала она.

— Что это обыкновенный частный космический корабль, только что сошедший с конвейера. Он чист в плане оружия и разных незаконных технических наворотов. Просто очень дорогая, серийная модель.

— И ты сунулся на нем за нами? Безоружный? — Саша подняла голову, но, нарвавшись на взгляд Николая, осеклась. — Извини.

— Ничего. Все нормально, — казалось, что фон Риттер не обратил внимания на прозвучавшее в ее голосе сомнение. — Сработаемся…

Наблюдавший эту сцену Дерек, помрачнев, повернулся к Ваби, который с детским восторгом и изумлением созерцал голограмму, пытаясь ухватить масштабированное изображение «Новы». Рука карлика свободно проходила сквозь воздух.

— Что ж, брат, придется мне учиться метать ножи… — с плохо скрытым раздражением произнес он.

Ваби, оставив свои тщетные попытки отломать хвостовой стабилизатор «Новы», вопросительно поднял голову.

— Оружия-то нет… — специально для него пояснил Линкс. — Будем душить врага голыми руками…

По тону Дерека было ясно, что он думает об их шансах остаться в живых. Если приборы «Громовержца» обнаружат «Нову» раньше, чем Рорих уломает бортовой компьютер на гиперсферный прыжок, — то им каюк… Это казалось столь очевидным, что не требовало никаких дополнительных пояснений.

— Черт, знать бы… — расстроенно произнес Андрей. — Могли бы поискать в космопорте…

Ваби, голова которого поворачивалась то в одну, то в другую сторону, в зависимости от того, кто из присутствующих говорил, внезапно перевел взгляд на мрачное лицо Саши Эйзиз.

Набравшись смелости, он внезапно подошел к ней и взял за руку.

Хватка карлика оказалась железной. На счастье, Ваби ухватился за живую руку, а не за протез. Брови Саши удивленно поползли вверх.

— Эй, ты что, малыш? — она явно не знала, как ей реагировать на происходящее.

— Идти! — отрывисто произнес маленький мутант.

— Куда?

Ваби обернулся, свободной рукой уверенно ткнув в недра голографического изображения старого форта.

— Сюда, — пояснил он. — Ваби покажет!

— Что он хочет нам показать?! — не выдержав столь лаконичных объяснений, спросил Линкс.

— Ему можно верить, Дерек, — ответил фон Риттер, который уже имел случай убедиться, что карлик гораздо более умен и сообразителен, чем то могло показаться по его наружности и коротким отрывистым

фразам. — Ваби, ты хочешь показать нам оружие? — спросил он.

Маленький мутант энергично кивнул. Не отпуская Сашиной руки, он неуловимым молниеносным движением выхватил обоюдоострый метательный клинок.

— Вот! — Глаза Ваби мечтательно закатились. — Много. Внизу!

— Я же сказал, что не умею метать ножи, — раздраженно отмахнулся Линкс.

— Остынь, Дерек, — оборвала его Эйзиз, заметив, как потемнели глаза их маленького товарища. — Не суди опрометчиво. Давай, Ваби, пошли. Покажешь свое потайное место.

— Все пойдем? — вставая, спросил Андрей.

— Думаю, что стоит держаться вместе. Если выжил Ваби, то могли уцелеть и другие… менее разумные экземпляры, — ответил Николай. — Рорих пусть занимается своим делом, а мы осмотрим форт.

— А Фрамер? — спросил Линкс.

Николай внезапно вспомнил про доктора, который незаметно остался не у дел. «Очевидно, он так и сидит в рубке, не зная, куда деваться от сомнений и собственной бесполезности».

— Думаю, на поверхности от него будет немного толку, — предположила Саша.

— Естественно, — подтвердил Николай. — Лучше отослать его в медицинский модуль, пусть присмотрит за ранеными, — предложил он. — Автоматика, это, конечно, хорошо, но за ней тоже нужен контроль.

— Отлично. Тогда вызывай дока и пошли. Посмотрим на оружейный склад Ваби.

Линкс, который остался в меньшинстве, по обыкновению покачал головой.

— Ни хрена там не будет, — пробурчал он себе под нос, последним покидая салон. — В лучшем случае какой-нибудь трухлявый ящик со ржавыми столовыми ножами…

Ему повезло, что говорил он тихо и обращался сам к себе.

Глава 11

Комплекс зданий старой колониальной тюрьмы Везелвула

— Что это было? — спросила Саша, останавливаясь в уже известном Николаю проломе. — Прииск по добыче редкоземельных элементов? Или просто очистные сооружения?

— Вероятно, и то и другое, — ответил фон Риттер, подойдя к ней и жестом привлекая внимание Эйзиз сначала к мрачным серым коробкам типовых бараков, а потом к широкому забетонированному промежутку меж двух высоких отвесных стен. — Это именно то, что в тюрьмах называют периметром охраны, — пояснил он назначение широкой бетонной полосы между двух стен. — Тут раньше патрулировали часовые, — добавил он. — А те здания — это бараки заключенных, административный комплекс и несколько криогенных залов. Вот те ржавые емкости, наверное, содержали отравленную субстанцию болот, а открытые бассейны, видимо, служили для ее выпаривания и постепенной дезактивации.

— Почему же тогда этот форт забросили? — удивился Линкс, встревая в их разговор.

— Я считаю, что его не забросили, а законсервировали, — возразил ему Николай. — Просто Везелвул такое место, где без должного присмотра все очень быстро ветшает. Тут кругом агрессивная среда, разные химические соединения, радиоактивные элементы, ядовитые газы плюс постоянная высокая влажность от болот. Гиблые места. Чистую атмосферу можно поддерживать только там, где есть достаточно процессоров по ее переработке, а тут, как видишь, — только один. — Николай кивнул в сторону мрачной усеченной пирамиды, что немой темной глыбой застыла неподалеку от форта. — Да и тот давно не работает, — добавил он.

— Мрачноватое местечко… — высказал свое мнение хромавший позади всех Андрей. Войдя в пролом, он окинул долгим взглядом отвесные серые стены, обледеневшую бетонную дорогу меж ними и нависающие над ней башни периметра, амбразуры которых были направлены в равной степени как наружу, так и вовнутрь комплекса.

Ваби, который ушел вперед, уже махал им, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу около дверей одного из административных зданий.

— Пошли… — сказала Саша, дождавшись, пока Андрей немного отдышится.

— Николай, а ты говорил, что там жили люди и мутанты… —

напомнил фон Риттеру Линкс. — Ну, семья Ваби… Как ты думаешь, кто они были?

— Бежавшие заключенные, — не задумываясь, ответил Николай, у которого уже сложилось на этот счет определенное мнение. — Не забывай, что планету начали расчищать и осваивать несколько веков назад, еще в период Конфедерации солнц. Тогда, наверное, и построили эту тюрьму. Потом, когда начался Эригонский кризис, работы свернули, форт законсервировали, но я не уверен, вывезли ли тогда отсюда людей… — невесело заключил он. — Трудно судить о том, чего не знаешь наверняка, но думаю, что тюрьмы здесь охранялись лишь поначалу, а потом на вопрос охраны перестали обращать должное внимание.

— Некуда бежать? Я правильно понял?

Николай кивнул.

Действительно, кругом, насколько хватало глаз, в туманной дымке занимающегося серого утра лежали бескрайние просторы ядовитых болот.

Слушая Николая, Саша невольно поразилась мужественному отчаянию тех людей, которые решались на побег. Жизнь в болотах, должно быть, — сущий ад.

— Голубокожие, — внезапно произнесла она. — Вы заметили, что мутанты Везелвула имеют этот ярко выраженный признак тех выродков, что являются бичом орбитальных комплексов?! Какая тут может быть связь?!

— Сетроний… — сквозь зубы процедил Андрей. — Наркотик. Это один из признаков сильной зависимости.

— Выходит, что на орбитальных промышленных комплексах… — Линкс не закончил свою мысль, внезапно остановившись. Его щеки слегка побледнели.

— Да, Дерек, выходит, что там этого зелья — завались, — подтвердила его догадку Эйзиз. — И заметь — в основном на заводах «Генезиса».

— Дерьмо… — не выдержав, выругался Дерек. — Подумаешь, голова идет кругом. Беспредел, — он сплюнул на мерзлую землю.

— Нет. Это хуже, чем беспредел. Это рабство, геноцид, система насильственной концентрации целых обществ… — негромко дополнил его мысль Николай. — Теперь понятно, что такое мир Окраины, где нам посчастливилось жить?

Линкс только покачал головой. Ему нечего было сказать, лишь горечь тошнотворным комком скапливалась где-то у горла.

Он жил в этом мире, он защищал его, он являлся исправным винтиком

огромной порочной машины, которая, медленно уничтожая тысячи, миллионы людей, давала неограниченную власть горстке избранных.

Николай прав, это был геноцид. Геноцид против человечества, развязанный наглыми, потерявшими всякий страх подонками…

В сознании Дерека все больше и больше крепла одна здравая, но совсем не соответствующая его недавнему образу мышления мысль.

Его командир, как всегда, оказалась намного честнее и справедливее в своих чувствах.

«Они не имеют права жить…» — вот та мысль, которая, словно навязчивая мелодия, билась, прокручиваясь вновь и вновь в сознании бывшего командира «Геракла», пока он вместе с остальными пересекал покрытый подтаявшей ледяной коркой внутренний двор старой колониальной тюрьмы.

* * *

Здание, куда завел их Ваби, оказалось старым ангаром для планетарной техники.

Самой техники уже давно не было в пустых боксах — за створами покосившихся ворот гнездились лишь пустота и мрак, лишь какие-то ржавые детали, присутствующие на расположенных вдоль стен стеллажах, кучи промасленной ветоши да куски пластиковых листов со схемами механизмов — это были все свидетельства былой жизни данных помещений.

Они ступили в вязкий мрак, взрезая тьму лучами закрепленных на скафандрах фонарей. Внутренние коммуникации здания состояли из системы пологих пандусов, предназначенных для передвижения машин. Некоторые из них уходили вверх, на второй этаж, а несколько наклонных дорог вели вниз, в подвальную часть комплекса.

Ваби повел небольшой отряд вниз.

Как оказалось, подземная часть сооружения была намного объемнее, чем можно было предположить, глядя на длинный двухэтажный барак.

— Ого… Да тут целый подземный город… — присвистнул Андрей, глядя, как луч фонаря высвечивает из тьмы покрытые замысловатыми разводами изморози арочные своды. Он повернул голову, осветив мощные бетонные стены, монолитно соединяющиеся с полом, образуя своеобразную коробку.

— Ну естественно… — пробурчал Линкс, озираясь вокруг. — Мы же на болотах. Тут под всем фортом должен находиться очень мощный фундамент. Что-то типа огромного кессона, — добавил он, продолжая

скользить лучом фонаря по стенам, — иначе тут было бы воды по самую маковку.

Николай присел, осветив пол.

— Сухо, — констатировал он.

— Здесь! Идти! — раздался из кромешной тьмы голос Ваби. Как он ориентировался в полном мраке, для всех оставалось загадкой.

Из черноты, поскуливая, вынырнул Черч. Очевидно, ему не нравилось подземелье с его запахами. По крайней мере, пес по каким-то причинам покинул Ваби и вернулся назад, демонстративно прижавшись к ноге фон Риттера.

Николай и Саша обменялись быстрыми взглядами. Оба прекрасно поняли друг друга. Достав автоматический пистолет, фон Риттер осторожно пошел в ту сторону, откуда доносился призыв маленького мутанта. Черч упрямо не хотел следовать за ним. Чихая и фыркая, он недоуменно крутился на одном месте, стараясь оставаться в освещенном фонарями пространстве.

Эйзиз, активировав импульсную винтовку, пошла чуть левее, под соседний арочный свод, прикрывая Николая сзади.

Андрей и Линкс двинулись следом, стараясь осветить как можно большее пространство, так что мрак заметно отступил, прячась за подпирающими свод колоннами.

Огромное пустое помещение, несомненно, использовалось в прошлом как подземный ангар для техники, о чем неоспоримо свидетельствовали уходящие вверх через равные промежутки пологие пандусы.

Отряд прошел уже достаточно много, чтобы выйти из-под комплекса мастерских, через которые они проникли в подземелье, так что ведущие вверх наклонные плоскости должны были иметь иные, самостоятельные выходы на поверхность.

Проходя мимо такого ответвления, Саша чуть задержалась, посветив фонарем вдоль пандуса.

Наклонный тоннель оказался коротким — всего около двадцати — двадцати пяти метров — и оканчивался плотно сомкнутыми массивными воротами, на обеих створах которых имелись покрытые инеем винтовые запоры, как в противоядерных убежищах…

— Все это здорово смахивает на бункер… — произнесла Эйзиз, возобновляя движение.

Они шли уже довольно долго, а анфилада следовавших одна за другой подпирающих свод арок все не кончалась.

Николай остановился, откинул забрало гермошлема и негромко

позвал:

— Ваби!

— Здесь! Ждать! — раздалось в ответ, и фон Риттер понял, что голос карлика доносит эхо.

Наконец в рассеянном свете фонарей показались задняя стена подземного ангара и застывшая возле нее тень.

Ваби, пританцовывая от нетерпения и холода, который излучали выстывшие бетонные стены, ожидал их у небольшой уродливой пробоины, рядом с которой возвышалась куча щебня.

Стена, где было проделано отверстие, не являлась последней. В ней располагались толстые бронированные ворота. Подойдя ближе, они смогли различить таблички указателей.

Это были склады.

Что таилось за бронированными створами, оставалось только гадать. Дыра, у которой их ожидал Ваби, явно была проделана уже после того, как люди окончательно покинули форт. Для этого использовалась взрывчатка. Стены, пол и потолок вокруг дыры носили следы давних взрывов. Куча щебня оказалась раздробленными кусками бетона. Оставшаяся в стене арматура, толщиной в палец взрослого человека, оказалась перепилена и разогнута в разные стороны.

Николай первым заглянул в отверстие, осветив помещение за стеной своим фонарем.

Луч разрезал мрак, выхватывая из него штабелированные вдоль стен пластиковые ящики, часть из которых была разломана и ограблена, и переместился дальше.

У фон Риттера внезапно перехватило дыхание, когда у дальней стены он различил смутные, тускло поблескивающие в рассеянном свете приземистые контуры.

Словно огромные пятиметровые изваяния застыли там, отсвечивая в луче фонаря холодным блеском покрытой изморозью керамлитовой брони.

— Да, Линкс, похоже, тут есть кое-что покруче ржавых кухонных ножей… — потрясенно произнес Николай, пролезая в дыру.

Когда весь отряд оказался в помещении склада, сомнений уже не оставалось — благодаря Ваби и неизвестному грабителю, что проломал стену в законсервированный склад, они смотрели на нечто необычайное.

Перед ними были продукты отживших несколько веков назад технологий, почти что артефакты, но тем не менее контуры застывших вдоль стены пятиметровых бронированных монстров вселяли невольный ужас и благоговение.

— Ванг Шиист! — изумленно выругался Линкс, глядя на поджатые ступоходы и тусклые скаты лобовой брони с узкими разрезами оптических триплексов. — Я сплю, или это настоящие боевые роботы?!

— Ты не спишь, Дерек… — Саша подошла к одной из машин и провела рукой в перчатке по броне ступохода, стирая иней. — Перед тобой печально известная патрульная модель «Фалангер-2000», образца тридцать шестого столетия.

— Ну конечно!.. — внезапно произнес фон Риттер, вспомнив широкий забетонированный промежуток меж стен форта. — Это они патрулировали периметр колониальной тюрьмы!

— Фрайг подери!.. Да этому цены нет!..

— Ошибаешься, Линкс, есть… — раздался в тишине голос Звягинцева. — У любой машины есть цена… Цена крови тех, кто начинал тут разработку болот еще при Конфедерации… Ты можешь вообразить, скольких человек положили они? Скольким отчаявшимся удалось вырваться из форта, чтобы их потомки мутировали в болотах? На этих машинах столько крови, что мне трудно вообразить…

— Именно поэтому их запретили к производству, — добавил Николай. — Но нам эта находка как нельзя кстати. Пока «Нова» не в состоянии выйти в космос, они могут стать гарантами нашей безопасности.

— Да, но как? — Линкс привстал на перевернутый ящик и подергал запорный механизм расположенного в днище робота люка. — Они мертвы, — обескураженно сообщил он. — Обесточены!..

— Не скажи… — Николай повернулся, чтобы луч его фонаря осветил полустертые инеем надписи на стене.

«БОКС НОМЕР 5. ПЛОЩАДКА КОНСЕРВАЦИИ»

— Они законсервированы, — поправил он Линкса. — А это очень разные понятия. Нужен источник стационарного питания для подзарядки внутренних накопителей энергии, и они оживут.

— Осторожнее, Николай!.. — предупредил Андрей. — Ты ведь не можешь отвечать за адекватность поведения этих монстров.

— Могу… — фон Риттер пододвинул пластиковый ящик и, встав на него, заглянул сквозь бронестекло триплекса вовнутрь. — Эта система предназначена для ручного управления. Они не полностью автоматизированы. Пилотом должен быть человек.

— Ерунда все это… — Линкс присел на непочатый контейнер, который, судя по предупреждающим надписям, таил в себе боезапас для автоматических пушек роботов. — Мы дольше провозимся с их активацией, чем получим от этого пользы. Давайте посмотрим, что тут есть

в ящиках, и уберемся отсюда. В конце концов, никто ведь не собирается всерьез воевать на этом треклятом Везелвуле?

Саша кивнула, соглашаясь с мнением Линкса.

— Думаю, что Дерек прав. Нам не стоит отрывать Рориха от дел. Пусть эти машины стоят тут…

Она вдруг осеклась, потому что пол, стены и свод подземелья ощутимо качнуло, так что с потолка посыпался, сверкая в лучах фонарей, иней.

— Что за черт?! — Линкс вскочил с ящика. — Нас бомбят, или это Эрни вздумал полетать?

* * *

Доктор Фрамер, получив распоряжение Николая, еще некоторое время сидел, не находя в себе сил встать и отправиться в медицинский модуль.

У него не осталось душевной и физической энергии даже на то, чтобы как следует разозлиться на фон Риттера за его безразличие к усталости других.

События последних часов виделись Гентри как пребывание в тяжком, нескончаемом кошмарном сне. Да, он воспринимал реальность именно так: урывками, смазанными кадрами чудовищной хроники… Это творилось не с ним, потому что доктор Фрамер такого выдержать попросту не мог.

Переход через ледяные пустоши отнял всю его энергию без остатка. И если он делал что-то после того, как без сил упал в промерзшей комнате старого форта, рядом с ужасной скульптурной группой, то совершал это исключительно под давлением…

Вот и сейчас… Он должен встать и идти… Наверное, Николай, как и эти странные, угрюмые люди, что появились на борту корабля, считают его таким же двужильным, как и они…

Гентри сидел в кресле, а его голова постепенно клонилась набок. Он засыпал с открытыми глазами…

Из забытья Фрамера вырвал резкий и неприятный звук.

Вздрогнув, он понял, что отключился. Еще не придя в себя, доктор в панике огляделся.

Рядом с ним, в соседнем кресле, сидел этот ужасный человек с металлической пластиной в голове. Как ни в чем не бывало, он, насвистывая, втыкал в свою черепную коробку подсоединенные к пульту управления «Новы» компьютерные кабели.

— Проснулись, доктор? — не оборачиваясь, спросил он, словно на его хромированном затылке имелись глаза.

Фрамер затравленно огляделся, непроизвольно втянув голову в плечи.

— Д-да…

— Жаль было будить… — доброжелательно произнес Рорих, — но мне кажется, что Николай отсылал вас в мед-модуль?

— Да, верно… — обреченно вздохнул Гентри, заставив себя встать. — Я уже иду туда.

— Не расстраивайтесь, — вслед ему произнес Эрни, желая поддержать обессилевшего Фрамера. — Все мы устали.

Доктор молча кивнул в ответ. Он боялся этого человека и не чувствовал к нему ни грамма ответной симпатии.

…В медицинском отсеке ярко сияли ультрафиолетовые лампы. Воздух имел резкий, стерильный запах.

Гентри перешагнул порог и огляделся.

Основную аппаратуру модуля составляли три биокриогенные камеры, которые могли быть использованы как для длительного низкотемпературного сна, так и для комплексного лечения.

В данный момент две из них оказались загружены. Фрамер на цыпочках подошел к ним и заглянул через толстый пластик вовнутрь.

Человек, который лежал под колпаком, показался ему смутно знакомым, но, как ни напрягал Гентри свою память, все оказалось тщетно, он не мог вспомнить, где и при каких обстоятельствах видел это исхудавшее, молодое лицо с землистым оттенком кожи и заострившимися чертами. Полное отсутствие волос и множество облепивших кожу датчиков сбивали с толку…

Вздохнув, Фрамер повернулся к соседней камере, поймав себя на мысли, что сам был бы не прочь отключиться под таким вот колпаком…

Однако, бросив взгляд через толстый пластик второго колпака, Гентри почувствовал, как из него мгновенно улетучилась вся сонливость.

Этого человека он узнал бы в любом состоянии.

В биокриогенной камере лежал Грегор… тот самый космодромный техник, что так расчетливо и безжалостно выкинул его из контрольного отсека управления в аппаратный зал на растерзание бродившим там мутантам…

Гентри пробила короткая нервная дрожь. В голове внезапно помутилось. Что-то жгучее и совершенно незнакомое восстало в его душе, словно там произошел прилив темной кипучей жижи…

Пошатнувшись, Фрамер ухватился за покатый борт камеры, не удержался и едва не упал, пока его рука не нашла опору в виде прямоугольного выступа на боку камеры.

Взгляд заключенного под колпаком человека преследовал его. Тот явно находился в сознании и напряженно следил за побледневшим Фрамером.

Губы Грегора шевельнулись, но ни один звук не проник сквозь толстый пластик.

Доктору казалось, что он вот-вот сойдет с ума. Просто слетит с катушек.

Он, как и Ваби, испытал внезапную и очень болезненную раздвоенность, но она имела несколько иную природу, чем у прямодушного карлика…

Фрамер ненавидел лежавшего под колпаком человека и одновременно боялся его. Оба этих чувства возникли совершенно внезапно и оказались так сильны, что пропасть между ними росла с каждой секундой.

Гентри стоял, как изваяние, и его тело сотрясала крупная нервная дрожь. В голове Фрамера непроизвольно начали прокручиваться ужасные, безысходные воспоминания о своих мытарствах по пустому, заваленному разлагающимися трупами космопорту, о том, как он убегал от озверевших от голода мутантов… и его рука, судорожно вцепившаяся в выступ блока управляющих систем, начала медленно, словно помимо воли хозяина, перемещаться к контрольной панели, которую усеивали яркие искры сенсорных кнопок.

Да, в эти секунды Фрамер был безумен. Он страстно желал одного — чтобы эти глаза закрылись, чтобы полный отчаяния и ненависти взгляд перестал сверлить его мозг, а губы застыли, прервав свой беззвучный монолог.

Пальцы доктора коснулись сенсоров клавиатуры и машинально пробежали по ним, одну за другой отключая системы той камеры, где лежал Грегор.

Автоматика попыталась было протестовать, но Фрамер, уже абсолютно утративший контроль над собой, был невменяем и неумолим.

Он не учел только одного — когда погас последний индикатор систем биологического контроля, колпак камеры внезапно зашипел и начал подниматься.

— Нет… — с пеной у рта прохрипел Гентри, до затуманенного сознания которого внезапно дошел весь жуткий смысл происходящего. — Я не хотел… Нет… Не надо!

Колпак камеры продолжал свое движение вверх.

Пятясь назад, Фрамер налетел спиной на лабораторный стол. Что-то звонко ударило об пол, но он не видел, что это за предмет, — полный

безумного отчаяния взгляд доктора оставался прикован к Грегору, который привстал, обрывая проводку датчиков, и, что-то прохрипев, начал выкарабкиваться из отключенной камеры.

Если бы кто-то мог наблюдать разыгравшуюся в медицинском модуле «Новы» сцену, то этот человек наверняка бы решил, что перед ним две сомнамбулы, нацеленные друг на друга чьей-то чуждой волей.

То, что творилось в данный момент в медицинском модуле «Новы», могло показаться смешным своей мелочностью и никчемной, трусливой жестокостью, если бы не было столь очевидно и страшно.

Ни Фрамер, ни Грегор не отдавали себе отчет в том, что они могут свести на нет все усилия людей, куда более самоотверженных, чем они сами.

Таким мыслям не было места в их сознании. Они слишком боялись и ненавидели друг друга, чтобы думать о чем-то другом.

Выбравшись наконец из камеры, абсолютно голый Грегор, на теле которого еще болтались датчики биологических сканеров с обрывками тончайших проводов, молча бросился на Фрамера.

Доктор бессознательно присел от охватившего его безысходного ужаса. Его рука внезапно наткнулась на какой-то твердый продолговатый предмет.

Это был упавший с лабораторного стола металлопластиковый штатив. Даже не взглянув на него, доктор с сумасшедшим криком метнул подвернувшийся под руку предмет прямо в перекошенное лицо Грегора.

Космодромный техник отшатнулся, оглушенный внезапным ударом, из его рассеченного лба фонтаном брызнула кровь.

Этого Фрамер выдержать уже не смог. Брезгливо стряхивая попавшие ему на руки и лицо алые капли, он, выпучив глаза, бросился прочь.

Грегор, совершенно обезумевший от болевого шока, вида собственной крови и гложущей душу трусливой, ирреальной ненависти, схватив окровавленный штатив, молча ринулся за ним.

* * *

Настроение у Рориха было приподнятым.

Ему оставалось сделать не так уж и много, для того чтобы «Нова» смогла выйти в космос и совершить гиперпространственный прыжок.

Вопреки своим обычным мрачноватым мыслям, на этот раз Эрни с удовольствием предвкушал, как сообщит об этом остальным членам группы.

Встав из-за пульта управления, он, продолжая насвистывать,

направился в машинный отсек.

* * *

Драматические события на борту «Новы» продолжали разворачиваться в полной тишине.

Доктор Фрамер, выскочив из медицинского модуля и совершенно ошалев от страха, бросился в противоположную от рубки управления сторону.

Пробежав всего пять или шесть метров, он вдруг осознал, что перед ним тупик. Гентри судорожно всхлипнул и отчаянно замолотил ватными кулаками по толстой броне внутреннего люка.

Тот внезапно поддался и с мягким шипением отошел в сторону. Гентри ввалился в тесную шлюзовую камеру и застыл, дико озираясь и совершенно не понимая, куда он попал. Люк за его спиной начал закрываться.

Несколько секунд спустя в коридор выскочил Грегор. Его голову заливала кровь, которая, стекая по подбородку, капала на пол, оставляя за ним дорожку темно-красных клякс.

Метнув дикий взгляд в оба конца коридора, он бросился в сторону ходовой рубки.

Вбежав туда, техник как вкопанный остановился посреди небольшого помещения.

Фрамера нигде не было видно. Шок постепенно отпускал сознание Грегора, и он понемногу начал соображать.

Вид двух кресел за разделенным на несколько секций пультом управления и свисающие от приборных панелей компьютерные кабели, которые за минуту до этого Эрни Рорих отсоединил от своей головы, окончательно привели его в чувство.

Разум Грегора все еще балансировал на зыбкой грани безумия, налитые кровью глаза космодромного техника дико смотрели на привычные атрибуты управления, но в его голове появились обрывочные, бессвязные мысли.

Космический корабль… Фрамер… Везелвул…

Ему казалось, эти слова вращаются во враждебной, сгущающейся вокруг него мгле…

Он внезапно вспомнил сводящую с ума атаку космического истребителя, и страх вновь ледяными пальцами сжал его готовое вырваться из груди сердце.

«Меня хотят убить…» — гулко билось в голове Грегора. Он опустил

глаза и увидел небольшую лужицу крови, натекшую на пол под его ногами.

Не помня себя от нового приступа безумного страха, Грегор бросился к пульту управления, отшвырнул штатив и вцепился окровавленными пальцами в панель связи.

— Мне нужна помощь!!! — рыдая, во все горло орал он, активируя передатчик. — Слышите!!! Кто-нибудь, спасите меня!.. Я хочу жить!!!

Из глубины коридора за спиной Грегора раздался топот, и в рубку управления вбежал Рорих.

Заметив склонившуюся над панелью связи голую фигуру, он, ни слова не говоря, схватил Грегора за плечо и отшвырнул его в сторону.

— Ты что делаешь, подонок? — угрожающе спросил он, повернувшись к упавшему на пол человеку. — Ты соображаешь, что ты творишь?! — вне себя от ярости, отчетливо спросил Рорих, надвигаясь на Грегора, который отползал от него, суча ногами. Вид голого мужика с рассеченной головой, который извивался на полу, словно большой бледно-розовый червяк, вызвал у Эрни тошнотворное отвращение.

— Где Фрамер?! — резко спросил он.

— Я не знаю! — выкрикнул Грегор. — Я не знаю! Он хотел убить меня! Я ни в чем не виноват!

— Тогда прекрати визжать и приведи себя в человеческий вид! — гневно оборвал его Эрни. Резко распахнув один из встроенных в стену шкафов, он достал оттуда стерильный комплект стандартной одежды и швырнул его на колени Грегора.

— Одевайся и молись, чтобы не случилось ничего непоправимого, иначе я сам прибью тебя, космодромная крыса!..

Рорих повернулся к приборам. Передатчик работал, но Рориху не было известно, что пытался сделать Грегор и удалось ли этому трусливому безумцу заявить о себе на весь Везелвул. Он надеялся, что нет, иначе…

Эрни тяжело вздохнул, проклиная всех трусливых тварей Галактики. Переключив панель связи, он попытался вызвать Эйзиз, но безрезультатно — что-то блокировало связь — не то они находились под землей, не то все передатчики группы вдруг оказались отключены.

Еще раз выругавшись, что обычно не входило в привычки уравновешенного Рориха, он включил внешние камеры «Новы», надеясь с их помощью определить — куда подевался отряд во главе с маленьким мутантом.

Осветившийся монитор показал лишь серые стены да голубую корку подтаявшего льда вокруг космического корабля.

Присмотревшись, Эрни вдруг заметил человеческую фигуру, что,

спотыкаясь, падая и не переставая дико озираться, брела от «Новы» к стенам старого форта.

Палец Рориха машинально коснулся сенсора сканирующих систем.

Его догадка полностью подтвердилась — спотыкающаяся фигура принадлежала Гентри Фрамеру.

Оглянувшись, он взглянул на Грегора, который, путаясь в одежде, пытался выполнить его распоряжение.

— Вот что… — мрачно произнес Рорих, прикидывая, можно ли оставить этого безумца без должного присмотра. — Пойдем… — он бесцеремонно поднял техника и подтолкнул его в сторону дверей рубки. — Посидишь взаперти, пока я схожу за доком.

Космопорт Везелвула. Борт крейсера «Громовержец»

— Сэр, на связи центральный пост. Вас беспокоит дежурный офицер. Произвести соединение?

Мягкий голос электронного секретаря вторгся в чуткий сон Спаркса, заставив того вздрогнуть и открыть глаза.

В каюте царил полумрак. Взглянув на хронометр, он понял, что спал всего час.

— Соединяй… — проворчал капитан, протягивая руку за мобильным коммуникатором.

— Говорит старший вахтенный офицер Логинов, сэр!

— Что там у вас? — осведомился Спаркс, одной рукой натягивая халат.

— Запеленгован радиосигнал! — доложил офицер. — Содержание неясно, из-за усилившейся грозовой активности очень высок уровень помех, но похоже, что кто-то взывает о помощи.

— Так… Ясно. — Спаркс окончательно проснулся. — Координаты источника? — потребовал он.

— Сорок километров к северу от космопорта. Район старой законсервированной колониальной тюрьмы.

— Там есть посадочные площадки?

— Так точно, сэр. Судя по компьютерным данным, раньше туда садились орбитальные челноки.

— Хорошо… — Спаркс потер подбородок. — Поднимайте звено истребителей, пусть прочешут район. На второй пехотной палубе — боевую тревогу, — коротко распорядился он. — Я сейчас сам поднимусь в рубку управления.

— Вас понял, сэр! Исполняю. Разрешите отключиться?

— Давай. И чтоб у меня была четкая связь с истребителями, понял?

* * *

Грохот, который ощущался даже в подземной части старой колониальной тюрьмы, имел свой конкретный источник.

Эрни Рорих покинул борт «Новы» лишь затем, чтобы догнать обезумевшего от страха Фрамера, который вышел из корабля, не надев скафандра, и, словно сомнамбула, двигался по скользкой, покрытой талыми лужами поверхности старой посадочной площадки.

Эрни не был злым человеком. Наоборот, из всего экипажа погибшего на орбите «Геракла» он, пожалуй, отличался наибольшей уравновешенностью характера и простыми взглядами на окружающий мир.

Возможно, именно поэтому он кинулся догонять дока.

— Эй! — громко крикнул Рорих, спрыгнув с площадки подъемника. — Фрамер! Ну-ка стой!

«Замерзнет ведь, придурок…» — с такой мыслью Эрни, оценив вялую, шатающуюся походку доктора, бросился бежать.

Фрамер, не обращая внимания на окрик, продолжал идти. Под самой стеной, возле пролома, он поскользнулся и упал прямо в образовавшуюся поверх льда лужу.

Догнав его, Рорих рывком поднял доктора из воды и, развернув к себе, спросил:

— Фрамер, твою мать, ты что? Куда ты поперся?!

Бесцветные глаза Гентри не выражали ничего, кроме страха.

— Я устал… — внезапно прошептал он посиневшими от холода губами. — Я больше не могу…

— Ладно, не нервничай… — Рорих закинул безвольную руку Фрамера себе на плечо и повернулся к кораблю.

В этот момент из-под низких облаков прямо на «Нову» вырвалось звено атмосферных истребителей с «Громовержца».

* * *

— Первый — «Грому». Вышел в заданный квадрат. Наблюдаю комплекс зданий. Рядом космический корабль класса «Нова». Сканеры фиксируют работу бортовых систем… — Пилот ведущего истребителя пробежал глазами по датчикам приборов и добавил, разворачивая машину для повторного захода: — Что мне делать, сэр?

В коммуникаторе что-то щелкнуло — это включилась компьютерная

система подавления помех и фильтрации звука, отчего голос капитана Спаркса прозвучал несколько надтреснуто:

— «Гром» — первому. Атаковать корабль!

— Понял, «Гром»… — ответил пилот, опуская на глаза прозрачный компьютерный планшет наводки. — Внимание! — произнес он, переключившись на частоту ведомых. — Заходим на «Нову»! Ракетный удар по секциям двигателей. Интервал для атаки — пять секунд! Начали!

Истребитель ведущего лег на крыло, а затем резко устремился вниз.

* * *

Первый ракетный залп потряс «Нову» от носа до кормы.

Корабль, который только что гордо возвышался над старой посадочной площадкой, опираясь на семь расположенных под днищем телескопических опор, внезапно накренился набок и начал оседать на один борт.

Головной истребитель вышел из пике, едва не чиркнув своим плоским брюхом по хвостовым стабилизаторам атакованного космического корабля, а с серых небес на «Нову» с адским воем уже падали две машины ведомых.

Оглушенного взрывом Рориха ударило о стену форта, и он медленно сполз по ней, болезненно ощущая, как мир выцвел, лишившись всяких звуков, и его как будто набили ватой. В широко раскрытых глазах Эрни застыло выражение злой досады…

— Сэр, мы поразили двигательные установки «Новы», — спокойно доложил ведущий звена истребителей. — Мне продолжать атаку?

— Нет, офицер, — пришел ответ Спаркса, который на этот раз продолжал лично руководить операцией. — Приступайте к патрулированию района. Десантные модули прибудут на место высадки через минут тридцать. К вам присоединится звено лейтенанта Озимова. Будете исполнять его приказы.

— Так точно, сэр! — подтвердил пилот, на бреющем полете проносясь над стенами и вышками старого форта. — Переходим в режим «Высокий патруль», — передал он приказ ведомым.

На борту «Громовержца» капитан Спаркс удовлетворенно потер озябшие вдруг ладони. На этот раз операция проходила четко по плану. Теперь фактор внезапности оказался на стороне его солдат, и командир крейсера больше не сомневался — все будет сделано быстро и толково.

Глава 12

Старая колониальная тюрьма. Район мастерских по ремонту планетарной техники

Первой на улицу выскочила Эйзиз.

Вид горящей покореженной «Новы», корма которой полыхала, расцветая снопами рвущихся в небо искр, заставил ее застонать и вжаться в стену возле дверного проема.

Внутренний двор колониальной тюрьмы в наступающих сумерках короткого везелвульского дня походил на фантастическое видение.

С небес, разгоняя сумрак длинными, жадно обшаривающими стылую землю прожекторными лучами, с тихим заунывным воем антигравитаторов опускались три десантных модуля. Внезапно над ними с громоподобным ревом пронеслось звено атмосферных истребителей, породив тугую горячую волну воздуха.

Стены древних строений задрожали под напором воздушной волны, будто были сделаны из картона.

Первый десантный модуль, похожий на плотного черного жука с глянцевым панцирем, коснулся посадочными опорами плит внутреннего двора.

Саша, которая смотрела на разворачивающееся действо в оцепенении, отчетливо видела, как повернулись, обшаривая пустое пространство двора, два башенных орудия модуля.

Им даже не дали опомниться… Какой-то злой рок преследовал горстку измученных людей, которые хотели только одного — выжить…

Зев открывающейся рампы походил на хищный прямоугольный рот.

Это был конец. Их смерть прилетела в форт, и Саша как никто другой понимала это.

В дверном проеме появился Ваби, за ним показались силуэты фон Риттера и Линкса.

Внезапно впереди, около горящей «Новы», возникло какое-то движение.

Ваби бесцеремонно дернул Сашу за рукав скафандра, указывая в том направлении. От зорких глаз карлика, похоже, не могла укрыться ни одна мелочь.

Эйзиз опустила лицевую пластину гермошлема и кончиком языка коснулась сенсорной кнопки на ободе забрала.

Микропроцессор скафандра заработал, послушно выдав увеличенное изображение, спроецировав его на внутренней поверхности жидкокристаллического экрана, который, собственно, и являлся лицевой пластиной.

Она увидела медленно открывающийся люк «Новы».

Сердце Саши бешено ухнуло.

«Рорих…»

Нет, это был не Эрни. В проеме люка внезапно появилась едва одетая фигура.

— Сукин сын… — прошептал Линкс, с трудом узнав Грегора. Вид космодромного техника был еще тот. Почти неприкрытая нагота не могла удивить видавших и не такое бойцов, но окровавленная голова космодромного техника и безумный, блуждающий по сторонам взгляд выпученных глаз невольно наводили на страшные догадки о произошедших на борту «Новы» событиях.

Он стоял на предшлюзовой площадке, трясясь всем телом не то от холода, не то от нервной дрожи, и дико озирался по сторонам. Заметив темные силуэты десантных модулей, Грегор импульсивно подался к низкому ограждению площадки и замахал руками, что-то крича.

Три прожекторных луча скрестились на нем, и вдруг…

С вибрирующим грохотом заработало башенное орудие ближайшего модуля.

— О, черт!.. — брезгливо простонал Линкс, глядя как дрожащим кровавым туманом оседает на обугленной броне «Новы» то, что секунду назад было космодромным техником по имени Грегор.

Один из прожекторов вдруг повернулся, совершая круговое движение. Три фигуры в скафандрах инстинктивно отпрянули в разные стороны, ища укрытие, и только Ваби остался стоять, хищно осклабившись в отсветах пожара, пожирающего гипердрайв «Новы».

Эта секунда предрешила все.

Саша, бросаясь под прикрытие сорванной двери, внезапно поняла — с ними уже случилось все самое страшное, что только могло произойти. Смерть Грегора оказалась той жирной кровавой точкой, которая крепила их вердикт…

Больше не могло быть ни надежд, ни сомнений, ни каких-то там мук.

Черные фигуры в фототропной броне, что попарно выскакивали из раскрытых рамп десантных модулей, пришли за ними с четким приказом: оставлять после себя одни трупы.

Да, когда-то она сражалась бок о бок с ними, но теперь их пути

разошлись и каждый сделал свой выбор. Неважно, был ли он сознательным или все произошло под давлением приказов и обстоятельств, — важно то, что между ней и теми людьми, что так профессионально исчезали во тьме, занимая огневые позиции вокруг севших модулей, больше не оставалось ничего общего.

Они были убийцами, а она оказалась в положении жертвы.

Прежде чем прожекторный луч нашел Ваби, она успела с горечью увидеть эту разделительную линию в своем сознании, которая отчеркнула всю прошлую жизнь.

— Коля, прикрой!.. — с каким-то страшным, отчетливо прозвучавшим в ее голосе надрывом крикнула Саша, выкатываясь из-под прикрытия покосившейся на одной петле двери.

Высоковольтная дуга ее ФЛАУ-винтовки вспорола сгущающийся мрак злым, ослепительно-синим сполохом, вырвав из тьмы напряженную фигуру Ваби, который растерялся, впервые попав в тот техногенный ад, что называется боем на языке сорокового столетия…

Поймавший его прожекторный луч на мгновение ослепительно вспыхнул и, закатившись в зенит, погас.

Паутина световых трасс метнулась по внутреннему двору тюрьмы, высвечивая углы и бросая по сторонам длинные гротескные тени…

— Ваби, отползай! — выкрикнула Саша, прошив отсекающей очередью располосованное лучами пространство. — В укрытие!

Низкорослая тень метнулась сквозь световую паутину в направлении ближайшего дверного проема; по пятам карлика, нагоняя его, вдруг побежали разрывы от чьей-то прицельной очереди, справа от Саши зло и отрывисто заговорила импульсная винтовка фон Риттера, и от этого расчетливого, скупого огня в ее душе вдруг поднялась волна спокойствия, словно она из центрифуги урагана внезапно вырвалась в «глаз» циклона — островок призрачного спасения среди бушующей бури…

Для Саши Эйзиз этого было вполне достаточно. Рядом с ней находились те, кому она могла доверить свою спину.

— Вы трупы, ребята… — прохрипела она в свой коммуникатор, переключив его на частоту десантных модулей. — Мне жаль вас… — с этими словами Саша метнулась в сторону, и мрак мгновенно поглотил ее.

Над головой, кроша тишину, накатывало, плюясь прицельными очередями, патрульное звено истребителей…

Стены старого форта задрожали, будто припоминая былые дни, когда по периметру меж ними тяжелой поступью ходили многотонные боевые машины и окружающие болота ежедневно слышали такой же утробный вой

моторов, грохот автоматического огня и злые выкрики людей…

— Саша, нам не выстоять в открытом бою! — голос фон Риттера бился в коммуникаторе Эйзиз, смешиваясь с грохотом выстрелов, шипением электромагнитных дуг и шелестом интегрального затвора ее импульсной винтовки.

— Что ты предлагаешь, Коля?! — отрывисто спросила она, перебегая от укрытия к укрытию и все ближе подбираясь к чадящему факелу «Новы».

— Попробуем захватить модуль!

— Бесполезно… — Саша вдруг резко привстала, дав короткую очередь, и в неверном свете пожара в нескольких метрах от нее фигура в темной броне вдруг высветилась из мрака мгновенной вспышкой разрывов и грузно осела, нелепо взмахнув руками.

Саша нырнула вниз, за выступ бетонной плиты, которая задрожала от ответных выстрелов башенного орудия ближайшего модуля…

— У них есть функция дистанционной ликвидации… — отдышавшись, пояснила она прерванную мысль. — Мы приговорены, и ты сам знаешь это…

— Тогда какого черта?! — зло спросил коммуникатор голосом фон Риттера. — Будем отступать в бункер. Пусть попробуют выкурить нас оттуда!

— Будем… — огрызнулась Саша. — После того, как я своими глазами увижу Рориха, — сквозь зубы добавила она.

— Хорошо, — Николай не стал спорить. — Я обхожу офисное здание, — секунду спустя сообщил он. — Со мной Линкс. Мы будем держаться за твоей спиной. Ищи Эрни, если он жив, и ни о чем не беспокойся.

— Поняла. Пожелай мне удачи…

Андрей Звягинцев карабкался по просевшему от времени лестничному пролету на второй этаж одного из зданий, откуда открывался доступ на внутренний периметр стен.

Как ни странно, но он чувствовал себя абсолютно спокойно в бушующем вокруг аду скоротечного ночного боя.

Звягинцев понимал, сколь плох он как боец подвижной группы, и потому незаметно отделился от остальных.

— Андрей, ты где? — раздался в его коммуникаторе встревоженный вопрос Дерека.

— Не волнуйся, Линкс. Скоро увидишь… — ответил Звягинцев, с трудом преодолевая последние ступеньки провисшего на обнажившейся арматуре лестничного пролета. Выбравшись наконец на ровную плоскость,

Андрей несколько секунд лежал, приходя в себя после такого акробатического подвига.

«Ребенок бы поднялся по этой лестнице за одну минуту…» — с горечью подумал он, подползая к краю стены.

Воздух дрожал от напряженного воя истребителей. Внизу, по всей площади огромного внутреннего двора, мелькали частые вспышки разрывов. Башенное орудие ближайшего десантного модуля остервенело палило во мрак, вбивая снаряд за снарядом в невидимую для Андрея цель.

Там кипел бой.

Отдышавшись, Звягинцев открыл подсумок скафандра и осторожно извлек оттуда продолговатый плоский чехол. Когда он снял пластиковую оболочку, в неверном свете полыхающей «Новы» тускло блеснули линзы снайперской оптики.

Это был единственный осязаемый предмет, что до сих пор связывал его сознание с той недавней порой, когда он, будучи полноценным человеком, защищал интересы «Генезиса» там, где того требовали обстоятельства.

Это было ошибкой. Самой большой и самой горькой ошибкой в его жизни.

Погладив холодный пластик прицела, который сам по себе был чудом технической мысли, он привычным движением пристегнул его к импульсной винтовке, превратив ее тем самым в смертельное, беспощадное оружие.

«Вам, ребята, еще далеко до того, чтобы брать таких, как мы…» — с тем же оттенком горечи подумал он, глядя на мечущиеся внизу тени. Те, кто пытался их убить, были лишь пешками, пушечным мясом в грязной игре на большие деньги — это Андрей понимал слишком хорошо, чтобы спокойно спускать курок, но был ли у него выбор?

Выбора не было.

Андрей откинул забрало своего гермошлема и приник к мягкому окуляру оптического процессора.

Мир перед ним вдруг раздался в стороны и расцвел пульсирующими силуэтами горячих тел, запутавшихся в узлах электронной прицельной сетки.

— Саша… — внезапно произнес он в укрепленный у рта коммуникатор, прежде чем спустить гашетку винтовки. — Ты слышишь меня?

— Звягинцев, ты? — голос Эйзиз звучал прерывисто от частого и неравномерного дыхания — она бежала, спасаясь от выстрелов орудия, и

мир казался ей более близким и враждебным, чем для затаившегося на стене Андрея. — Что у тебя? Говори! — задыхаясь, потребовала она.

— Я хотел сказать, что ты не одна, Эйзиз, — сорвавшимся голосом произнес Андрей. — У меня есть патрон для Итема… Клянусь…

— Позже!..

Андрей не ответил. У него почему-то было дурное предчувствие на сей счет. Слишком спокойно было на душе. Слишком спокойно…

* * *

Командир десантно-штурмовой группы Игорь Логинов в злой растерянности смотрел на целую шеренгу погасших тактических мониторов, укрепленных по стенам аппаратного отсека десантного модуля.

Его людей убивали, хладнокровно и профессионально, словно два взвода десантников вступили в бой с самим дьяволом.

— Иверзев! Сержант, мать твою!

— На связи! — рявкнул хриплый прерывающийся голос.

— Что происходит? Почему такие потери?!

— Нас убивают, вот что происходит, лейтенант! — зло огрызнулся коммуникатор. — Бардак… Я не могу собрать людей, мы попали под перекрестный огонь!

— Отходи под прикрытие модулей, это приказ!

Лейтенант переключил канал:

— Альфа-второй! Подними машину над фортом. Подавить их огневые точки, немедленно!

— Понял, сэр!.. — мгновенно отозвался пилот одного из модулей.

Тяжелая машина вздрогнула, издав высокочастотный свист заработавших генераторов антиграва, и начала медленно подниматься над пылающими постройками.

Взглянув на панораму беспорядочных выстрелов и мечущихся теней, пилот модуля лишь сокрушенно покачал головой, включив систему компьютерного сканирования.

Создавалось впечатление, что внизу ведут ожесточенный бой как минимум два штатных батальона космической пехоты. Но он-то знал, что это не так. Дерьмо Шииста… Горстка калек, какой-то шлак, накипь войны…

Пилот повернул голову, пытаясь определить, с какой стороны ведется наиболее плотный огонь. Его силуэт, подсвеченный мягким зеленоватым мерцанием приборных панелей, четко выделялся на фоне прозрачного бронестекла кабины.

Андрей Звягинцев плавно повел стволом.

Палец перекинул фиксатор огня в положение «подствольник».

Голова пилота влипла в паутину прицела. Андрей задержал дыхание и мягко нажал спуск.

Кумулятивная граната с воем прочертила ночной воздух, с треском врезавшись в бронеколпак кабины десантного модуля.

* * *

Внизу действительно царил ад.

Космическая пехота, десантировавшись во внутренний двор тюрьмы, моментально оказалась в уязвимом положении.

По ним стреляли, причем огонь был точен, расчетлив и велся с разных, постоянно меняющихся позиций, словно сам мрак и скрывающиеся за ним стены древнего форта ополчились против нежданных пришельцев.

Сержант Иверзев делал все, что мог… Его бойцы, разбившись попарно, широким кольцом расходились от места посадки, но те, кто противостоял им, не возражали против такого маневра. Они отступали под прикрытие зданий, дверных проемов и стен, огрызаясь точными, экономными очередями. Очевидно, с боеприпасами у них было негусто.

— Фангорн! Ко мне!

Из мрака вынырнула фигура в черной броне.

— Возьми двоих людей и поднимись на стену! — приказал Иверзев. — Огонь не открывать, пока не будешь уверен, что нашел цель. Перещелкайте их сверху, иначе нас всех положат в этой мышеловке!

— Так точно! — рядовой развернулся и вдруг дернулся назад, словно налетев на незримую стену.

Сержант успел отпрянуть, когда тело в фототропной броне со стуком рухнуло в талую воду. В забрале его гермошлема зияла аккуратная дырочка, откуда вдруг ручьем хлынула кровь, смешиваясь с черной водой покрывающих двор луж…

— Проклятье!

Сержант обернулся, заметив на гребне стены очередную вспышку.

— Модуль! Перевести огонь на южную стену! — крикнул он, бросаясь с освещенного прожекторами участка во тьму. — Там снайпер!..

Башенное орудие послушно повернулось, но почему-то не выстрелило — очевидно, в нем меняли боекомплект. Второй модуль вдруг взвыл генераторами антигравов и начал взлетать.

Иверзев заметил, как неподалеку от него метнулась чья-то тень.

Секунду спустя оттуда резанула короткая очередь, вызвав чей-то болезненный вскрик, и тень метнулась дальше.

Это был один из них! Сержант мгновенно прицелился, но тень уже исчезла, скрывшись в очередном проеме выбитой двери.

Иверзев резко повернулся и выстрелил из гранатомета. В проеме двери полыхнул взрыв. Не дожидаясь, пока отсвистят осколки, сержант ринулся туда.

Луч фонаря с его гермошлема осветил развороченный гранатным взрывом тамбур и распластавшуюся на полу фигуру в посеченном осколками скафандре.

Попался, сука… Сержант осторожно подошел к телу. Человек еще шевелился, скребя руками по полу. Забрало его шлема треснуло и было забрызгано изнутри кровью.

Иверзев поднял ствол винтовки и приставил его к треснувшему забралу. Хоть с одним будет покончено наверняка…

Сержант не видел, как за его спиной из тьмы выскочила, словно чертик из шкатулки, низкая коренастая фигура Ваби.

Свист рассекаемого ножом воздуха не был слышен из-за выстрелов — сержант успел почувствовать лишь ошеломляющий удар в область шеи и отвратительный хруст, с которым клинок пробил шейные кольца скафандра и вошел в его горло.

Оседая на пол, он все же машинально нажал на спуск, и импульсная винтовка задрожала в его слабеющих руках, вбивая снаряды в стену и покосившийся от взрыва дверной проем.

Не обращая внимания на агонизирующего сержанта, Ваби метнулся к Линксу, который, хрипя и захлебываясь кровью, тщетно пытался привстать с окровавленного пола.

Взвалив смертельно раненного Дерека на плечо. Ваби исчез во тьме так же быстро и бесшумно, как и появился.

* * *

Саша Эйзиз катилась по земле, словно бронированный, плюющийся огнем клубок.

Ей казалось, что мир вокруг покосился и треснул. Грохот близких разрывов и ошалевшая, слепая смерть, которая ходила рикошетом меж посеченных стен форта, начинали подавлять психику.

Она понимала — долго им не удержать такой темп: десант космической пехоты хоть и понес ощутимые потери, попав под внезапный ураганный огонь горстки отчаявшихся людей, которым уже нечего было

терять, но не зря ел свой хлеб — парни оправятся от шока, и она знала, что произойдет это с секунды на секунду.

Похоже, уже начало происходить… Саша увидела, как оторвался от земли один из десантных модулей. Это могло означать лишь одно — командир десантно-штурмовой группы наконец понял свою ошибку и теперь будет ее исправлять…

— Рорих!.. — выкрикнула она в коммуникатор, глядя, как модуль завис, чуть накренив нос в сторону северной стены, и его башенные орудия заворочались, как живые, в поисках целей.

— Саша… — внезапно ударил по ее сознанию надтреснутый голос Эрни. — Саша, я почти не слышу тебя… Сильно контузило…

— Где ты?! — заорала она, понимая, что истекают их последние секунды.

— Возле «Новы»… О черт!.. Увидимся позже!..

Рорих замолчал так же внезапно, как и вышел на связь.

Эйзиз побледнела, закусив губу.

— Николай, Линкс, ответьте… — взмолилась она, опасливо наблюдая за эволюциями башенных орудий взлетевшего модуля. Где-то рядом полыхнул взрыв гранаты, и она машинально пригнулась.

— Здесь становится жарко… — чья-то тень вынырнула из тьмы рядом с Эйзиз.

В отсвете пожара она увидела бледное лицо фон Риттера. Николай плюхнулся в талую воду рядом с ней, даже не подозревая, какое облегчение и радость вызвало его появление в очерствевшей душе Саши Эйзиз.

— Где Линкс? — спросила она.

— Не знаю, — честно ответил Николай, меняя магазин в импульсной винтовке. Заметив, как он поморщился, Саша кинула беглый взгляд на его экипировку. В правой плечевой пластине скафандра она заметила рваную дыру.

— Ранен?

— Зацепило…

В этот момент над их головами ударил мощный взрыв.

Вскинув головы, Николай и Саша увидели, как на месте пилотской кабины десантного модуля расцвел огненный бутон разрыва.

Тридцатитонная машина, потеряв управление, обрушилась вниз, прямо на командный модуль десантной группы…

Это был разгром…

* * *

За минуту до этого Эрни Рорих пришел в себя.

Ему повезло. Оглушенный взрывной волной от первого ракетного попадания в «Нову», он потерял сознание и провалялся в беспамятстве большую часть времени, пока садились модули и разгорался бой. Несколько пар десантников просто пробежали мимо, не придав значения двум распластавшимся в луже крови телам.

Фрамер хрипел и тихо постанывал, лежа в ледяной воде. Его кровь из осколочной раны смешивалась с талой водой, растворяясь в ней прихотливыми витиеватыми узорами, так похожими на струйки алого дыма…

Эрни очнулся от настойчивого голоса Эйзиз.

Открыв глаза, он понял, что вокруг кипит страшный бой, но звуки по-прежнему доходили до него словно через слой ваты…

Слова Саши казались далекими и нереальными. Зато две темные фигуры, внезапно выступившие из мрака, были вполне реальны…

В первый момент Рорих подумал, что двое десантников, подавленные и ошарашенные бушующей вокруг бойней, проскочат мимо, но, видно, сканирующие системы их боевых скафандров засекли его тепловой контур, потому что оба бойца, не сговариваясь, повернулись, осветив его и истекающего кровью Фрамера своими фонарями.

Рорих оказался полностью безоружен. О доке и говорить было нечего.

Привстав, он медленно поднял руки…

— Не стреляйте… — хрипло выдавил он, стараясь поустойчивее утвердить обе ноги для внезапного удара.

Непонятно, слышали его или нет, но у ребят явно были свои четкие инструкции на сей счет.

Один почему-то отвернулся в сторону, тогда как второй, не колеблясь, вскинул импульсное оружие.

Эрни покоробило. Все происходило в той же гнетущей ватной тишине — он не слышал ни слов, ни звука взводимого затвора, лишь общий грохот боя доходил до его сознания как далекий, рокочущий прибой…

Вспышка света и внезапный удар взрывной волны не дали бойцу спустить курок.

Эрни почувствовал лишь толчок и уловил боковым зрением ослепительный свет. Судьба хранила его…

В отчаянном прыжке он поднырнул под ствол импульсной винтовки, нацеленной в его грудь, и, вырвав оружие из рук бронированной фигуры десантника, покатился вбок, опустошая магазин ФЛАУ.

Секунду спустя он понял, что стрельба оказалась излишней…

Метрах в пятидесяти от него с небес рухнул объятый пламенем десантный модуль, подмяв под себя еще одну такую же машину.

Огонь валом рванул во все стороны, расходясь от эпицентра взрыва; воздух мгновенно наполнился тошнотворным, подавляющим психику воем разлетающихся осколков перекаленной, дымящейся обшивки подорвавшихся на собственном боекомплекте орудийных башен…

Рорих почти ничего не видел — и так контуженный, он едва не ослеп от этой вспышки…

Не заботясь больше о судьбе тех, кто только что пытался убить его, Эрни, шатаясь, словно пьяный, добрел до тела Фрамера, который распластался в центре алой лужи, и, кое-как взвалив его на плечо, шагнул в растерзанный огнем и выстрелами мрак.

— Саша… — шептали окровавленные губы Рориха в разбитый коммуникатор, — где вы? Линкс, Николай, Андрей…

Имена срывались с его губ, словно молитва…

* * *

— Что там, фрайг вас всех подери, происходит? — дрожащий от гнева голос капитана Спаркса ворвался в коммуникаторы оставшихся в живых десантников. — Где Логинов?!

— Лейтенант мертв… — ответил один из бойцов, зачем-то кинув взгляд на сереющие небеса. — Все мертвы!.. — вдруг выкрикнул он. — Командный модуль подбит… — потрясенно доложил боец, глядя, как бесноватые языки пламени пляшут по братской могиле, в которую превратились покореженные остовы двух десантных машин. — Вытащите нас отсюда! — внезапно осипшим голосом взмолился он, озираясь по сторонам, будто ждал, что от серых, закопченных и изрешеченных осколками стен форта сейчас отделятся фантастические силуэты каких-то сверхлюдей, монстров, что так безжалостно искрошили два взвода космического десанта, превратив остатки грозного подразделения в горстку деморализованных людей, которые, сгруппировавшись вокруг единственной уцелевшей транспортной машины, жались к ее закопченной броне, страстно желая лишь одного — убраться отсюда как можно быстрее и дальше…

— Озимов! — рявкнул по связи голос полковника. — Принимай командование этим трусливым сбродом! Если не можете справиться с ними на земле, уничтожь этот долбаный форт с воздуха! Чтобы камня на камне не осталось, ты понял?!

— Так точно, сэр!.. — голос лейтенанта был абсолютно спокоен. — Десантной группе внизу приказываю оставить позицию, — тут же распорядился он, разворачивая свой истребитель. — Шевелитесь, парни, если не хотите, чтоб вам еще раз подпалило задницы. Мы заходим на форт!

* * *

Зарево пожаров от горящих машин освещали строения старой колониальной тюрьмы ярче, чем то делало обычно полуденное солнце Везелвула.

В тесном тамбуре, сразу за входом в комплекс мастерских, Саша горестно склонилась над Дереком Линксом, пытаясь по скудным показаниям датчика его скафандра определить, насколько серьезно положение бывшего командира «Геракла».

Рорих, который наконец освободился от тела Фрамера, уложив его рядом с Линксом, снял гермошлем и без сил прислонился спиной к холодной, покрытой инеем стене. Из ушей Эрни все еще сочилась кровь.

Николай, присев возле порога, перезаряжал подствольный гранатомет своей импульсной винтовки, одновременно пытаясь связаться с Андреем, который теперь оставался единственным, кто отсутствовал на месте условленного сбора.

— Я слышу тебя, Николай… — раздался наконец в коммуникаторе фон Риттера долгожданный ответ. — Спускаюсь к вам… Буду минут через пять, не раньше…

— Тебе помочь, Андрей?

— Справлюсь… Они собирают манатки… — вдруг сообщил он, имея в виду остатки атаковавших форт десантных групп.

— Это плохо… Поторопись, Андрей.

С небес вновь начал накатываться вой. Николай беспокойно оглядел темное пространство над фортом, подсвеченное языками пожара, и подумал, что этот звук уже становится привычным и обыденным, как шум ветра…

— Саша, надо уходить вниз, пока не поздно, — обратился он к Эйзиз.

Та подняла голову, и из-под обода гермошлема устало блеснули ее глаза.

— Дождемся Андрея…

— Линкса и Фрамера лучше отправить сразу, — настоял Николай. — Ваби и Эрни справятся с этим, а мы с тобой подождем Звягинцева.

Саша кивнула. Николай был абсолютно прав. Откровенно говоря, в иные моменты ее вдруг начинало коробить от его спокойствия. В минуты

опасности Николай вел себя так, словно все, что творилось вокруг, не касалось его лично. Неужели он настолько выдержан, чтобы запретить себе думать о безвыходности их положения? О близкой и неотвратимой смерти?..

Закусив губу, Саша подошла к Эрни, знаками объяснив, что они с Николаем хотят от него.

Рорих кивнул, жестом подозвав Ваби.

Карлик, на лице которого никак не сказались страшные события последнего часа, бережно поднял Линкса и, не дожидаясь, пока Рорих поднимет бесчувственного Фрамера, шагнул во тьму.

— Эй, подожди! — хрипло выкрикнул Рорих, которому все еще казалось, что он говорит шепотом.

Николай, присев в дверном проеме, продолжал напряженно вглядываться во тьму подсвеченных пожаром небес.

Внезапно из глубин внутреннего двора форта показалась стремительная приземистая тень.

Фон Риттер машинально подался назад, вскинув оружие, но тут же с облегчением опустил ФЛАУ, — стремительной тенью оказался Черч, который бежал к нему, чуть припадая на одну лапу.

— Где ж ты был, пес драный? — тепло пожурил его Николай, когда холодный мокрый нос ткнулся в его щеку.

Черч лишь радостно взвизгнул, шумно обнюхивая его скафандр.

— Где же Андрей? — на плечо фон Риттера легла рука Эйзиз.

— Не волнуйся… — попытался успокоить ее Николай. — У него есть еще пара минут.

Он ошибся. Отдаленный вой вдруг резко приблизился, и по стенам старого форта ударил первый ракетный залп…

* * *

По злой иронии, первая кассетная боеголовка, разделившаяся над северной частью форта на множество свободно падающих зарядов, накрыла именно тот район, где располагался вход в ремонтные мастерские.

Саша не успела понять, что они попали в зону ковровой бомбардировки. Вой истребителя внезапно сорвался на высокочастотный визг, и она почувствовала, как пол под ногами заходил ходуном, а все пространство за покосившимся дверным проемом вдруг встало на дыбы, покрывшись черно-оранжевыми выбросами разрывов.

Николай, который за секунду до этого сидел на корточках, резко выпрямился, словно в его ногах вместо мышц были пружины, и повалил

Эйзиз на пол, упав поверх Саши…

Жаркая, удушливая волна смешанного с осколками воздуха ворвалась в тамбур, выбив неплотно прикрытую внутреннюю дверь, и Саша едва не закричала, явственно ощутив, как мягко, податливо дернулось прикрывшее ее тело фон Риттера…

— Коля!.. — в непередаваемом ужасе вскрикнула она, выбираясь из-под обмякшего тела. — Коля!! — она вскочила, не обращая внимания на заунывный посвист не закончивших своего рикошета запоздалых осколков, и попыталась перевернуть Николая, но правая рука с кибернетической кистью не слушалась ее.

Эйзиз машинально согнула локоть и увидела на месте механической кисти лишь развороченную искусственную пеноплоть да изуродованные тяги сервоприводов, из перебитых соединений которых сочилось густое масло…

Тогда, до крови закусив губу, она, действуя одной рукой, перевернула Николая, страшась увидеть его лицо…

Куда подевалась в эти секунды резкая, нетерпимая, надменная Ледышка, что давно считала саму себя лишь хорошо отлаженным механизмом для профессионального убийства?

В этой искалеченной, обессиленной женщине, которая, глотая слезы, пыталась окровавленными пальцами левой руки нащупать пульс на горле фон Риттера, никак нельзя было узнать лейтенанта Эйзиз. Слишком много человеческого горя и отчаяния читалось в ее глазах, слишком много позабытого, женского вернулось в ее сознание за последние мгновения…

Это было если не второе рождение, то горькое, запоздалое возвращение генетической памяти…

Веки Николая чуть дрогнули.

Он медленно открыл глаза, ничего не соображая от контузии и саднящей боли в спине.

Из тумана беспамятства выплыло бледное лицо Саши в обрамлении погнутого обода гермошлема, из-под которого выбилась слипшаяся прядь волос.

Он хотел что-то сказать, но из горла вырвались лишь хриплые булькающие звуки.

— Коля… — она склонилась над ним так, что ее участившееся дыхание обожгло его лицо. — Не шевелись… У тебя пробит скафандр на спине… Осколки…

Сознание окончательно вернулось к нему вместе с этими словами и встревоженным взглядом.

— Все нормально, — прохрипел он, прислушиваясь к ощущениям собственного тела. — У меня бронежилет… под скафандром… — сипло пояснил он, пытаясь привстать. — Кажется, просто отшибло внутренности…

Вид Саши потряс его до глубин души. За короткое время их знакомства он уже успел составить о ней определенное мнение и никак не думал, что увидит ее плачущей…

Подчиняясь секундному порыву, он протянул руку, прижав ее голову к своей груди.

Сквозь рваные оболочки скафандра Саша слышала, как несколько раз глухо стукнуло его сердце, замедляя ритм своих ударов…

Она не знала причину… Пока не знала…

Взгляд Николая, направленный поверх ее спины, за дверной проем, уже видел то, что не успела заметить Саша.

Вместо северной стены форта дымилась лишь груда бетонного щебня, из которого торчали уродливо согнутые прутья арматуры.

Почувствовав неладное, Эйзиз отстранилась и, проследив за заледеневшим взглядом фон Риттера, мгновенно все поняла…

— Андрей… — это слово слетело с ее потрескавшихся губ, словно сухой шелестящий листок с засохшего дерева.

Николай, собрав все силы, которые только остались в его изможденном организме, привстал, внутренне содрогнувшись от боли, и мягко отвернул ее голову.

— Саша, не смотри так… Пойдем…

Он попытался увлечь ее за собой, но Эйзиз словно окаменела.

— Зачем?! — она повернула голову, и Николая обожгло взглядом. — Зачем, Коля? — Она порывисто выпрямилась, не обращая внимания на вновь усиливающийся вой двигателей повторяющего свой заход звена штурмовиков. — Хватит… — Она согнула в локте искалеченную правую руку, и перед самыми глазами Николая конвульсивно дернулись перерубленные осколками сервоприводы, торчащие из-под развороченной пеноплоти. — Видишь, кто я? — Эйзиз рассмеялась со злым, истеричным надрывом. — Такую женщину нельзя любить… Я калека, и внутри и снаружи… Убивать — вот мое призвание… И я хочу это делать, слышишь?! Хочу!!!

Она нагнулась, цепко ухватив левой рукой импульсную винтовку, но Николай удержал ее.

Саша резко повернулась, попытавшись вырваться, но хватка фон Риттера оказалась железной.

— Саша, пойдем… — тихо, но твердо попросил он. — Нас ждут Рорих, Линкс, Ваби… Мы с тобой нужны им, понимаешь? Мы не можем их бросить… — в его тихом голосе слышался тот же страшный надрыв, что и в ее выкриках. Они оба понимали все…

Саша еще раз попыталась рвануться к выходу, навстречу накатывающему с поднебесья вою, но Николай вновь не пустил, и она внезапно сдалась.

— Хорошо, Коля… Пойдем…

Он отпустил ее, подобрав свою винтовку, а Саша взяла его руку и закинула себе на плечо, пытаясь поддержать, потому что чувствовала — он ранен намного серьезнее, чем пытался показать ей, и вот-вот упадет…

Они медленно вышли из развороченного тамбура и, поддерживая друг друга, скрылись во мраке подземных складов.

Во дворе форта вновь загрохотали разрывы, и южная стена вдруг задрожала, оседая кучами дымящегося щебня.

Глава 13

16 мая 3971 года. Везелвул. Бункер под развалинами уничтоженного форта

В подземельях старой колониальной тюрьмы гнездилась вязкая, осязаемая тишина.

С арочных сводов бетонного бункера срывались тяжелые капли влаги, но даже звук их падения глох, растворялся в безмолвии пустых залов.

Внешний мир больше не существовал. Полчаса назад он еще напоминал о себе глухими раскатами далекого грома и едва ощутимым колебанием многометровых стен, но теперь прекратилось и это…

Саша стояла во тьме, погасив фонарь, и чувствовала холод.

Пробирающий до костей холод собственной могилы.

Справа от нее возникло бледное пятно света.

Она повернулась, спокойно, можно даже сказать — безразлично, наблюдая, как в тусклом свете подсевшего фонаря проступает контур человеческой фигуры.

Это был Николай… Ну конечно. Николай и Ваби.

Маленький мутант да Черч — вот те двое, кто не испытывал тягостной обреченности их положения. Первое, что сделал Ваби, оказавшись в относительной безопасности, — это стянул скафандр и, устроив из него нечто среднее между гнездом и постелью, моментально уснул, демонстрируя полное безразличие к окружающему миру своим громким сопением.

Черч, повертевшись под ногами людей и немного поскулив, улегся рядом с ним. Прижавшись мокрым боком к спине Ваби, он тоже засопел.

Пятно света приблизилось, высветив блестящие лужи у ног Эйзиз.

Николай шел неестественно выпрямив отшибленную спину. Два осколка все же прошли сквозь скафандр и бронежилет, но, к счастью, раны оказались несерьезными — они больше походили на длинные порезы.

«К счастью?.. — горько подумала Саша, наблюдая, как Ваби обходит лужу. — Быть может, он сейчас завидует Линксу, который не приходил в сознание с того самого момента, как его изорвало гранатным взрывом? Или это я завидую тем, кто пребывает в небытии?»

Она внутренне содрогнулась, поймав себя на мысли, что впервые ее преследует настоящий страх…

Эйзиз не привыкла лгать самой себе. Она тысячи раз смотрела в глаза

смерти, но то было совершенно иное чувство… Когда идет бой и время измеряется миллисекундами, умереть не страшно — избыток адреналина в крови топит в себе здравый смысл, и все выглядит совсем иначе…

А вот стоять посреди мрака и тишины собственного склепа, четко осознавая, что погребен заживо под тоннами щебня, в который ковровая бомбардировка превратила старый форт, — вот это оказалось по-настоящему страшно. В осознании безвыходности положения и собственной беспомощности было что-то мерзкое…

Измученный взгляд Саши следил за фигурой приближающегося Николая, а в голове прокручивался один и тот же вопрос: как долго они будут умирать? Сколько в состоянии протянуть человек в замкнутом пространстве склепа? И что придет раньше — безумие или физическая смерть?

В другой момент она бы не стояла, как истукан, а пошла бы навстречу фон Риттеру, тем более что Николай казался ей тем единственным человеком, что мог бы перевернуть всю ее жизнь. Она чувствовала — финальные мгновения того страшного боя сблизили их так, как не смогли бы сблизить прожитые вместе годы…

На глаза Саши вдруг навернулись слезы.

Она не хотела, чтобы он подходил к ней, не хотела слышать его голоса, не хотела видеть его черт лица и отраженного в них спокойствия, потому что это было все, что она могла бы полюбить, но увы… Ее чувства тоже оказались погребены тут вместе с ней…

— Они убрались… — Николай, словно почувствовав ее отчужденность, остановился в нескольких шагах от Эйзиз.

— И что? — с непонятным ей самой вызовом спросила Саша.

— Ничего, — пожал плечами фон Риттер так, словно речь шла о вещах само собой разумеющихся. — Пока тебя не было, Рорих вскрыл второй запечатанный склад, — сообщил он, — там оказалась аккумуляторная подстанция.

Саша вдруг резко вскинула голову.

— Ник, зачем это все? — выдохнула она прямо ему в лицо. — Теперь мы из принципа будем заниматься этой мышиной возней? Чтобы прожить еще день или два? Будем ловить крыс, пауков, дождемся, когда загниет плоть на наших ранах, будем мучиться, подбадривая друг друга… — она не выдержала и отвернулась. — Я не хочу… — несколько секунд спустя добавила она, немного успокоившись. — Ты знаешь, Николай, пока были шансы, я боролась. Но нас приказано уничтожить во что бы то ни стало, и вот результат — мы уничтожены. Не честнее ли признать это?..

— И что, по-твоему, мы должны будем сделать, признав, что погребены заживо? — в голосе фон Риттера промелькнули незнакомые ей нотки.

— Николай, если ты хочешь цепляться за жизнь, я не могу тебе ничего сказать. Это твое дело. Но я не хочу умирать медленно и трудно, ты понимаешь?!

— Понимаю.

Николай поднял взгляд и при свете укрепленного на шлеме фонаря пристально посмотрел в ее изможденное лицо, которое при неярком освещении вдруг приобрело землистый оттенок.

— Я не буду тебе лгать, Саша, — мы действительно попали в страшную переделку, — медленно произнес он. — Но рано говорить о том, что нас больше нет… Знаешь, — он внезапно грустно улыбнулся, присев на корточки — стоять, выпрямив ранению спину, оказалось слишком мучительно, — когда я был маленьким, то, глядя на мать, думал, что на свете больше нет такой женщины…

— И что? — настороженно спросила она, прислонившись к бетонной стене. Грустная улыбка Николая так глубоко и болезненно проникла в ее чувства, что она едва не задохнулась от охватившего ее желания коснуться рукой его губ.

— Ты похожа на нее, Саша… — признался Николай. — Но я искал тебя не затем… — вдруг произнес он, словно испугавшись вырвавшейся фразы. — У нас есть шанс. Шанс погибнуть в бою, а не тут…

— Ты смеешься? Над нами слой раздробленного бетона толщиной в десять метров. Лучшей надгробной плиты и не придумаешь…

— Бетон не проблема. Рорих кое-что придумал. — Николай снизу вверх посмотрел на Эйзиз и вдруг протянул ей руку. — Помоги встать, и пойдем посмотрим, — предложил он, заставив себя улыбнуться.

Эйзиз молча приняла протянутую руку. Ее пальцы слегка дрожали и были холодны как лед.

У дальней стены подземелья, где располагались входы в опечатанные много лет назад склады, горели несколько развешанных над дверями переносных ламп.

В их свете фигура Рориха казалась тенью демона — хозяина этих мрачных подземных залов. Он шел от одного входа к другому, волоча за собой длинный отрезок высоковольтного кабеля. Заметив появившихся из тьмы Ваби, Николая и Сашу, Черч, вертевшийся под ногами Эрни, с радостным визгом бросился им навстречу.

Рорих остановился и повернул голову.

— Идите сюда! — громко прокричал он, и эхо от его голоса затравленно метнулось под сводами древнего бункера.

— Ты чего орешь? — спросил Николай, подойдя ближе. Эрни напряженно смотрел на его губы.

— Не слышу! Говори громче!

— Ладно! — крикнул фон Риттер, наклонясь к самому уху Эрни. — Веди, показывай!

Рорих кивнул, тут же сунув в руки Николая еще один отрезок кабеля.

— Пошли!

Пройдя в следующий, уже вскрытый без помощи взрывчатки дверной проем, они оказались еще в одном складском помещении.

Вдоль стены этого зала высились силовые шкафы с предупредительными знаками, говорящими об опасности прикосновения. Чуть дальше, в сумраке возвышались прямоугольные бетонные чаны с решетчатыми крышками.

— Этот зал, — крикнул Эрни, сбрасывая с плеча кабель, — предназначался для энергоснабжения в случае расконсервации! — он указал рукой на чаны, от которых исходил острый, специфический запах, и пояснил: — Это кислотные аккумуляторные батареи! Очень старая технология, но зато во! — он выставил большой палец в выразительном жесте. — Могут в сухом виде стоять веками! Я залил туда кислоту!

— И что теперь? — спросила Саша, озираясь по сторонам.

— Энергия, — пояснил Николай, указывая на два кабеля, которые Рорих прикручивал к контактам накрывающей одну из ванн решетки. — Эрни подключил их к накопительному блоку питания одного из роботов. Сейчас начнется подзарядка!

Лицо Саши внезапно просветлело. Она поняла, что задумал Рорих. В памяти Эйзиз мгновенно всплыли наклонные пандусы для планетарной техники и огромные створы, ведущие на поверхность. При помощи робота можно будет открыть такие ворота, и поток щебня обрушится по пандусу в пустое подземелье, открыв выход наружу…

— Ник, мы сможем выбраться отсюда?! Ты уверен?!

Николай посмотрел на нее и улыбнулся.

— Надежда умирает последней. Я надеюсь.

— Дай бог…

Николай внезапно посерьезнел, взглянув на ее возбужденное лицо.

— Знаешь, что меня поражает в тебе, Саша? — вдруг без тени улыбки спросил он.

— Что? — мгновенно насторожилась она.

— Твоя готовность умереть. Почему ты так рвешься в бой?

Саша не задумалась над ответом.

— Там жизнь, Ник. В бою нет безысходности, а рассчитанный риск порой уравнивает несоизмеримые силы, — серьезно ответила она.

— У тебя уже есть мысли на этот счет? — искренне удивился фон Риттер. — О чем ты думаешь, скажи?

— О том, как нам вырваться с Везелвула.

* * *

Над поверхностью планеты занимался невзрачный серовато-багряный рассвет.

Все ярче разгоралось больное искусственное солнце, и его зловещие, нездоровые лучи с каждой сменой дня и ночи все сильнее прогревали промерзшую насквозь землю.

Капитан Спаркс стоял в своем излюбленном месте — посреди выступающего из брони «Громовержца» выпуклого прозрачного блистера — и смотрел на мрачные рассветные краски.

Несколько минут назад отправленные на орбиту техники доложили, что ремонт станции Гиперсферной Частоты окончен, и в данный момент полковник с мрачным предчувствием ожидал первого нормального сеанса связи с системой Онтарио.

Нервно прохаживаясь по замкнутому пространству блистера, он думал о том, что скажет Роберту Итему и его сыну. Спаркс слишком хорошо представлял, сколько стоит одна незапланированная атмосферная посадка «Громовержца», а ведь ему еще предстояло оправдываться за сильное повреждение брони корабля и потерю двух третей личного состава вкупе с пятью космическими истребителями…

По меркам современных войн то, что произошло с крейсером, мало было назвать неудачной операцией — это больше походило на разгром, а капитану нечего было представить в собственное оправдание. Спаркс так до конца и не понял главного — Эрика Итема не интересовали потери, ему важнее было другое…

Но тут капитан оказался бессилен. Солнце Везелвула пылало само по себе — после того как его техники попытались что-то сделать с ним с пультов управления космопортом, связь с автоматикой, контролировавшей реакции термоядерного синтеза, внезапно оборвалась.

У Спаркса оставался единственный способ выполнить приказ — он должен поднять «Громовержца» в космос и за отпущенные ему часы просканировать всю поверхность Везелвула в поисках выживших.

Естественно, сообщать Эрику Итему о том, что такой урон боевому крейсеру и его личному составу нанес экипаж какого-то занюханного межзвездного транспорта, он тоже не собирался…

Если понадобится, то он заткнет глотки всем, кто причастен к этим событиям.

Спаркс вдруг усмехнулся течению собственных мыслей. Через три-четыре часа ремонт брони будет полностью окончен, и «Громовержец» вновь поднимется на орбиту. Глупо выходить на связь сейчас… Лучше произвести ее первый сеанс из космоса, и там… кто знает — может, он еще и получит заслуженную награду за уничтожение тех сил, что пытались удержать Везелвул… По крайней мере, пара радиоактивных воронок никак не повредит экологии этого поганого мира, а ядерные ожоги, как известно, молчат о том, сколько вражеских солдат сгорело при взрыве боеголовки.

«Их будет много… — успокоил сам себя капитан, даже не вспомнив о предупреждении Итема насчет плутония, которого было полно в недрах радиоактивных свалок. — Ровно столько, сколько потребуется, чтобы оправдать потерю пяти боевых машин…»

— Связь! — потребовал он, подняв к губам мобильный коммуникатор.

— Да, сэр! — отозвался голос вахтенного офицера.

— Заблокировать канал ГЧ с системой Онтарио! — безапелляционно приказал капитан. — Я переношу сеанс. О времени сообщу позже. Все!

— Так точно, сэр!

Коммуникатор сдавленно кашлянул и отключился.

«Вот так… — удовлетворенно подумал Спаркс, покидая блистерный купол. — Теперь я обведу вокруг пальца всех. И пусть какая-нибудь тварь на борту только посмеет пискнуть…»

* * *

Рассвет, который наблюдал капитан Спаркс, расхаживая по блистерному куполу «Громовержца», освещал не только притихший, разоренный катаклизмом город вокруг космопорта, но и другие места.

Начало светлеть и на болотах, где не так давно отгремели взрывы коврового бомбометания, которое стерло с лика планеты старый законсервированный форт…

Лишь ровный слой бетонного щебня, из которого, как изломанные конечности, торчали погнутые и перекрученные прутья арматуры да обугленный остов «Новы», застывший на краю оттаявшего ядовитого болота, напоминали о разыгравшейся тут несколько часов назад трагедии…

Внезапно ровный слой искрошенного взрывами бетона в одном месте дрогнул и начал оседать, проваливаясь вовнутрь.

Этот процесс не был стихийным обвалом, наоборот, сначала все происходило очень тихо… просто в одном месте обозначилось пологое углубление, похожее на воронку. Оно медленно расширялось, словно внизу открывался все больший и больший проход для массы искрошенного в щебень бетона. Со дна воронки вверх потянулись струйки известковой пыли, которые постепенно превратились в клубы белой взвеси, и вдруг…

Несколько тонн камня с тяжким, гулким стоном обрушились вниз, взметнув к багряно-серым небесам клубящийся столб бетонной пыли…

Воронка резко расширилась от этого внезапного обвала, и на ее дне обнажились исковерканные взрывами плиты, которыми был вымощен двор старой колониальной тюрьмы, и внушительное квадратное отверстие в них, доверху заполненное обвалившимися угловатыми осколками бетонных стен…

Первая попытка вырваться наружу окончилась для пленников подземного бункера неудачей. Масса обломков, съехав по пандусу, полностью завалила проход…

…Подземелье старого форта выглядело в этот момент весьма впечатляюще. Облака удушливой пыли клубились во мраке арочных залов. Их толщу прорезали три ярких снопа света, бьющие с приземистого корпуса боевой машины, которая с надсадным воем сервоприводов пробиралась меж обломков к наклонной плоскости соседнего с обвалом пандуса.

Эрни Рориха, который сидел в тесной рубке управления «Фалангера», ничуть не обескуражила первая неудача. Он был готов к ней и не собирался опускать руки.

Машина, внешне похожая на гигантскую мутировавшую жабу, вгрызаясь ступнями трехпалых ступоходов в осыпь бетонных обломков, упорно карабкалась через обвал.

Рорих, сидя в кабине, тихонько насвистывал себе под нос.

Должно было случиться нечто совершенно экстраординарное, чтобы вывести этого человека из состояния душевного равновесия. В данный момент Эрни абсолютно спокойно занимался интересной для себя работой. Он, как никто другой из членов маленькой боевой группы, верил в машины и был отчасти сродни им. Он знал, что хороший робот требует прежде всего умного, грамотного управления, и тогда машина окажется в состоянии творить чудеса.

Действительно, конструкция «Фалангера», как, впрочем, и

большинства других запрещенных к воспроизводству или ныне здравствующих боевых машин, была продумана и отшлифована не одним поколением инженеров и техников.

Любой другой изобретенный человеком способ передвижения, будь то колесо, гусеничный трак или что-то другое, не мог поспорить по своей гениальности, а главное — по своей функциональности с тем, что породила природа в процессе эволюции.

Опорно-двигательный аппарат «Фалангера», исполненный из титано-керамлитового сплава на основе системы серводвигателей, был частично позаимствован у знаменитых жабоклювов планеты Элио.

Там, где безнадежно застревал любой вездеход или трактор, мог спокойно пройти шагающий робот. Его трехпалые ступни с подвижными пальцами цеплялись за малейший надежный выступ. Такая машина с равной легкостью могла передвигаться как по горам, так и по болотам. Единственное, чего не умел «Фалангер», — так это летать. Семнадцатитонная машина могла лишь прыгать, используя для этого весьма ограниченный ресурс реактивных ускорителей…

…Преодолев обвал, боевой робот остановился у основания уходящего вверх пандуса.

В тишине подземелья резко взвизгнули двигатели торсового разворота, и верхняя часть корпуса «Фалангера» повернулась вместе с рубкой пилота и выступающими по бокам оружейными пилонами.

Во мраке подземелья ослепительно вспыхнул красный лазерный луч.

…Спустя пару минут на поверхности вновь зашевелился уже потревоженный слой бетонного щебня. На этот раз движение происходило в самом центре пологого ската уже образовавшейся воронки.

Эрни Рорих абсолютно верно рассчитал, что в этом месте масса битого бетона будет значительно меньше, чем прежде.

Вновь к потерявшим часть своего багрянца небесам Везелвула потянулись клубы белесой пыли, тонкой известковой пленкой оседая на черной стоячей воде болот.

Грохот обвала ощутимо поколебал землю, и пылевое облако заволокло все обозримое пространство.

Когда оно немного рассеялось, сквозь уносимую ветром муть стал отчетливо виден прямоугольный провал, из которого все еще вырывалась пыль.

Внезапно из темных недр подземелья раздался характерный звук работающих сервоприводов, и над краем открытого створа древних ворот появился приплюснутый корпус боевой машины, на лобовом скате которой

нежно светились два узких разреза оптических триплексов рубки управления.

«Фалангер» несколько раз повел торсом из стороны в сторону, сканируя окрестности, и тяжкой неторопливой поступью поднялся из провала.

Его оружейные пилоны, плотно прижатые к бокам, тупо сверкнули жалами заряженных реактивных ракет.

— Саша, Ник… — раздался в эфире голос Эрни. — Я поднялся. Вокруг все чисто.

— Понял тебя!.. — пришел ответ фон Риттера. — Держи позицию, мы начинаем движение!

Робот Рориха отступил от провала и застыл, поджав ступоходы. Два автоматических орудия повернулись на независимых подвесках и нацелились на далекий горизонт.

— Жду… — коротко доложил Эрни.

Через минуту из прямоугольного лаза, словно подземные демоны, поднялись, один за другим, еще два «Фалангера», камуфлированная броня которых была покрыта толстым слоем известковой пыли. На краю прохода ведущий робот неловко оступился, но сработавшие системы автоматической стабилизации не дали ему упасть.

— Ваби, не трогай ничего, кроме пушек, тебе же сказано! — раздался в коммуникаторах Эрни и Николая гневный окрик Саши Эйзиз.

В рубке ее «Фалангера» маленький мутант виновато отдернул пальцы от красивых огоньков на ближнем к нему крыле пульта управления и с угрюмым видом припал к наспех переделанной под его рост автоматической пушечной турели робота.

Он выполнял роль правой руки Саши, заменив ей искалеченную осколком кисть, и страшно гордился этим.

Эйзиз повернула голову, посмотрев на ровный слой бетонного щебня, что покрывал то место, где несколько часов назад возвышались серые стены форта.

Ее горло сдавил спазм.

Мысль об Андрее вызвала приступ удушья. Они не могли даже отыскать то, что осталось от него. Слой дробленого бетона лежал, словно тяжкая насыпь над его могилой.

Саша отвернулась, но ее взгляд наткнулся на обгорелый ком, в который превратились останки «Новы» после ночной бомбежки.

Ей хотелось плакать, но глаза оставались сухими.

В подземелье старой колониальной тюрьмы, где у дальней стены

сквозь клубы известковой взвеси пробивался тусклый свет двух лампочек, за дверями древнего склада возле двух бессознательных тел лежал, упокоив голову на вытянутых лапах, Черч.

Преданный пес охранял двух тяжело раненных людей — доктора Гентри Фрамера и Дерека Линкса, в забинтованную руку которого была засунута короткая записка, нацарапанная на клочке упаковочной пластбумаги:

«Дерек, если очнешься, не паникуй. Мы сделали для вас с доком все, что могли. Идем на „Громовержца“. Будем живы — вернемся за вами.

Эйзиз, фон Риттер, Рорих».

Черч лежал, настороженно втягивая пыльный воздух влажными ноздрями.

Он верил, что они вернутся, иначе зачем его оставили тут?

* * *

Три боевые машины, мерно покачиваясь в такт движению разбрызгивающих болотную грязь ступоходов, продвигались в утреннем тумане по направлению к космопорту Везелвула.

Николай, у которого управление боевым роботом вызывало некоторое неосознанное беспокойство, пользуясь случаем, вновь занялся проверкой систем.

В голове фон Риттера еще не до конца нашел свое место тот факт, что машины, несколько веков простоявшие в полнейшем забвении, оказались не просто исправны — они работали именно так, словно последнее техобслуживание их систем проводилось не далее как вчера.

Пальцы фон Риттера сновали по рядам непривычных переключателей, одну за другой активируя боевые системы машины. Одновременно он старался запомнить их расположение.

Управление «Фалангером» оказалось столь простым, что он еще раз поразился практичности его конструкторов. При известной природной сообразительности огромным роботом смог бы управлять и новобранец, что делало эту машину еще более смертоносной.

Пока он переключал системы, центральный процессор робота беспрекословно выполнял все команды, выводя на центральный монитор короткие тексты подсказок. Словно машина тоже знакомилась с новым пилотом.

Со стороны это могло бы показаться комичным, если бы не та

осязаемая дрожь, что вызывали четкие, слишком правильные и законченные движения боевой машины…

«Фалангер» фон Риттера шел в средней позиции, меж двух других машин, то замедляя свою поступь, то ускоряя шаг, в зависимости от того, какие команды получали его сервоприводы от Николая.

Вот он на мгновение приостановился, чуть поджав ступоходы, и резко повернул торс, наводя два безоткатных орудия, которые крепились сразу над пилонами ракетной установки, на невидимую цель. Затем, безо всякого видимого перехода, машина вздрогнула и пошла вперед, уже на ходу возвращая рубку в исходное положение.

Саша, у которой управление «Фалангером» изначально не вызывало никаких затруднений, боковым зрением наблюдала за этими эволюциями машины фон Риттера.

Действия Николая выглядели вполне сносно, если учесть его признание, что он никогда не сталкивался с моделями шагающих роботов иначе как на симуляторах.

«Значит, то были хорошие симуляторы…» — подумала Саша, направляя своего робота на холм.

— Ваби, ты как? — спросила она, заставляя машину вскарабкаться на самый гребень, так чтобы рубка управления оказалась выше плотного слоя утреннего тумана.

Карлик повернул голову и посмотрел на Сашу выразительным взглядом своих красноватых от природы глаз.

— Хорошо!.. — отрывисто ответил он.

— Смотри… — нахмурилась Эйзиз. — Если что непонятно, лучше спроси сейчас…

Ваби отрицательно мотнул головой. Как ни странно, но ему нравилось находиться в тесной, теплой, имевшей особенный запах кабине управления, средь сдавленного писка сигналов и ровного свечения циферблатов, а его короткие мускулистые руки буквально срослись с сенсорными рычагами наводки автоматической пушки.

— Как перезаряжать, помнишь? — не унималась Эйзиз. Ваби лишь довольно осклабился в ответ, взглядом указав на расположенную под большим пальцем правой руки красную кнопку, под которой тонкой вязью светилась миниатюрная надпись на интерангле: «Смена боекомплекта».

— Молодец… — скупо похвалила его Саша, выпрямляя ступоходы застывшего на вершине холма робота.

Отсюда уже были видны диспетчерские башни космопорта.

— Николай, Эрни, осторожнее, мы почти у цели, — предупредила она

в коммуникатор. — Включите телеметрию, я перекачаю вам данные о рельефе.

Все происходило обычно, буднично, совсем как на учениях. Кому-то это могло показаться странным, абсурдным, а быть может, даже кощунственным, но только не им. Просто все, что могло отболеть или же умереть в человеческой душе, уже отболело и умерло. Не было страха и сомнений. Не было никакого героизма. Они твердо знали, на что идут, и сознательно использовали свой последний, безумный шанс.

На индикаторной панели перед Эйзиз послушно вспыхнули два зеленых сигнала.

Пока шла передача данных с сенсоров ее робота в компьютеры двух застывших возле основания холма «Фалангеров», Саша, бессознательно покусывая нижнюю губу, разглядывала появившееся на ее мониторах увеличенное изображение «Громовержца».

Она слишком хорошо знала этот космический корабль…

— Эрни, если я дистанционно свяжусь с процессором крейсера, ты сможешь сломать защиту? — осведомилась она.

— А ты что, не помнишь код доступа? — искренне удивился Рорих.

— Помнить-то я помню… — ответила Эйзиз, — но ты думаешь, что он не изменился?

— А какой в этом смысл? Не изменили же они кодов и частот связи с истребителями…

— Верно, — согласилась Саша. — Я думаю, что стоит попытаться дистанционно открыть нижний грузовой портал…

— Хочешь ворваться вовнутрь? — спросил Николай.

— Это наш единственный шанс, — спокойно ответила ему Саша. — Ты же не думаешь, что мы в состоянии затеять с ним артиллерийскую дуэль?

— Нет, конечно… — согласился фон Риттер. — «Громовержец» нас попросту размажет по земле…

— Вот именно, — подтвердила Саша. — У крейсера слишком много преимуществ перед нами, и свести неравенство сил к минимуму мы сможем только одним способом — если прорвемся вовнутрь, на палубы корабля, — высказала она свою мысль. — Вот там шансы уже будут почти что равны…

На мгновение в коммуникаторах повисла тишина. Оба ее напарника обдумывали услышанное, мысленно взвешивая все «за» и «против».

— Сколько нам придется шлепать по открытой местности? — наконец нарушил затянувшуюся паузу Николай. Вид огромного космического

корабля, контур которого возвышался даже над башнями диспетчерского контроля, вселял невольное уважение к его мощи… Было трудно представить, что этот огромный электронно-механический мир способен пасть под атакой трех шагающих боевых машин планетарного класса…

— Километра полтора… — отозвался Рорих, отвечая на его вопрос. — Секунд сорок, если предварительно разогнаться, — спустя некоторое время добавил он.

Эйзиз тем временем не отрываясь изучала показания приборов. Она как никто другой представляла себе, что творится в данный момент на огромных палубах космического крейсера, да и около него тоже.

Если бы не фактор внезапности, который вселял в нее слабую надежду на успех, то Эйзиз бы сказала, что их шанс прорваться на борт равен нулю. В любом случае и она, и Николай с Рорихом прекрасно отдавали себе отчет в том, что у них будет только одна попытка прорыва, и если она окончится неудачей, то системы «Громовержца» попросту разнесут их в пыль…

— Сканеры фиксируют четыре поста по периметру охраны, — сообщила Саша. — Там у них стандартный набор вооружения — легкая автоматическая пушка, личное оружие плюс два бластерных орудия… Придется пострелять, — с плохо скрытой досадой заключила она. — Тихо подойти мы не сможем.

— Нужно сразу разметить маршрут, — высказал свое мнение Рорих. — И придерживаться каждый своей цели во что бы то ни стало.

— Естественно, — Саша нахмурилась, изучая вычерченную тактическим компьютером карту, куда уже наложились показания сканирующих систем. — Я буду открывать грузовой портал и на некоторое время окажусь вне игры… — напомнила она. — Но даже если он откроется, то для входа на грузовую палубу, у внутреннего люка, от нас потребуются особые полномочия для доступа…

— Об этом не волнуйся, — успокоил ее Эрни. — Нам главное — проскочить в шлюз, — пояснил он, изучая тактическую схему. — И тогда вся огневая мощь крейсера окажется бесполезна…

— А если при нашем приближении крейсер начнет экстренный старт? — поинтересовался Николай.

— Сомневаюсь… — покачала головой Саша, указав световым карандашом на тот участок обшивки, где отсутствовало несколько сегментов брони. — Корабль еще не готов к атмосферному маневру. С такой дырой в корпусе он никуда не взлетит.

— Ты уверена? А если экипаж вдруг запсихует?

— Тем хуже для них, — вместо Саши мрачновато подытожил Popих. — Лучше давайте решим, как нам действовать в том случае, если не удастся открыть портал и спустить пандус?

— По обстановке… — успокоила его Эйзиз. — Взлетать он не станет, — еще раз, вполне убежденно повторила она, — а мы в любом случае уже окажемся под брюхом, в мертвой для орудий главного калибра зоне…

— Понятно… — Николай кивнул, как будто Саша или Эрни могли увидеть его жест. — Особого выбора у нас нет… Тогда распределяем позиции и вперед?

Губы Саши искривила странная, не свойственная ей усмешка.

«Как буднично иногда звучат самые страшные слова…» — подумала она.

* * *

Для Фридриха Гюнтера, командира отделения десантного взвода, это утро ничем не отличалось от сотен других рассветов, которые ему приходилось наблюдать на десятках иных планет.

Сидя на бронепластиковом выступе за покатым бруствером переносного охранного бастиона, он курил, откинув забрало своего гермошлема, изредка сплевывая в подернутую тонким ночным льдом лужу талой воды.

Рядом с ним, возле треноги переносного бластерного орудия, расположился капрал Зотов — огромный детина с непропорционально длинными руками, по поводу которых на борту крейсера уже ходило несколько анекдотов.

Гюнтер и Зотов отлично подходили друг другу — оба были выходцами с похожих, слаборазвитых миров Окраины, и как следствие — уровень их интеллекта и круг интересов совпадали практически на сто процентов.

— Видел вчера этих крутых парней со второй пехотной палубы? — глубоко затянувшись, спросил Гюнтер.

— Ага… — лениво отозвался капрал, изо рта которого вместе с дыханием вырывался пар. — Уделали их как надо… Этот Спаркс был прямо сам не свой, когда вышел посмотреть на них… — равнодушно хохотнул он. — Покраснел, как рак, набычился… Придурок хренов… Попробовал бы сам побегать по болотам под огнем.

— Да нет, — возразил Гюнтер, — сдается мне, ребята сами сели в лужу. Говорят, там была какая-то стерва из бывших офицеров летной

палубы. Эйзиз, что ли… Точно не знаю. Вроде как профи, не чета нам с тобой, тупым пехотинцам. Вот и покрошили наших орлов…

— Тебе-то что за горе? — безразлично осведомился Зотов. — Лично я не переживаю, — добавил он, выпрямляясь в полный рост. — Сравняли с землей этот форт, и нормально. Сразу надо было так сделать — меньше было бы проблем… — заключил он, поворачиваясь в сторону открытого пространства старто-посадочных полей.

— Ни хрена не видать… — пожаловался он, обшаривая горизонт через оптику электронного бинокля. — Туман…

…Три «Фалангера», поджав ступоходы, затаились в этот момент за приземистым одноэтажным строением на краю посадочного поля номер десять.

— …как кисель у моей бабушки, — закончил Зотов начатую мысль.

— …Ник, если больше не увидимся, я бы хотела, чтоб ты знал… — тихий голос Саши звучал необычайно мягко и проникновенно…

— Так вот, Гюнтер, беру я, значит, еще по одной и возвращаюсь к столику. И в этот самый момент…

Туман пластами плыл над притихшим космическим портом. В утренней тишине каждый шорох внезапно приобретал несвойственную громкость, и потому тонкое подвывание торсовых сервоприводов «Фалангера» показалось Рориху сродни грому…

— Ты слышал?! — Гюнтер отбросил окурок сигареты и выпрямился, схватившись за электронный бинокль.

— Чего там? — насупился было Зотов, который страшно не любил, когда прерывают его рассказы о собственных похождениях в припортовых кабаках на самом интересном месте.

— Заткнись! — сквозь зубы процедил Гюнтер. — Включи инфракрасный сканер, живо!

Зотов, что-то ворча себе под нос, подчинился, щелкнув переключателем на тактическом пульте, установленном рядом с треногой бластерного орудия.

На поменявшем свой цвет мониторе внезапно вспыхнули, запульсировав ослепительной аурой, тепловые контуры трех шагающих боевых роботов.

…Саша так и не успела закончить начатой фразы. Судьба не дала ей всего нескольких секунд…

— Нас засекли! — ворвался на частоту ее коммуникатора злой возглас Эрни Рориха. Одновременно с этими словами машина Железной Башки резко привстала и, набирая скорость, пошла, чуть раскачиваясь из стороны

в сторону, по направлению к «Громовержцу».

«Фалангеры» Эйзиз и фон Риттера одновременно повторили тот же самый маневр, покинув последнее укрытие.

Времени для слов уже не осталось.

— …Мать твою!.. Это атака!

Выпучив глаза, Зотов повернулся к бластерному орудию.

Гюнтер, уронив на грудь электронный бинокль, в страшном секундном оцепенении наблюдал, как сквозь слоистый молочно-белый туман прорезается контур исполинской, чуть приплюснутой в верхней части боевой машины неизвестной ему модификации.

Тяжкая поступь пятиметрового бронированного жабоклюва, на которого был очень похож этот материализовавшийся из тумана призрак, ощутимо сотрясала плиты посадочной площадки… Широко открыв рот, Гюнтер судорожно вдохнул ледяной утренний воздух, хватая свою импульсную винтовку, и, словно в ответ на его паническое движение, громко взвизгнули сервоприводы торсового разворота…

Он закричал.

Последнее, что запечатлело в себе сознание Фридриха Гюнтера, был вид спаренных стволов автоматической пушки «Фалангера», которые внезапно задергались, ритмично вбивая снаряд за снарядом в бронепластиковый бастион охраны периметра.

Потом его ослепил страшный кровавый свет, вслед за которым наступил абсолютный мрак…

«Enemy detected…»
«Enemy detected…»
«Enemy detected…»

Сообщения на устаревшем уже интерангле сплошной строкой побежали по трем тактическим мониторам боевых машин, как только «Фалангеры», набирая скорость, рванулись к темной громаде «Громовержца».

Эйзиз видела, как повернулся торс машины Рориха и автоматическая пушка глухо зарокотала, выплевывая трепещущие язычки пламени.

Утреннюю тишину разодрал вой сервомоторов и оглушительный грохот разрывов. Первый залп Рориха разнес ближайшую огневую точку периметра охраны, взметнув вверх обломки бронепластика вперемешку с деталями станины бластерной пушки и телами космических пехотинцев.

Не обращая внимания на грохот и зачастившие вспышки, Саша

развернула своею «Фалангера» и на предельной скорости повела его прямо под плоское, отливающее синевой керамлита брюхо космического крейсера.

Здоровая рука Эйзиз металась по переключателям пульта, едва справляясь с управлением многотонной машиной. В этот момент все ее внимание было поглощено лишь тем, чтобы выдержать кратчайший курс к огромным створам грузовых порталов, которые располагались в кормовой части днища.

На несколько мгновений она совершенно забыла о Ваби, но карлик сам напомнил о себе, внезапно дав короткую очередь из автоматической пушки.

Мелькнувшую меж колонноподобных телескопических опор крейсера фигуру десантника в темной фототропной броне в буквальном смысле разнесло на куски, точно так же, как за сутки до этого башенное орудие одного из атаковавших форт модулей разделалось с Грегором.

Сашу передернуло. Она слишком хорошо осознавала, что им приходится убивать тех, кто просто подчинялся приказам свыше.

«Заткнись! Заткнись! Заткнись!..» — мысленно проорала она самой себе.

Не помогло.

Стиснув зубы, Саша продолжала управлять роботом, который широкой поступью продвигался меж опор крейсера.

Перед глазами Эйзиз все еще стоял мираж разлетающегося на кровавые клочья тела пехотинца.

Вне себя от захлестнувших ее эмоций, не в силах противостоять напору вырвавшихся из-под контроля чувств, она в порыве бешеной, необузданной ярости, на мгновение бросив управление, быстро набрала код на панели связи своего «Фалангера».

Робот продолжал идти. Заветный портал приближался, выделяясь на голубовато-сером фоне брони темным многометровым прямоугольником плотно сомкнутых створов.

На панели связи замигал трепетный огонек, и тотчас из динамиков в рубку управления ворвался голос:

— Что, черт подери, происходит?! Кто там на связи, отвечайте, мать вашу, это говорит капитан Спаркс!

— Капитан! — голос Саши чуть дрожал от того внутреннего напряжения, что испытывала она в эти секунды. — Говорит лейтенант Эйзиз, не забыли меня?

В ответ раздался сдавленный звук, в котором было больше

потрясения, чем смысла.

— Да, капитан, это я. Сто раз приговоренная и столько же раз убитая… — произнеся это, Саша подвела «Фалангера» под самый центр портала и, остановив робота, схватила прямоугольный корпус радиопрограмматора, предназначенного для связи с различными автоматическими устройствами.

Набирая последовательность букв и цифр, она продолжала говорить:

— Отзовите своих солдат, капитан. Им незачем умирать.

Набрав последнюю цифру, Саша оглянулась. Машин Рориха и фон Риттера не было видно из-за плотного тумана и примешивающегося к нему дыма от нескольких чадных костров, но несмолкающий грохот пушек свидетельствовал о том, что они увязли и ведут бой.

— Ты труп! — вдруг хрипло выкрикнул Спаркс, очевидно оправившись от потрясения.

— Сколько раз уже докладывали о моей смерти и полной зачистке планеты? — гневно спросила Саша, не отрывая взгляда от плотно сомкнутых створов. Откроются или нет?

— Ты выжила случайно… Но теперь… Теперь я лично прибью тебя!

— Не говори гоп, корпоративная мразь!.. — не выдержала Эйзиз. В этот самый момент внешний створ грузового портала дрогнул и начал медленно открываться, опускаясь к земле наклонной, образующей пологий пандус плоскостью.

— Слушай меня внимательно, ублюдок!.. — Саша склонилась к панели связи, так что ее губы едва не касались сеточки встроенного микрофона. — Ты очень рано меня похоронил. Предлагаю последний раз — отзывай охрану с периметра и сдавайся, тогда больше не будет никакой крови. Мы не воюем за Везелвул, мы просто хотим покинуть эту планету, ты понял? В ваших играх мы не замешаны, и твой приказ с самого начала предписывал убивать ни в чем не повинных людей. Я готова забыть, какая ты мразь, и подарю тебе жизнь только ради того, чтобы предотвратить новые смерти!

На секунду в коммуникационном устройстве повисла тишина.

— Ты спятила? — подозрительно спросил капитан после секундной паузы. Казалось, он никак не мог взять в толк, почему Эйзиз так уверенно и дерзко говорит с ним. — Да у тебя нет ни одного шанса! — внезапно рассмеялся Спаркс. — Ты труп, — повторил он, — и сама это осознаешь. Тебя просто размажет по бетону этого поля!

Глаза Эйзиз сузились.

— Хорошо… — выдохнула она. — Ты сам сделал выбор, капитан.

Теперь молись, потому что мне терять уже нечего. Я приду за тобой!..

Она резко дернула выключатель, оборвав хриплый голос Спаркса, и развернула машину навстречу пандусу.

— Ник, Эрни, я открыла его!

В ответ не раздалось ни звука, лишь остервенелый лай автоматических пушек перемещался все ближе и ближе…

* * *

Направив своего «Фалангера» на ближайший бастион периметра охраны, Рорих думал лишь об одном — он лучше других управлялся с роботом, а потому должен был принять на себя основной огонь. Почему должно быть именно так, Эрни не задумывался. Для него такой расклад казался очевидным и не подлежал сомнениям.

Он видел, как машина Эйзиз скрылась в тумане, оставив от себя лишь смазанный тепловой контур на дисплее инфракрасного сканера. «Фалангер» фон Риттера двигался чуть левее и сзади, явно намереваясь прикрывать спину Рориха от неприятных сюрпризов.

А они не заставили себя ждать.

Фактор внезапности, быть может, еще и действовал, но спустя каких-то двадцать или тридцать секунд после своего ошеломляющего, сокрушительного появления на стартопосадочном поле Рорих почувствовал, что внешняя охрана «Громовержца» если и была шокирована, то очень быстро пришла в себя.

Внешние микрофоны внезапно взорвались воем, и из тумана, укутывающего опоры крейсера, вырвался сноп огня.

Ракета, выпущенная из ручной установки, прочертила огненный след над рубкой «Фалангера» и взорвалась, разметав, словно картонный домик, блочное одноэтажное здание, за которым они прятались перед началом атаки.

В ответ Рорих, не останавливаясь, выпустил длинную очередь из автоматической пушки, покрыв разрывами все пространство перед собой и двигавшейся чуть левее машиной фон Риттера.

Перемещаясь под прикрытием разрывов, Эрни резко увеличил скорость, устремившись к самому дальнему бастиону окружающего крейсер периметра…

…Николай в отличие от Эрни чувствовал себя очень скованно. Не владея в полной мере навыком вождения, он двигался намного осторожнее, и управление многотонным роботом едва не поглотило все его внимание.

Если бы не своевременный залп Рориха, то он поплатился бы за это

собственной головой, потому что шел прямо на скрытый туманом расчет второй бластерной пушки. У Николая не хватило времени, чтобы кинуть взгляд на сканеры, иначе он бы заметил пульсирующее красное пятно теплового контура перед собой, а так он понял, что шел прямо на огонь орудия, лишь в тот момент, когда снаряды, выпущенные «Фалангером» Рориха, вспахали бетон на несколько десятков метров впереди его курса и оттуда брызнули осколки бронепластикового бастиона периметра.

Николай, которого прошиб холодный пот, мгновенно осознал свою ошибку и резко включил реверс двигателей. Огромный боевой робот на мгновение остановился, словно споткнувшись, а затем резко попятился назад.

Однако этот спонтанный маневр уже не мог спасти его от выстрела орудия.

Бластерная пушка разрядилась с характерным высокочастотным визгом, и Николай непроизвольно вскинул руку, защищая глаза.

Попадание оказалось стопроцентным. Броню его робота внезапно облило призрачное голубоватое пламя энергетического разряда; на пульте управления с треском лопнул один из экранов, внутри которого произошло короткое замыкание, и кабину начал заполнять удушливый дым горящей проводки.

Серводвигатели «Фалангера» издали тихий затухающий вой, и он, сделав еще один шаг назад, застыл.

— Черт!.. — Николай попытался дернуть рычаги управления, но безрезультатно — серводвигатели, лишившись связи с компьютером, не хотели подчиняться.

Этот паралич систем длился не более нескольких секунд, но они показались фон Риттеру вечностью.

Из молочной пелены тумана прямо под ступоходы «Фалангера» вылетел, прыгая по бетонным плитам, черный шарик ручной гранаты и взорвался, осыпав броню гулким градом осколков.

Этот взрыв не мог причинить вреда тяжелому роботу, но сильно повлиял на Николая, который почувствовал, что насмерть запечатан внутри огромной консервной банки и сидит, не в силах ничего предпринять…

«Черта с два вы меня здесь поджарите…» — подумал он, схватившись за замок ремней безопасности.

Он уже готов был отстегнуться от кресла, когда по уцелевшим мониторам машины внезапно замелькали красные строки аварийных сообщений, и пульт управления «Фалангером» ожил, несколько раз вспыхнув безумной гаммой световых сигналов на индикационной панели.

Процессор робота, оправившись от баллистического и энергетического шока, вновь запустил программы управления.

Как ни странно, но Николай понял это в тот момент, когда над его головой утробно загудел вентилятор, всасывая удушливый дым, наполнивший кабину.

Он не почувствовал облегчения. Робот не являлся продолжением его рук, но тем не менее, схватившись за сенсорные рычаги, фон Риттер резко развернул торс «Фалангера» и дал залп из правой ракетной установки.

Пять тупоносых реактивных снарядов с воем врезались в бастион, изодрав туман ослепительными дымными вспышками разрывов.

Этот залп вернул ему малую толику уверенности в собственных силах, и Николай тронул машину с места. Еще не успели осесть поднятые в воздух обломки, а трехпалый ступоход «Фалангера» уже давил остатки бронепластикового бастиона, внутри которого валялось опрокинутое взрывной волной и сорванное с треноги бластерное орудие…

Оказывается, не боги горшки обжигают, — вернее не скажешь…

Резкий торсовый разворот, за которым произошло плавное и послушное изменение курса, вывел его из полосы тумана на открытый участок стартопосадочного поля.

Один из десантных шлюзов крейсера медленно открывался, словно чудовищная беззубая пасть. Оттуда со звоном вылетел пандус, и по нему покатились, урча моторами, небольшие, ощеренные стволами механизмы.

Николай никогда не видел таких модификаций и понятия не имел, что это за машины, но тем не менее спустил гашетку лазера, обрубив лучом язык пандуса, и интуитивно заставил своего «Фалангера» резко отступить под прикрытие полосы тумана.

Сзади засверкали вспышки разрывов, и в этот критический момент Николай вдруг осознал, что не слышит в своем коммуникаторе ни единого звука. Молчали и внешние микрофоны аудиосистемы робота, и он внезапно понял, что все датчики сгорели, сбитые выстрелом бластерной пушки, так же как и антенны связи.

Он резко развернул робота, пытаясь по вспышкам разрывов определить местоположение Рориха и Эйзиз.

С Эрни это оказалось совсем нетрудно — контур его «Фалангера» прорезался сквозь редеющий слоистый туман. Машина Рориха пятилась, высоко задрав оружейные пилоны и поливая длинными очередями прозрачный блистерный купол, который, словно волдырь, торчал на броне крейсера.

Вокруг «Фалангера» Эрни сверкала смертельная карусель разрывов, и

Николай, не задумываясь, разрядил вторую ракетную установку в блистерный купол.

Как оказалось, вовремя, потому что робот Эрни покачнулся, припав на поврежденный ступоход, и начал крениться вправо, грозя опрокинуться набок.

Неизвестно, каким чудом Рориху удалось удержать машину от падения, но ситуация складывалась отвратительная: с одной стороны «Фалангер» Николая, вполне боеспособный, но потерявший всякую связь с внешним миром, с другой — робот Рориха с перебитыми сервоприводами опорно-двигательной системы и против них — ожившие пушки крейсера, которые в этот момент наверняка уже наводились на цель.

И еще Саша, от которой с самого момента начала атаки не было ни слуху ни духу…

В этой ситуации Николай понял, что теперь все зависит от него.

— Ну, вылезай же, Эрни!.. — отчаянно прошептал он, испытывая досаду от того, что не может связаться с ним. — Не стой, выпрыгивай!..

Он вел своего «Фалангера» к застывшей машине Рориха, надеясь, что тот пребывает в сознании. По всем раскладам, Саша уже должна была открыть грузовой шлюз и им пора было убираться с открытого пространства перед «Громовержцем».

Казалось, Рорих услышал его мысленные мольбы. Его робот внезапно начал рывками разворачивать свой торс в ту сторону, откуда приближался Николай.

Блистерный купол над их головами, пробитый ракетным залпом, истекал струями дыма.

Пока фон Риттер лихорадочно соображал, как ему оповестить Эрни о своих намерениях, автоматическая пушка поврежденного «Фалангера», повернувшись в его сторону, внезапно захлебнулась длинной оглушительной очередью.

Николай бросил взгляд на экран заднего обзора и увидел, как за его спиной, сбитый огнем автоматической пушки, валится набок невесть откуда взявшийся шагающий орудийный комплекс. Это был очень примитивный, но весьма смертоносный автомат, который без разбора уничтожал все, что попадало в зону действия его сканеров. Если бы он успел прицелиться и выстрелить, «Фалангеру» фон Риттера пришел бы конец.

Николай до предела увеличил скорость. До робота Рориха, который, покосившись на один бок, застыл в нелепой позе прямо под отвесной стеной бортовой брони крейсера, оставалось всего каких-то пятнадцать-

двадцать метров, когда в плоском скате брони откинулся люк и оттуда показался Эрни. Не имея возможности связаться с Николаем, он верно понял его намерения. Выбравшись на скат лобовой брони «Фалангера», крохотная фигурка в скафандре приготовилась к прыжку.

Николай ударом ладони по клавишам открыл сразу все аварийные люки своей машины и, чуть замедлив скорость, продолжал выдерживать курс, теперь уже беспрестанно окидывая беглым взглядом все мониторы сканирующих систем. Он больше не мог допустить ни одного промаха в управлении.

Через пару секунд ощутимый толчок и вой стабилизирующих сервоприводов оповестили о том, что Рорих благополучно перепрыгнул на броню его робота.

В проеме открытого люка показались его ноги, и Эрни грузно ввалился в тесную рубку управления, вызвав облегченный вздох Николая.

— Двигай! — не размениваясь по мелочам, прокричал Рорих, тут же хватаясь за резервные рычаги управления орудиями. — К корме, Саша должна быть там!

Николай резко повернул машину, заставив «Фалангера» изменить курс, а Рорих, не теряя времени, уже вел огонь из всего бортового оружия по скрывавшимся за клочьями тумана целям.

* * *

Как бы ни тянулось субъективное время в сознании фон Риттера, но на самом деле с того момента, как три «Фалангера» ринулись в атаку на крейсер, прошла всего одна минута двадцать секунд.

За этот краткий срок каждый из них прожил целую жизнь, но для боевых систем и личного состава крейсера минута двадцать оказалась ничтожно малым временным промежутком.

«Громовержец», огромный и непобедимый в космических баталиях, оказался застигнут врасплох на земле. Его дальние сканирующие системы не смогли обнаружить приближения противника из-за высокого радиоактивного фона холмистой местности, которая прилегала прямо к тому старто-посадочному полю, где возвышался крейсер, а атака трех шагающих роботов оказалась столь стремительной и ошеломляющей, что автоматика не сумела адекватно отреагировать на нее, а люди…

Поднятый по тревоге личный состав только занимал свои посты внутри орудийно-ракетных башен, когда на покрытом воронками и укутанном редкими полосами тающего тумана стартопосадочном поле из всей охраны периметра остался лишь ковыляющий на одном стопоходе

автоматический орудийный комплекс типа «Маньяк», низкорослый, подвижный и весьма ограниченный в смысле интеллекта робот, названный так за невероятное упорство в преследовании избранной цели.

Пять таких машин были выпущены компьютером «Громовержца» при первых признаках атаки на корабль.

Троих срезал лазерный луч фон Риттера прямо на пандусе, в момент выгрузки, одного сбил последний залп Рориха, и этот робот, судорожно передвигающийся на поврежденных сервоприводах, словно больной в припадке эпилепсии, оказался последним защитником «Громовержца».

Доковыляв на подрезанных лазером ступоходах до того места, откуда сканеры четко уловили тепловой контур брошенного Рорихом «Фалангера», небольшой робот остановился и произвел сокрушительный залп из всех орудий.

Сила отдачи опрокинула «Маньяка» на спину, и он уже не смог встать.

Покинутый «Фалангер» Рориха окутался бурым облаком взрывов и грузно осел на плиты посадочной площадки, разваливаясь на куски.

* * *

Когда из редеющего тумана к открытому в корме крейсера грузовому порталу вышел только один «Фалангер», Саша испытала острое, двоякое чувство. Ее сердце встрепенулось от непонятного счастья, когда она узнала машину фон Риттера, и тут же болезненно оборвалось при мысли о Рорихе.

— Ник, где Эрни?! Что с ним?! Отвечай!!!

Коммуникатор молчал. Только теперь Эйзиз обратила внимание на потеки расплавленного керамлита, которые, словно короста, покрывали броню «Фалангера».

«Во имя всех дьяволов Элио, сколько же еще можно терять?..» — метнулась в голове Саши тоскливая и злая мысль.

Она устала от того надрыва что возник в ее душе с того самого момента, как посланный с крейсера истребитель расстрелял на орбите беззащитный транспорт.

Да, именно с той секунды начался страшный счет ее потерь…

Неужели еще и Рорих?!

Саша почему-то не хотела в это верить. Из скольких ситуаций ему удавалось выпутываться. Он не мог погибнуть… Не мог…

И, словно в подтверждение ее безумной надежды, в оплавленном скате брони приближающегося «Фалангера» со звоном откинулся люк, откуда высунулась голова Рориха.

Он был без гермошлема.

Знаком показав Эйзиз, что с ними все в порядке, он выразительным жестом указал на опущенный к земле створ грузового портала, давая понять, что в любую секунду он может закрыться.

Саша кивнула, как будто Рорих и вправду мог увидеть этот жест через оптический триплекс ее рубки, и заставила своего «Фалангера» шагнуть на наклонный пандус.

Машина фон Риттера, неуклюже раскачиваясь, уже карабкалась вверх. Голова Эрни продолжала торчать в открытом люке, и Эйзиз вдруг почувствовала, как ее переполняет давно позабытая, прямо-таки детская радость. Раз Эрни не управлял роботом, значит, с Ником тоже все в порядке и это он ведет машину к четкому прямоугольному провалу грузовой рампы.

«Фалангер» Эйзиз чуть отстал от ковылявшей впереди изрядно покалеченной машины. Остановившись на краю наклонной плиты, она в последний раз отсканировала пространство посадочных полей и, убедившись, что их никто не преследует, начала подниматься по пандусу.

Она не успела дойти до конца, когда гигантский створ дрогнул и начал медленно подниматься вверх, закрывая собой прямоугольный проем грузовой рампы.

На борту крейсера наконец опомнились.

Саша остановила машину, предоставив плите спокойно поднять ее на уровень пола грузового шлюза. Пока закрывался портал, Рорих, не теряя времени, спокойно отстрелил все видеосканеры, воспользовавшись импульсной винтовкой Николая, и, убедившись, что автоматика шлюза ослепла, выбрался из люка, ловко карабкаясь по горячей оплавленной броне «Фалангера». В зубах Рорих сжимал жгут разноцветных проводов и наспех собранную из кусков проволоки антенну.

«Он неисправим», — подумала Саша, глядя, как Эрни ловкими, точными движениями восстанавливает связь.

Плита под ступоходами ее робота с тихим шелестом пневматики встала на место.

Они были внутри корабля.

Глава 14

Борт крейсера «Громовержец». Район первой грузовой палубы

Темные фигуры в фототропных бронескафандрах, разбившись попарно, бежали по туннелеобразным коридорам корабля.

Хлесткие фразы команд, то и дело раздававшиеся в коммуникаторах космических пехотинцев, подстегивали бег, выбивая из головы все лишние мысли.

Важным моментом в жизни каждого из них оставались лишь спина бегущего впереди да тот приказ, что злобными окриками вбивался в мозг.

Уничтожить!

Существуют моменты, когда события в восприятии их участников пересекают грань реального, наполняясь каким-то зловещим смыслом.

У Эйзиз, фон Риттера и Рориха, а уж тем более у Ваби на борту корабля не могло сыскаться ни случайных, ни сознательных союзников.

Пока экипаж расстрелянного на орбите транспорта существовал где-то в отдалении от «Громовержца» и информация о нем варьировалась от неясных слухов до грубых выпадов командиров, такие союзники вполне могли найтись, по крайней мере у Эйзиз.

Теперь же, гулко стуча магнитными подошвами по металлическим трапам, каждый из бегущих вдруг начинал осознавать, что крейсер, который они столько раз проклинали в полупьяных дебатах за кружкой пива в увольнении, по сути и есть их дом, потому как за обшивкой корабля не было ничего, кроме враждебных болот отравленного мира…

В этой связи, кто бы ни покушался на корабль, он становился личным врагом каждого из бегущих.

Естественно, ни Николай, ни Саша, ни Эрни Рорих не думали об этом.

В душе Эйзиз были совсем иные чувства, и поэтому она, заметив, как дрогнул и начал открываться внутренний створ грузового портала, сделала знак Николаю и Рориху, чтобы те не открывали огонь.

Смерть, бушевавшая вокруг нее в течение нескольких суток, сделала Эйзиз чуть человечнее, чем прежде. Впервые с того самого момента, как она сменила форму кадета на офицерский мундир, лейтенант Эйзиз поняла, сколь глубоко заблуждалась все эти годы, и как следствие — она признала за другими право ошибаться и прозревать.

Возможно, что это был самый роковой и ошибочный момент атаки, но Саша вдруг поняла, что не может больше кривить душой во имя

достижения какой-то конкретной цели. Слишком много таких туманных, недосказанных, недопонятых вех кровавыми пятнами таились в ее личном прошлом

Сейчас все изменилось коренным образом. Выжить вдруг оказалось достаточно легко, но она хотела большего. Она хотела не выжить, а жить. Жить так, чтобы не просыпаться среди ночи в холодном поту от навязчивых кошмаров.

Ее нельзя было судить за это.

…Бронированный створ шлюза поднимался к потолку грузовой палубы очень медленно, словно автомат намеренно тянул время, давая обеим сторонам прочувствовать весь напряженный трагизм этих последних секунд перед открытым столкновением.

Когда щель расширилась настолько, чтоб в нее мог пройти пятиметровый «Фалангер», Саша не колеблясь тронула рычаги управления и повела свою машину вперед.

— Не стреляй! — категорично приказала она Ваби, красноватые глаза которого вспыхнули зло и азартно, как только за срезом поднимающейся к потолку плиты он увидел рассыпавшиеся за укрытиями из контейнеров темные фигуры.

Саша машинально отметила, что среди скорчившихся за укрытиями фигур сканеры отследили всего несколько человек в фототропной броне пехоты. Остальные были либо техниками, либо младшими офицерскими чинами, в основном с летной палубы.

«Неужели мы положили почти весь личный состав?» — колыхнулась в ее мозгу мысль, но времени развить ее уже не было. Если бы Саша знала, как близка к истине ее догадка…

«Фалангер» резко взвизгнул сервами и остановился.

Вид огромной боевой машины, ступившей на грузовую палубу крейсера, оказался столь ошеломляющим, что слова команды застряли в горле у офицера, руководившего операцией на этом ярусе корабля.

Первой заговорила Саша. Внешние динамики аудиосистемы «Фалангера» сухо щелкнули и вдруг зазвучали чуть хрипловатым, грудным голосом Эйзиз:

— Не стреляйте!.. Мы не враги! Я говорю от имени всего экипажа погибшего транспорта «Геракл», члены которого, как и вы, были обмануты корпорацией «Генезис». Нас используют для достижения грязных, бесчеловечных целей…

— Огонь!!! — замешкавшийся офицер наконец справился со своими эмоциями. — Огонь!!!

Кто-то подчинился. Несколько одиночных выстрелов грянули средь наступившей тишины, и разрывные снаряды, выпущенные из импульсных винтовок, звонко ударили в броню «Фалангера», который даже не пошатнулся от этих комариных укусов.

Эти выстрелы возымели совсем иное действие. Они сорвали лавину, которую уже нельзя было остановить.

Вслед за одиночным огнем внезапно полыхнул дружный залп, и по броне боевой машины заплясали разрывы, выбивая куски керамлитового сплава.

В ответ раздался утробный вой сервоприводов двух «Фалангеров», и с машины Эйзиз оглушительно ударила автоматическая пушка.

Грузовой ангар моментально превратился в ад, наполнившись выстрелами, дымом, вспышками разрывов и беспорядочными выкриками.

Посреди дымного хаоса тяжкой поступью шел «Фалангер» Эйзиз, поворачивая торс то в одну, то в другую сторону, а с его оружейных пилонов, не смолкая, били два автоматических орудия, разнося в пластиковую щепу прочные грузовые контейнеры и расшвыривая по залу их содержимое.

Никто не решался встать на пути атакующего робота, которым, как казалось, управлял сам дьявол.

Но сокрушительная атака длилась недолго.

Машина фон Риттера присоединилась к Эйзиз, и они бок о бок прошли весь ангар до следующей стены, в которой оказались прочно сомкнутые ворота грузового лифта.

Сбоку и сзади еще щелкали одиночные выстрелы, но сопротивление тех, кто пытался остановить их у входа в ангар, было подавлено — немногие из оставшихся в живых к этому моменту уже потеряли всякую боеспособность.

Невзирая на удушливый дым, что расползался по развороченной палубе, и шальные выстрелы, все еще сверкавшие из сумрака, который уже не мог разогнать потускневший свет выбитых плафонов, Эрни, словно издеваясь над самим понятием «опасность», выскочил на лобовой скат брони шагающей машины и, спрыгнув на палубу, ужом скользнул к контрольной панели управления лифтом.

Ему потребовалось меньше минуты, чтобы уговорить автоматику открыть створ.

Оставив за собой разоренную палубу, два «Фалангера», сотрясая своей поступью весь корабль, тяжко шагнули в ярко освещенную коробку грузового подъемника.

* * *

— Куда?! — резко спросил Popиx, задрав голову.

Саша откинула люк. Ее лицо, опять принявшее землистый оттенок, казалось бесконечно изможденным. Губы Эйзиз были упрямо поджаты.

— На самый верх, Эрни, так высоко, как только сможешь… — ответила она.

Popиx склонился над вскрытой панелью управления лифтом.

В днище машины Эйзиз внезапно открылся неприметный круглый люк, и оттуда на рифленый металлический пол подъемника звонко посыпались пустые обоймы отстреленных боекомплектов.

Это Ваби, безмерно гордый собой, перезаряжал автоматические орудия.

Похоже, он был единственным, кому начало схватки за крейсер доставило истинное удовольствие.

Ваби был прост в своей первобытной кровожадности и не пытался скрыть это.

Грузовой лифт дрогнул и, набирая скорость, понесся вверх.

* * *

Дойдя до отметки «двенадцатая палуба», бегущий огонек индикатора остановился, и легкое жужжание приводов возвестило об открывании дверей.

— Не останавливаться!

«Фалангер» Эйзиз, дав залп из четырех автоматических пушек, шагнул вперед, едва не зацепив своими оружейными пилонами все еще находившиеся в движении створы грузового лифта.

Несколько техников в панике скрылись, что-то истошно крича на бегу, и помещение, куда вошел шагающий робот, опустело.

Машина фон Риттера тяжкой поступью следом вышла из лифта и остановилась.

«Фалангер» Саши повел торсом из стороны в сторону. Она явно пыталась вспомнить этот отсек.

— Ник, у нас проблема… — негромко предупредила она.

Из небольшого ангара, куда их доставил грузовой лифт, вела всего одна дверь, за которой скрылись перепуганные техники. Саша резко развернула робота и еще одним мощным залпом выбила ее.

Проблема заключалась в том, что «Фалангеры» не могли пройти дальше.

Николай подвел машину к выбитому проему.

Потолок этого яруса явно не был рассчитан на внушительный габарит шагающих механических монстров.

Критически осмотрев низкий потолок, который на высоте двух с половиной метров обрывался сплошным монолитом межпалубной переборки, фон Риттер заставил своего «Фалангера» присесть, поджав ступоходы, но даже в таком, сложенном положении огромный робот никак не вписывался в низкий проем…

— Все, приехали… — констатировал Рорих, отстегиваясь от кресла, которое он только успел занять.

Николай молча скинул упряжь страховочных ремней и, ни слова не говоря, вскарабкался через люк на оплавленный скат лобовой брони.

Эйзиз тоже покинула кресло и стояла на скате рубки своего робота.

— Что дальше? — присев на корточки, спросил Николай, напряженно вглядываясь в ярко освещенный и совершенно пустой коридор.

— Пешком, — коротко ответила Саша, болезненно восприняв его сухой и деловитый тон. В эти страшные, непонятные минуты их совершенно неправдоподобной операции ей, возможно, впервые в жизни хотелось человеческой нежности и участия, но обстановка опять не располагала…

И тем не менее она ничего не могла поделать со своим так некстати перевернувшимся сознанием. Мысль о таящейся вокруг смерти, которая могла в любую секунду настичь их, только усиливала это болезненное желание тепла…

«Командная палуба номер два. Вход только по специальным пропускам», — прочел Николай фосфоресцирующий указатель.

Рядом с ним сверху спрыгнул Ваби и тут же пружинисто выпрямился, окидывая пустой коридор недобрым взглядом. Звериное чутье карлика безошибочно подсказывало ему, что не должно быть такой тишины. Не должно.

Вопросительно посмотрев на Рориха, который, сжимая в руке тяжелый автоматический пистолет, напряженно вглядывался в глубину прямого как стрела коридора, он лишь глухо заворчал, высказав свое мнение на языке болот, и отступил под прикрытие простенка. Ему не нравилось торчать на открытом месте.

Николай вопросительно посмотрел на Сашу.

Его взгляд красноречиво спрашивал: «Пойдем?»

Эйзиз отрицательно покачала головой. Она тоже имела свое чутье и понимала, что все это не к добру.

Взглядом указав на расположенную в потолке вентиляционную решетку, она отступила на шаг и вскинула импульсную винтовку.

Сухой треск выстрела смешался со звоном разлетающегося металла. По стенам коридора визгливо чиркнуло несколько осколков.

Рорих первым метнулся вперед и припал на одно колено прямо под выбитым вентиляционным отверстием, держа под прицелом все пространство коридора.

Саша, не медля ни секунды, метнулась за ним, использовав плечо Эрни как ступеньку, и, уцепившись левой рукой за горячий край отверстия, закинула свое тело в вентиляционную шахту.

Вслед за ней этот маневр повторили Ваби и фон Риттер. Оказавшись наверху, Николай протянул руки и подхватил Эрни, который с ловкостью акробата оттолкнулся от пола, буквально взмыв вверх…

— Куда теперь? — отрывисто спросил он.

— Вперед и вверх. Так далеко, насколько сможем, — ответила Саша. — Нужно попасть в район главного поста управления, пока они не опомнились… Закройте забрала шлемов, — предупредила она, — по вентиляции могут пустить газ.

Николай молча задвинул лицевую пластину и полез вперед.

Но везение, пусть даже помноженное на отчаяние и профессионализм, не могло длиться вечно. Их было слишком мало для захвата крейсера, и состояли они из живой плоти, а не из высокопрочных сплавов.

Эрни, замыкавший движение, только тронулся с места, когда в стене коридора открылась дверь и оттуда выскочили двое компехов, сгибаясь под тяжестью бластерной пушки. Увидев контур «Фалангеров», застывших за выбитой выстрелами дверью, они мгновенно развернули орудие, которое уже было заранее установлено на треногу, и произвели один-единственный выстрел… В условиях замкнутого пространства корабельных отсеков эффект был воистину чудовищным.

Командир «Громовержца», не уповая больше на личный состав, решился на крайнюю меру. Он так хотел уничтожить их, что не поскупился на часть командной палубы.

Шар огня прокатился по коридору, вышибая двери отсеков, а перед ним летело нестерпимое голубое свечение, от которого размягчался металл и мгновенно вспыхивала пластиковая облицовка стен.

Николай, который полз первым, успел лишь заметить, как задымился покрытый отложениями грязи пол вентиляционного тоннеля, а затем огонь через расположенную впереди решетку проник в узкий канал вентиляционной системы и ударил по скорчившимся фигурам…

* * *

Николай понял, что падает.

Пол под ним внезапно провалился и кусками полетел вниз, влипая в обугленное покрытие коридора мягкими шлепками.

Что-то грузное и бесформенное навалилось сверху, придавив фон Риттера своей массой.

Как ни странно, но он не потерял сознания

Перед глазами мельтешил розовый туман, расцвеченный багряными искрами.

Сквозь неимоверное расстояние до него долетел отголосок чьих-то шагов и далекий, почти что нереальный голос:

— Сукины дети… Наконец-то я вас достал!

Кто-то со всего размаха пнул Николая в бок, отбросив его тело, словно тряпичную куклу.

— Дерьмо… Мразь! — новый удар обрушился на его ребра, с хрустом промяв пригоревшую к телу корку, в которую превратился оплавившийся материал скафандра.

Фон Риттер стиснул зубы, чтобы сдержать застрявший в горле стон. Он еще не видел, что произошло с Сашей… и Рорихом…

О судьбе Ваби он не хотел и думать — гермошлем карлика обычно был открыт, и в таком случае огненный вал не оставил мутанту ни единого шанса.

Боль дикими пульсирующими толчками перемещалась по его телу, но Николай воспринимал ее как явное ощущение жизни.

Розовый туман начал редеть, и сквозь него проступили смутные контуры присевшей на корточки фигуры. Если бы не смрад гари, что плотно висел в воздухе коридора, он смог бы ощутить запах этого человека. За спиной капитана Спаркса возвышались силуэты двух космических пехотинцев. Это были двое *последних* пехотинцев на всем корабле, но Николай не мог знать об этом.

— Крутые, да? Подонки… — лицо незнакомого капитана, выплывая из дурмана боли, начало приобретать конкретные черты…

Николай и сам не понял, как сумел оторвать от пола руку в оплавленной броне и ударить. Нос Спаркса поддался с отвратительным хрустом…

Охрана за его спиной шарахнулась в сторону, лапая кобуры, в которые они уже успели упрятать свои автоматические пистолеты, но Николай опередил их.

Действительно, какого еще сопротивления можно было ждать от четырех обгоревших тел, впаянных в обломки потолочного покрытия?..

…Он выпрямился с каким-то страшным, неестественным треском.

Задохнувшись от боли, Николай ощутил, как отслоилась от его тела короста обгоревшего скафандра. Лицевая пластина гермошлема лопнула еще при падении, и он только сейчас понял, почему мир видится ему через тонкую паутинообразную сеть трещин.

Впоследствии он даже для себя самого не мог с точностью воспроизвести этих страшных секунд. Так бывает при смертельном ранении — действуя в полном аффекте, практически мертвый человек иногда способен на немыслимые в обычных условиях усилия…

Николай не был мертв.

Он не дал капитану опрокинуться навзничь, схватив того за горло. Заслонившись командиром «Громовержца» как щитом, фон Риттер стиснул пальцы, отчего глаза пленника начали вылезать из орбит, и тихо приказал:

— Оружие на пол… Быстро…

Два автоматических пистолета без пререканий полетели ему под ноги. Ребята оказались совсем без характера.

Впрочем, в этот страшный миг данное обстоятельство меньше всего заботило полумертвого от боли фон Риттера.

Не отпуская горла капитана, который только хрипел, дико выпучив глаза, он нагнулся, подобрав пистолет охранника, а второй вялым ударом ноги отправил подальше…

Оружие жалобно звякнуло, отлетев в сторону.

Николай действовал, как в тумане. Взведя интегральный затвор, он нацелил пистолет в лоб одному из компехов.

Заметив, как тот смертельно побледнел, фон Риттер позволил себе чуть скосить глаза. Тела Саши, Рориха и Ваби лежали тут же, меж обрушившихся от температуры секций потолка…

Он пошатнулся, едва не потеряв сознание.

Тело Эйзиз слегка шевельнулось. Саша была жива. Ее гермошлем оставался закрыт и лишь почернел от адского пламени.

— Бери и неси… — хрипло выдавил фон Риттер растрескавшимися в кровь губами.

Очевидно, он выглядел просто страшно, потому что оба космических пехотинца, не сводя с него глаз, распластались по обугленной стене коридора.

Автоматический пистолет покачнулся в ослабевшей руке фон Риттера. С трудом удерживая сознание, он спустил курок.

Пуля звонко щелкнула о стену рядом с плечом охранника.

— Бери!.. — повторил свой страшный приказ Николай, приставив ствол пистолета к виску капитана Спаркса.

Компех подчинился.

— К-куда?.. — побелевшими губами спросил он.

— В рубку!

Пехотинец стоял как вкопанный, удерживая на весу обгоревшее тело Саши Эйзиз.

Николай понял — еще секунда, и он не сможет больше контролировать себя.

— Вперед! — прохрипел он, повернув пленника. — Ну?! Скажи своим людям, чтобы шевелились!

Взгляд капитана оказался красноречивее всех приказов. Он намеренно смотрел в сторону, упрямо не желая исполнять то, что требовал Николай.

В этот момент за спиной фон Риттера раздался шорох, сопровождаемый сдавленным стоном.

Он скосил глаза и увидел Рориха, который, выпроставшись из-под оплавившихся пластиковых обломков потолочных плит, сел, судорожными движениями пытаясь сорвать с головы обугленный шлем.

Наконец ему это удалось.

Металлопластиковый череп Железной Башки совершенно не пострадал, и только кожа на лице страшно покраснела и опухла.

— Ванг Шиист… — мучительно прохрипел он, попытавшись встать.

Наконец ему удалось приподняться, ухватившись за оплавленный выступ коммуникационной панели, украшавший оплывшую стену коридора.

Повернув голову, Рорих увидел немую сцену: Николай стоял, одной рукой удерживая за горло какого-то офицера, а другой приставив к его виску автоматический пистолет. Чуть впереди, в той части прохода, откуда был произведен выстрел, валялось перевернутое обратной взрывной волной бластерное орудие. Рядом с ним совершенно бледный, без единой кровинки в лице космический пехотинец удерживал на руках бессознательное тело Саши Эйзиз…

— Дерьмо Шииста… — хрипло повторил Рорих, болезненно выпрямляясь. Мутный взгляд Эрни уперся во второго компеха, который, воспользовавшись секундным замешательством Николая, медленно пятился в сторону ближайшей двери.

Рорих сделал неуверенный шаг вперед, не сводя с него горящих глаз. Пехотинец, очевидно, решив, что пора действовать, резко подался назад, но

Эрни, внешне такой апатичный, израненный и совершенно неопасный, вдруг неуловимым движением подхватил с пола второй автоматический пистолет, который Николай отшвырнул ногой за минуту до этого, и, выпрямляясь, выстрелил навскидку.

Обойма оказалась заряжена разрывными, и пластиковый косяк выбитой двери разнесло в мелкую крошку.

Космический пехотинец, забыв о бегстве, вскрикнул, инстинктивно схватившись за порезанное мелкими осколками пластика лицо.

Николай к этому моменту едва стоял на ногах, с трудом сфокусировав свое внимание на капитане, который словно воды в рот набрал от того неподдельного ужаса, что был написан на его посеревшем лице.

Заметив состояние Николая и мгновенно оценив ситуацию, Эрни перехватил инициативу.

Второй космический пехотинец, который пытался удрать от него, судя по форме, являлся офицером.

Глаза Рориха внезапно вылезли из орбит.

Николай, перед которым все еще плавал розовый туман, поначалу подумал, что Эрни сошел с ума, но, заметив, как точно тот двигается, немного успокоился, опять сконцентрировавшись лишь на том, чтобы не отпустить горло пленника и не упасть… Николай слишком хорошо понимал, что сейчас решится их судьба.

Тем временем Эрни, словно больной в эпилептическом припадке, дергаясь всем телом, добрался до оторопевшего компеха, который все еще пытался унять кровь, сочившуюся из многочисленных порезов на лице.

Удар Рориха опрокинул его навзничь.

Но еще до того, как лейтенант космической пехоты успел упасть, рука Железной Башки схватила его за шейное кольцо скафандра и рванула вверх.

Ствол автоматического импульсного пистолета, от которого резко пахло озоном после недавней стрельбы, разбил верхнюю губу компеха.

— Ты, сука… — страшно прохрипел Рорих. — Тебя не учили, что нельзя стрелять из бластера в помещениях?!

Это была явная чушь, но тут в силу вступил эффект психологического шока от запаха озона, солоноватого вкуса собственной крови и страшного, опухшего лица Железной Башки, на котором выделялась заменявшая один глаз крохотная видеокамера.

Лейтенант смертельно побледнел, что было заметно даже сквозь корку запекшейся на порезах крови.

— У меня был приказ… — угрюмо огрызнулся он.

— Приказ убивать невинных? Приказ застрелить ребенка? — взгляд

Рориха затравленно метнулся к скорчившемуся на полу телу Ваби. Он играл. Играл жестоко и правдоподобно.

Николай бы не решился на такое…

— Я не знал… Я не хотел… — лейтенант попытался вырваться, но ствол пистолета лишь глубже врезался в его губу.

— Я буду убивать тебя медленно… — свирепо пообещал Рорих, и видеокамера с легким жужжанием повернулась в глазнице из искусственной пеноплоти, парализовав лейтенанта своим холодным немигающим взглядом.

Губы лейтенанта внезапно дрогнули. Ему оказалось не по силам выдерживать это безумное нервное напряжение.

— Я не хотел… Я не знал… — вновь повторил он упавшим до хрипоты голосом.

— Код! — внезапно взревел Рорих, усилив нажим. — Код доступа на командную палубу!

При этих словах капитан Спаркс дернулся, но Николай каким-то чудом удержал его.

— Лейтенант! Я запреща… — Он не договорил, потому что Николай, собрав все силы, ударил его в висок, оборвав фразу.

— Код! — взревел Рорих, начиная медленно сдавливать гашетку.

Лейтенант, скосив глаза, выцветшим взглядом следил за медленным движением его пальца…

— Нет!.. Не надо!.. Вот! — он судорожно царапнул нагрудный карман.

Рорих отпустил шейное кольцо его скафандра.

— Это, что ли? — спросил он, выхватив из кармана плоский прямоугольник компьютерной карточки.

Лейтенант, прижатый к оплавленной стене, смог лишь кивнуть.

— Хорошо… поживешь еще… пока, — отрывисто произнес Эрни, с опаской оглянувшись на Николая. — Бери на руки ребенка и веди! — приказал он, обернувшись к лейтенанту. — Чуть дернешься — убью… — пообещал он.

Лейтенант прошел несколько шагов и поднял тело Ваби. Николай, который уже с трудом осознавал последовательность событий, все же умудрился удивиться и обрадоваться, заметив, что гермошлем на скафандре карлика оказался закрыт.

— Вперед, к лифту! — скомандовал Рорих. Поравнявшись с Николаем, который едва передвигал ноги, волоча повисшее кулем тело капитана, он быстро наклонился к нему и прошептал:

— Держись, Ник… Всего несколько шагов… Не показывай, что ты

сейчас упадешь, и мы сделаем их!..

Двери межпалубного лифта действительно распахнулись, подчинившись магическому воздействию пластиковой карточки.

Бесцеремонно втолкнув в лифт обоих пленников, Рорих посмотрел на световое табло указателя уровней и ткнул стволом автоматического пистолета в надпись «Ходовая рубка».

— Сюда! — приказал он.

Офицер послушно воткнул пропуск в щель считывающего устройства и одним пальцем набрал соответствующий код.

Двери лифта с шипением сомкнулись, и он, набирая ускорение, понесся вверх.

* * *

Скоростной подъем в отсек главного поста управления длился несколько минут.

Николай, прислонившись к подрагивающей стене лифта, из последних сил удерживал в себе зыбкую искру сознания. Он старался думать о Саше и о тех палубах, что проносились за стенами лифтовой шахты. В его представлении там было полно врагов, и все их предприятие казалось теперь Николаю не просто самонадеянным жестом горстки отчаявшихся людей, — вторжение на борт «Громовержца» больше смахивало на самоубийство.

Лифт, скользя по пневматической трубе запутанными дорогами внутренних коммуникаций исполинского крейсера, то притормаживал, то разгонялся, преодолевая повороты и уровни.

На одном из таких торможений внутри кабины произошло совершенно непредвиденное событие.

Ваби, безмолвно обмякший на руках вжавшегося в стену кабины лейтенанта космической пехоты, внезапно пришел в себя.

Тело карлика, облаченное в обгоревший скафандр с почерневшим гермошлемом, внезапно несколько раз конвульсивно вздрогнуло, словно того била судорога. Затем, не дав никому опомниться, он вдруг сжал кулак и с силой врезал им по закопченному забралу собственного шлема.

Очевидно, придя в сознание в полной темноте, Ваби здорово испугался.

Его удар по лицевому щитку привел к тому, что потерявший от температуры свои физические свойства сталепластик лопнул, покрывшись мелкой паутиной трещин, и прогнулся вовнутрь. Острые осколки посыпались на лицо Ваби, приведя того в состояние полного аффекта.

Вывернувшись из ослабевших от перенапряжения и страха рук лейтенанта космической пехоты, Ваби, пружинисто приземлившись на ноги, словно кошка, которая никогда не теряет чувства пространственной ориентации, дико закричал и одной рукой вырвал остатки забрала вместе с погнутым ободом, а другой выхватил нож.

Лейтенант, который вдруг оказался лицом к лицу с «ребенком», которого он только что держал на руках, совершенно потерял голову. Перекошенное и залитое кровью лицо мутанта настолько потрясло его, что он, потеряв остатки рассудка, вдруг отпрянул в угол кабины, откуда раздался его нервный, истерический смех.

Ваби, еще не до конца принявший своим разумом окружающую реальность, резко повернулся, очертив вокруг себя смертельный круг выставленным вперед клинком, что заставило и Николая и Рориха вжаться в стены кабины.

— Спокойно!.. — железная рука Эрни перехватила кисть карлика. — Спокойно, Ваби!..

В налитых кровью глазах мутанта медленно начало проступать осмысленное выражение.

— Больно… — внезапно осипшим голосом пожаловался он, узнав Рориха.

Эрни резко подался вперед, осматривая почерневший скафандр Ваби, пока не наткнулся на рваное отверстие в прочном материале, по краям которого уже запеклась кровь. Очевидно, падая среди обломков обрушившегося потолка, он налетел спиной на какой-то штырь.

Рана могла оказаться очень серьезной, но здесь, в лифте, Эрни ничего не мог с этим поделать. Он лишь присел на корточки и, заглянув в красноватые глаза Ваби, попросил:

— Потерпи, ладно?

Ваби кивнул. В дальнем углу продолжал истерически всхлипывать лейтенант космической пехоты. Его подчиненный безумными глазами смотрел на Ваби и Рориха, очевидно, даже не пытаясь понять, кто из этих двоих худший мутант — раненый карлик или человек с хромированным черепом, на который, словно рождественская маска, была натянута вздувшаяся и покрасневшая от ожога кожа лица.

Николай, отпустив капитана, потерявшего сознание, вдруг начал медленно оползать по стене.

В этот момент лифт резко затормозил и остановился.

Его двери с шипением начали разъезжаться, и синтезированный машиной голос доверительно сообщил:

— Главный пост управления. Попрошу всех приготовить личные пропуска.

Не дав дверям толком открыться, Рорих, словно безумный, прыгнул вперед, мимо сканирующих систем на входе, прямо в зал управления, где за многоступенчатыми приборными консолями сидело полтора десятка операторов.

Фактически это был весь экипаж «Громовержца», за исключением двух или трех техников да пары израненных летчиков, что в данный момент все еще пробирались среди усеивающих грузовую палубу дымящихся обломков.

* * *

Возможно, что в эти секунды Эрни Рорих создавал исторический прецедент, но сам он об этом не думал абсолютно.

Дернув за собой бесчувственное тело капитана Спаркса, чтобы заклинить им створки автоматических дверей лифта, он бросил ситуацию в кабине на попечение Николая и Ваби.

В этот момент у Рориха были дела поважней, чем контроль за двумя компехами.

Кубарем вкатившись в сферический зал управления, где, как правило, самыми громкими звуками был шелест охлаждающих вентиляторов компьютеров да сдавленное попискивание электронных сигналов, он, не дав опомниться находящимся там людям, резко выпрямился под аккомпанемент взвывшей на входе сирены и, разрядив автоматический пистолет в один из больших обзорных экранов, который с жутким грохотом обвалился на головы ошалевших от неожиданности офицеров и техников, дико заорал:

— На пол!!! Живо! Считаю до трех!

Почти все, кто в панике вскочил со своих кресел, вняли этому окрику, но нашелся среди офицеров и такой, кто не испугался дикого вида Рориха и его крика.

Эрни еще только разворачивался в сторону лейтенанта с летными нашивками на рукаве униформы, как со стороны лифта вдруг рявкнула короткая очередь, и офицер как подкошенный повалился на пол.

Обернувшись, Рорих увидел, как от входа в рубку идет Николай. В одной руке он сжимал автоматический пистолет, а другой тащил за шиворот капитана Спаркса.

Вслед за Николаем показался компех, на руках которого безвольно обвисло тело Саши Эйзиз. Вплотную за пехотинцем, пошатываясь, шел

Ваби, на ходу вытирая испачканный кровью клинок ножа.

Истерический смех в лифте почему-то оборвался.

Рорих быстрым движением нажал кнопку на рукоятке оружия, и расстрелянная обойма полетела на пол ходовой рубки. Вогнав запасную, он, не теряя ни секунды, рывком поднял ближайшего оператора и буквально втиснул его в стоявшее особняком кресло за отдельной приборной панелью.

Нельзя было останавливаться… Эрни понимал: замешкайся он на одно мгновение — и шок, в который повергло экипаж крейсера их стремительное, дерзкое нападение, окончательно пройдет.

— Набирай! — хрипло приказал он офицеру, для верности приставив к его голове ствол. — Закрыть все межпалубные переборки!

Офицер даже не стал возражать. Внезапное вторжение в святая святых корабля, куда попросту немыслимо было попасть чужакам, а тем более — вид пребывающего в плену командира крейсера, полностью подавили в нем всякие мысли о бунте.

— Быстрее! — подстегнул его Рорих, наблюдая за теми, кто распластался на полу.

— Я все сделал… — закончив вводить команды, дрожащим голосом произнес офицер. — Переборки закрыты… сэр… — мгновение помедлив, добавил он.

— Отлично! — Рорих резко развернулся, ища глазами Николая.

Фон Риттер, под охраной Ваби, склонился над Сашей, пытаясь негнущимися пальцами отстегнуть ее гермошлем. Наконец ему удалось сорвать замки, и он осторожно приподнял ее голову.

— Нож! — хрипло выдавил он, обращаясь к Ваби. Карлик не задумываясь протянул ему клинок. Николай, одной рукой поддерживая голову Эйзиз, другой осторожно ввел кончик клинка в обозначившуюся между гермошлемом и шейным кольцом скафандра щель

Слегка нажав, он услышал, как шлем отделился от кольца с легким треском отлетающей окалины. Глаза Саши были закрыты. На ее лице не было следов ожога, но его покрывала смертельная бледность. Внутри у Николая что-то оборвалось. Если она и дышала, то он не смог уловить этого.

Повернувшись, он встретился взглядом с Рорихом.

— Аптечку, Эрни, любую! — не то приказал, не то взмолился фон Риттер.

Рориха не нужно было просить дважды, да и тот офицер, что был усажен за пульт, едва взглянув на обожженное лицо Николая, понял, что

если этот человек не получит требуемого в ближайшие секунды, то за жизнь офицеров «Громовержца» никто не даст и ломаного гроша…

Резко вскочив, он под прицелом пистолета метнулся к встроенным в стену рубки шкафам.

— Противошоковую инъекцию! — крикнул Николай, увидев, что тот раскрыл комплексную аптечку.

Через десять секунд он уже держал в руках пластиковый цилиндрик автоматического инъектора.

Убрав обожженными пальцами с шеи Саши прядь волос, он прижал инъектор и замер, наблюдая, как ползет вниз столбик светового индикатора.

Конечности Эйзиз вдруг несколько раз конвульсивно дернулись. На ее губах выступила пена, а из горла вырвался не то вздох, не то сдавленный хрип, но для Николая этот звук прозвучал, как сладчайшая из мелодий…

Она была жива…

Он знал, что должен бросить все и идти на помощь Рориху…

Бережно опустив голову Саши на мягкий материал противоперегрузочного кресла, он, пошатнувшись, встал с колен.

Ваби, все это время терпеливо ожидавший исхода процедуры, тут же занял его место. Теперь за Сашу можно было не беспокоиться

Тем временем Рорих, насильно вернув оператора за пульт, диктовал ему новые и новые команды. Как техник, отлетавший не один год на кораблях подобного класса, он прекрасно представлял, что делает.

Офицер, исполнявший его приказы, внезапно поднял голову.

— Для этой директивы необходимо подтверждение полномочий… — неуверенно сообщил он. — Сканирование сетчатки глаза…

— Вводи! — оборвал его Эрни.

Офицер подчинился, и, словно в подтверждение его слов, в недрах приборной консоли что-то зажужжало, и оттуда через открывшуюся диафрагму выдвинулся красноватый шарик сканера, укрепленный на гибком стволе световода.

— Попрошу ввести данные по высшему командному приоритету, — прозвучал средь гробовой тишины гнусавый синтезированный голос.

Ни секунды не задумываясь, Николай рывком приподнял бессознательное тело капитана Спаркса и, подтянув того к сканеру, пальцами раздвинул его веко, приложив глаз к трепетному огоньку сканирующего устройства.

— Полномочия подтверждены, — спокойно резюмировал голос. — Приказ с соответствующим кодом будет транслирован по бортовой командной сети через две секунды.

Через несколько мгновений Николай услышал, как недра корабля разодрал гулкий, надсадный вой десятков сирен.

— ВНИМАНИЕ! КОД КРАСНОЙ ТРЕВОГИ! — разом грянуло из всех электронных глоток на десятках палуб огромного крейсера. — ВВЕДЕН ВЫСШИЙ КОМАНДНЫЙ ПРИОРИТЕТ! ВСЕМУ ЛИЧНОМУ СОСТАВУ ЗАНЯТЬ МЕСТА ПО РАСПИСАНИЮ ЭКСТРЕННОГО ДЕСАНТИРОВАНИЯ! ПОВТОРЯЮ…

Николай, как ни прескверно он себя чувствовал, все же не удержался и медленно опустился в операторское кресло.

Никто из лежащих на полу даже не посмел поднять головы.

Они действительно были в шоке. Каждый из них справедливо полагал, что спит и видит кошмарный сон, потому что горстка израненных, искалеченных людей не была способна на такое. ОНИ НЕ МОГЛИ ЗАХВАТИТЬ КОРАБЛЬ!..

— Мы взяли его, Ник… — тихо произнес Эрни, когда семь красных точек на мониторе собрались вместе. Семь человек… Только сейчас до Эрни и Николая дошел весь смысл показаний внутренних сканеров корабля. Семь человек плюс те, кто сейчас лежал на полу рубки, закрывая руками головы…

Николай, который уже больше не мог насильно удерживать свое сознание на грани реальности, поднял голову и, с трудом разлепив израненные губы, спросил:

— Что это за красный код, Эрни?

— Экстренная эвакуация всего личного состава в трех спасательных кораблях. Они пристыкованы в кормовой части, — пояснил он.

— И что, все там? Внутри автономной шлюпки? — не совсем веря его словам, переспросил фон Риттер.

— Ник, ты наемник, и, прости, тебе не понять, что такое настоящая дисциплина и субординация, — Эрни усмехнулся, позволив себе присесть на скошенный край боевой консоли. — Да, они все там, потому что с красным кодом не спорят. Команды такого рода просто слепо исполняют.

Он повернулся к застывшему в кресле офицеру и коротко приказал:

— Заваривай!

— Что… сэр? — ошеломленно переспросил тот.

— Выводи сварочного робота и заваривай внутренний люк стыковочного узла! — резко ответил Рорих. — Что тут непонятного? — добавил он, заметив, как смертельно побледнел офицер. — Мы не бандиты и не собираемся никого убивать. Это вы бандиты… вместе с Итемом и «Генезисом». А мы просто люди, которые откликнулись на сигнал SOS,

понятно?

— Так точно, сэр… — офицер еще не верил своим ушам. — А как же дальше?

— Очень просто… — грубовато оборвал его Рорих. — Выйдем на орбиту и отпустим вас ко всем дьяволам Элио… На каждой шлюпке есть гипердрайв, доберетесь как-нибудь, не маленькие… — он устало сплюнул на пол скопившуюся во рту горечь и обернулся к Николаю, но тот уже был возле Эйзиз.

Склонившись над Сашей, фон Риттер увидел, что ее глаза широко раскрыты, а губы беззвучно шевелятся…

— Коля… — прочитал он по движению ее побелевших губ, и у него вдруг отчего-то защемило сердце.

Превозмогая боль в обожженном теле, Николай сел на пол и осторожно прижал ее голову к своей груди.

— Мы взяли его, Саша… — тихо прошептал он — Взяли…

Бункер под руинами старого форта

Это был первый ясный день после постигшего Везелвул катаклизма.

Больное солнце час как взошло над курящимися дымкой испарений ядовитыми болотами. Ветер поутих, и небо, которое все еще хранило в своих глубинах зловещий темно-фиолетовый оттенок, было покрыто легкими разводами перистых облаков, сквозь которые сиял горячечный контур распухшего вишнево-красного шара искусственной звезды.

В подземельях старой колониальной тюрьмы по-прежнему висел плотный, осязаемый мрак, который лишь слегка разгонял желтоватый свет единственной лампочки, что падал из пролома в дальней стене, ложась на пол бункера бледным нездоровым пятном.

Внезапно свет потускнел. Это в проломе возникла чья-то сгорбленная тень.

Доктор Фрамер, пошатываясь, прошел несколько метров и остановился, подслеповато жмурясь на границе света и тьмы.

Он ровным счетом ничего не понимал. Последним горячечным воспоминанием доктора был остервенелый рев истребителя и близкий взрыв. Дальше следовала вязкая мгла беспамятства

Рядом возник какой-то шорох, и Гентри вздрогнул, потому что в ладонь внезапно ткнулось что-то влажное и холодное.

Посмотрев вниз, он увидел Черча, который, дрожа всем телом, остановился рядом, тревожно обнюхивая одежду Фрамера.

Только тут до сознания Гентри начало доходить, что вокруг стоит гнетущая тишина, которую нарушал лишь отдаленный ритмичный звук капели.

Обернувшись, он посмотрел в пролом, откуда только что вышел.

Придя в сознание несколько минут назад, доктор все еще пребывал в плену травматических воспоминаний, которые запечатлело его сознание.

Где Грегор? Где Николай? Ваби? Саша?

Фрамер почувствовал, как ставшее уже привычным чувство сдавливает грудь, вытесняя из нее воздух.

Подавшись назад, он споткнулся о край пробитого в бетонной стене проема и оказался в мрачном склепе. Под потолком тускло светила единственная лампочка, к которой тянулись брошенные по полу провода. В углу на импровизированном ложе из разбитых контейнеров лежало неподвижное тело в разодранном скафандре. Страшные, уродливые пробоины в броне покрывали бурые пятна свернувшейся крови.

Грудь человека тяжело вздымалась в такт редкому свистящему дыханию.

Поборов страх, Фрамер сделал шаг вперед и склонился над фигурой в скафандре.

Сквозь лопнувшее забрало шлема он увидел землисто-серое лицо Дерека Линкса. Внутри его изувеченного скафандра что-то щелкало и попискивало — это уцелевшие системы жизнеобеспечения и биологического контроля продолжали свою борьбу за его жизнь.

В руке раненого был зажат клочок оберточной пласт-бумаги.

Трясущиеся пальцы Фрамера коснулись его и осторожно высвободили из судорожно сжатых пальцев.

«Дерек, если очнешься, не паникуй. Мы сделали для вас с доком все, что могли. Идем на „Громовержец“. Будем живы — вернемся за вами.

Эйзиз, фон Риттер, Рорих».

Фрамера обдал холодный пот.

Присев на корточки, он прислушался к собственным ощущениям и покосился на плечо, которое отозвалось тупой, ноющей болью. Ему моментально стало плохо — доктор увидел повязку, на которой запеклась кровь.

«Значит, и меня ранило… — подумал он. — Но почему я ничего не помню?»

Покосившись на вздымающуюся и опадающую грудь Линкса, Фрамер

понял, что того лучше не трогать.

Несколько минут он сидел в странном оцепенении, пока не прошло липкое, отвратительное чувство страха и связанная с ним слабость. Потом, снедаемый тревогой и неизвестностью, он встал и, цепляясь руками за холодную шероховатую стену, пошел к пролому, за которым притаилась тьма.

Черч, который поскуливал где-то рядом, был единственным признаком того, что тут в этом мраке существует жизнь.

Мысли доктора путались, сбиваясь в какой-то иррациональный клубок. Все смешалось в его голове. Остановившись в проломе, он напряженно смотрел во тьму, пока его глаза не различили далеко впереди бледное пятно света.

Тогда, оттолкнувшись от стены, он пошел вперед.

* * *

Наверху уже наступил день.

Доктор Фрамер вскарабкался по усыпанному бетонными обломками пандусу и неуклюже выбрался через прямоугольный проем наружу.

Зрелище, открывшееся его взгляду в тусклом красноватом свете ясного, безоблачного дня, повергло Гентри в шок.

Вокруг простирался ровный слой искрошенного щебня.

Доктору понадобилось некоторое время, чтобы понять — это все, что осталось от того самого форта, куда его и Николая привел Ваби.

Переместив свой взгляд дальше, он увидел обугленный остов «Новы», который уродливым комом возвышался на самом краю оттаявшего болота.

Доктор сел на угловатый обломок стены, глядя в туманную даль.

Для него все было кончено. Фрамер с предельной ясностью вдруг понял, насколько он никчемен и беспомощен без поддержки окружавших его до сих пор людей.

Правда была жестокой и неприятной. Самое большее, на что он оказался способен, — это сидеть и беспомощно озираться вокруг, содрогаясь не то от холода, не то от нервного перевозбуждения.

Возле самой земли, у края болота все еще плавал зыбкий утренний туман, который не успело растопить своими лучами карабкавшееся вверх по небосклону светило.

Гентри смотрел на это эфемерное кружево, оцепенев от собственных мыслей.

«Если они погибли… — думал он, имея в виду Николая, Сашу, Рориха и Ваби, — что я буду делать дальше? Как жить? Куда идти?»

Он оказался один на один с собственной жизнью. Впрочем, нет… Был еще Линкс, которому нужна его помощь. И Черч, что так доверчиво ткнулся носом в его ладонь.

Однако несмотря ни на что Фрамер продолжал сидеть, уронив голову и бессмысленно глядя перед собой.

Он всю жизнь был трусом…

А чего бояться теперь, внезапно подумал он. Все самое худшее уже случилось с ним. Больше не было людей, которые подталкивали бы его вперед, думали за него, решали, помогали выжить… тех людей, что он ненавидел в глубине души и трусливо предавал на каждом шагу.

Гентри глубоко вздохнул. Ему вдруг вспомнился промерзший кабинет с сиротливым компьютером на самодельном рабочем столе. Те люди, что жили в старом форте, — чем они отличались от него? Он поднял голову и посмотрел вокруг. Ведь они тоже когда-то впервые ступили в туманное пространство отравленных болот, предоставленные лишь сами себе… и выжили!

Эта мысль казалась абсурдной и чуть ли не кощунственной. Они выжили, потому что были другими. Не такими, как он…

Гентри продолжал сидеть, а среди клочковатого тумана по самому краю болота двигались какие-то смутные тени.

Фрамер вздрогнул, уловив это движение, и поднял глаза.

Вдоль обугленного борта «Новы», вытянувшись длинной цепочкой, шла группа низкорослых мутантов, разительно похожих на Ваби. Док не успел ни испугаться, ни вскрикнуть, как они, словно призраки, скрылись за эфемерной завесой тумана.

Жизнь возвращалась на Везелвул.

Фрамер сидел, открыв от изумления рот, а в небесах медленно нарастал гудящий, вибрирующий звук…

Когда грузовой шаттл приземлился около разбитой «Новы», Гентри не шелохнулся.

Открылся люк, оттуда выскочил трап, и в проеме показалась чья-то до боли знакомая фигура.

И только спустя несколько секунд, узнав Сашу Эйзиз, Гентри вдруг закричал, хрипло и радостно, а навстречу ей, выскочив из-под земли, уже несся Черч, захлебываясь радостным, заливистым лаем.

* * *

Цепь дальнейших событий слилась для Николая в один нескончаемый провал беспамятства, освещенный редкими проблесками оставшихся в

сознании моментов.

Он помнил, как помогал Рориху связывать за спиной руки лежавших на полу рубки офицеров…

Потом его куда-то вели по гулкому, слишком ярко освещенному коридору…

Носилки с телом Саши покачивались на уровне пояса рядом с ним, но кто их нес, Николай совершенно не помнил.

Затем был ослепительный свет и нестерпимая белизна стен медицинских отсеков, и еще струи какого-то остро и неприятно пахнущего раствора, что омывали его искалеченную кожу.

Дальше наступил краткий миг блаженного небытия, наполненного таким покоем, что само возвращение в мир явилось для него своеобразной травмой…

Холодно…

Николаю тут же припомнилось его страшное пробуждение в криогенном зале колониальной тюрьмы, и он резко открыл глаза.

Он лежал на жестком пластиковом дне точно такого криогенного саркофага, чьи борта поднимались, словно отвесные стены, полностью перекрывая обзор, и лишь вверху на фоне белого ячеистого потолка маячил поднятый на двух телескопических штангах прозрачный колпак открывшейся камеры.

Внезапно в поле его зрения промелькнула смутная тень, и над краем саркофага появилась ухмыляющаяся физиономия Ваби.

Николай вздрогнул от неожиданности, но, узнав карлика, почувствовал ни с чем не сравнимое облегчение.

За силуэтом Ваби возникла еще одна фигура, и фон Риттер, присмотревшись, к своему изумлению, узнал в человеке, облаченном в белый халат, не кого иного, как доктора Гентри Фрамера!

— Док! — хрипло позвал он, и Фрамер повернулся, широко и виновато улыбаясь.

— Очнулись, Николай? — смущенно задал он абсолютно риторический в данной ситуации вопрос.

Фон Риттер напряг вялые мускулы и сел, отчего перед глазами мгновенно замельтешили разноцветные искры.

— Не так резко, Николай, прошу вас!.. — раздался голос дока.

Цветные мухи постепенно исчезли, и фон Риттер, наклонив голову, с удивлением увидел собственное тело, которое сплошь покрывали участки свежей бледно-розовой кожи.

— Регенерация тканей закончилась всего час назад, — пояснил док,

обойдя его камеру, чтобы оказаться у приборной панели. — Не надо делать резких движений, и вообще поосторожнее с ней, — док, очевидно, имел в виду молодую кожу, сформировавшуюся на тех участках тела, где материал его скафандра намертво прикипел к плоти.

Фрамер что-то нажал на пульте, и пол камеры медленно поехал вверх, поднимая тело Николая на уровень бортов.

— Что с Сашей? — спросил он, опираясь на плечо Ваби, чтобы выбраться из своей импровизированной усыпальницы.

— Она в порядке, — заверил его Фрамер. — И она, и Рорих, — поспешно добавил он. — Вы, Николай, пострадали больше всех, ведь, как сказал мне Эрни, вы первым оказались под огнем, рванувшимся по вентиляционной шахте.

Николай кивнул, свесив ноги с края камеры.

— Есть какая-нибудь одежда? — осведомился он.

— Да, конечно… — Фрамер подал ему сложенный комплект обмундирования космического пехотинца.

Николай не стал спорить. Мундир так мундир.

— Сколько прошло времени? — спросил он, натягивая стерильную, пахнущую каким-то дешевым освежителем одежду.

— Двенадцать часов, — ответил Фрамер. — С того момента, как меня забрали из этого ужасного подвала и доставили сюда, — поспешил добавить он.

— А Линкс?

— Он тут, — с готовностью сообщил док. — Все еще не приходил в сознание, но жизненные показатели стабильны, и медицинский компьютер дает хорошие прогнозы.

— Значит, все же пришлось стать настоящим доктором, а? — спросил Николай, закончив одеваться.

— Да уж, пришлось…

Фон Риттер попытался встать, и Ваби, все это время стоявший возле камеры, с готовностью подставил ему свое плечо.

Коснувшись ногами пола, Николай сразу же уловил характерную, едва ощутимую вибрацию.

— Мы в космосе? — удивленно спросил он.

— Да, уже несколько часов, — ответил Фрамер и отвернулся. Он боялся встречаться взглядом с фон Риттером, потому как знал — Николай еще не в курсе той незавидной роли, что сыграл док в финале трагедии, разыгравшейся на территории старого форта. Об этом знал лишь Эрни Рорих, но тот почему-то молчал, словно набрав в рот воды, и Фрамер все

это время мучительно размышлял над этим.

В конце концов, ведь это он был повинен в том, что люди с «Громовержца» обнаружили «Нову»…

— Значит, все, док? Отмучились? — Николай посмотрел на Фрамера и с удивлением увидел, как тот отрицательно покачал головой.

— Нет, Николай, — внезапно произнес тот. — Я возвращаюсь. На Везелвул.

— Да ты что, Гентри? В своем уме?! — изумлению фон Риттера не было предела.

— Возвращаюсь, — вновь произнес Фрамер, и на его лице проскользнуло какое-то совершенно не присущее ему выражение. Словно у ребенка, который внезапно повзрослел… — Я единственный служащий корпорации, который остался в живых, — пояснил он. — Через несколько часов в систему прилетит корабль с представителями колониальной администрации. Я остаюсь, чтобы встретить их и рассказать правду…

— Но мы… — начал было фон Риттер, но осекся.

— Наши пути расходятся, — неожиданно оборвал его Фрамер. — Вам нельзя представлять интересы Везелвула, а нужно улетать как можно скорее. Вы в глазах властей Окраины — преступник, осужденный… Остальные, — он имел в виду Линкса, Сашу и Рориха, — бандиты, уничтожившие высланный на помощь Везелвулу корабль. Как ни крути, остаюсь только я — единственный человек из персонала, которому удалось пережить катастрофу с солнцем…

— Но, док. А если…

— Если мне заткнут глотку? — Фрамер вздохнул и отвернулся. — Тогда придется действовать вам. Но уже из другого места и по другим каналам… Вот этого, — он указал на невзрачную записную книжку и выдранный из компьютера жесткий диск, — этого должно хватить. Здесь данные исследований, что проводили ученые, в том форте, среди болот. Рорих снял копии, а оригинал я заберу с собой. — Фрамер вдруг обернулся и посмотрел на Николая. — Знаешь, Ник, я благодарен тебе… И всем вам. Не за то, что выжил, а за то, что возвращаюсь… — внезапно признался он. — Давай не будем прощаться… Просто передай Рориху, что я иду в шаттл. Пусть откроет шлюз…

* * *

— Первый, пошел! — удовлетворенно произнес Рорих, глядя, как от огромной глыбы «Громовержца» отделилась длинная сигарообразная спасательная шлюпка.

Легкий толчок, поколебавший гигантский крейсер, возвестил еще об одном старте.

— Второй отделился, отлично… Надеюсь, у этих парней хватит мозгов на то, чтобы не брать курс на систему Онтарио… — произнес он, наблюдая, как второй спасательный корабль отвалил от «Громовержца».

В этот момент громкий сигнал возвестил о прибытии капсулы скоростного подъемника.

Рорих и Эйзиз, которые сидели в разных концах поста управления, одновременно обернулись и увидели, как в рубку, опираясь на плечо Ваби, вошел Николай.

— О, нас прибыло! — жизнерадостно поприветствовал его Рорих. — Извини, Ник, ответственная операция… — он вновь повернулся к приборным панелям, которые требовали постоянного внимания от того, кто руководил их работой.

Николай, сам того не замечая, практически полностью проигнорировал Рориха.

Он смотрел на Сашу, а она, наполовину обернувшись вместе с креслом, неотрывно смотрела на него.

Оба понимали, что это, возможно, самый важный миг в их жизни…

Эпилог

Этим ранним погожим утром космопорт планеты Ганио жил своей обычной, размеренной жизнью.

Светило системы, Халиф, уже взошло над пыльным горизонтом пустыни, которая со всех сторон окружала столицу планеты — громадный мегаполис, протянувшийся на сотни километров в стороны и вверх. Древние основатели города были бесхитростны и, не ломая голову, назвали свою столицу Ганиопортом.

Волны барханов наступали на город, который возвышался среди пустыни тысячеэтажной глыбой, но изъеденные эрозией обсидиановые стены цокольного яруса равнодушно отражали нескончаемый натиск стихии, и бессильные ветра поневоле обтекали город стороной, выбивая из древних стен лишь монотонный надоедливый шелест трущегося о камень песка.

По утверждению ганианцев, город был незыблем, как сама Вселенная. Потомки древних мусульман уже успели забыть, что их предки появились тут чуть более тысячи лет назад. Планета с такой древней историей действительно казалась вечной, и доверчивые туристы охотно выслушивали сказки местных экскурсоводов, дивясь с защищенных от ветра и песка парапетов на экзотичные силуэты гордо вышагивающих по песку верблюдов. Они действительно верили, что эти двугорбые создания есть плод истинно местной эволюции.

Впрочем, широкую известность этой пыльной и жаркой планете, затерянной на самом краю скопления Центральных миров, принесли отнюдь не верблюды.

Уже много веков Ганиопорт был своего рода негласным галактическим центром наемников и флибустьеров различных мастей и толков.

Помимо темнокожих жилистых ганианцев, предки которых сыграли в свое время решающую роль в борьбе Космического халифата с Центральными мирами, здесь можно было встретить представителей практически всех планет Галактики.

Колыбель Раздоров — так в просторечии именовали эту планету, и, немного побродив по ее столице, любой человек мог убедиться в справедливости такого названия.

Здесь заключались самые немыслимые сделки, отсюда тянулись корни

многих событий, которые впоследствии занимали свое место на страницах учебников истории. Тут можно было завербовать и вооружить целую армию — были бы деньги, а все остальное, как любили выражаться сами ганианцы, — в руках Аллаха и Шииста.

Сейчас, после развала Конфедерации, когда набирала обороты негласная борьба сотен мощных корпораций Окраины за передел рынков сбыта и сфер влияния, планета Ганио стала весьма популярна. Как ни странно покажется на первый взгляд такое утверждение, но именно популярность завербованных на Ганио наемников стала причиной царящего тут в последние несколько недель относительного затишья. Шумные улицы города опустели, различные заведения сиротливо светили своими красочными вывесками, зазывая редких прохожих, по улицам слонялись в основном мрачные, неряшливо одетые, подозрительного вида солдаты, которые больше походили на опустившихся погонщиков верблюдов, чем на профи.

Целая цепь локальных корпоративных войн вычерпала отсюда практически весь более или менее достойный контингент наемников, оставив слоняться по улицам откровенных неудачников и бродяг.

…Этим утром восход ослепительного ядовито-голубого Халифа совпал с посадкой очередного орбитального челнока.

На этот раз прибывших на планету было всего пятеро, если не считать за пассажира челнока беспородного пса, который первым сбежал по трапу, подозрительно принюхиваясь к сухому горячему ветру.

Лейтенант внутренней службы космопорта Юсуф Аль-Хали жадно разглядывал затянутый желтой пылью экран монитора. Он ожидал, что с этим челноком прибудет его брат, два месяца назад в составе наемной группы покинувший Ганио, но, к его разочарованию, сквозь оседающее на глазах облако пыли у опущенного трапа челнока проступили фигуры пятерых совершенно незнакомых инопланетников.

Первым по трапу спустился рослый незнакомец в униформе космической пехоты, какую носили на планетах Окраины.

Мониторы автоматически взяли увеличение, показав серебристый язык трапа, по которому медленно спускался этот странный пассажир.

Он был одет во все черное — черный облегающий комбинезон, черные сапоги, черное кепи, и две резкие черные тени — от восходящей звезды и близкого прожектора, змеились в горячем мареве за его спиной.

Ганианец невольно подался вперед. В фигуре незнакомца было что-то захватившее его воображение. Сканеры системы слежения давали лейтенанту полный эффект присутствия, — он видел, как по броне

посадочного модуля пробегают сполохи статического электричества, слышал потрескивание остывающего керамлита, даже чувствовал жар, от которого хотелось заслониться ладонью, но человека в черном, похоже, не волновали мелкие неудобства. Он остановился, широко расставив ноги, на краю вогнутой чаши посадочного порта, перед лениво бегущей вниз лентой эскалатора, спокойно изучая окрестности.

Аль-Хали заерзал в кресле.

Ему совершенно не понравилась реакция незнакомца на апокалиптический восход Халифа. Люди с других миров плохо переносили свет яростной голубой звезды, колкий, бьющий в лицо песок и отсутствие элементарных признаков цивилизации возле засыпанных песком посадочных терминалов. Нормальный человек, впервые попав на Ганио, начинает озираться и нервничать, — этот же стоял не шелохнувшись, и лишь его глаза спокойно исследовали горизонт. При этом на худощавом бледном лице, которое пересекал свежий розовый шрам, не дрогнул ни один мускул.

Взгляд лейтенанта скользнул выше, и он увидел, как в проеме люка показалась молодая женщина. В ее лице, тронутом бронзовым загаром космоса, было что-то не от мира сего, словно она прожила несоизмеримую со своим возрастом жизнь. Свою правую руку она почему-то держала согнутой в локте, пряча кисть за отворот расстегнутой до половины летной куртки.

Лейтенант напрягся. Он не любил пассажиров, которые что-то вот так прячут. Там, за темным материалом, вполне могло оказаться оружие.

Он подался к монитору, переключив сканирующий режим.

Опасения ганианца не подтвердились. Ему на мгновение даже стало немного стыдно, словно он заглянул в чужую душу.

У нее отсутствовала кисть руки, вместо которой за отворотом куртки был спрятан раздробленный протез.

Тот человек, что первым спустился по трапу, повернулся и протянул руку, помогая ей спуститься по металлическим ступеням. Оказавшись рядом со спутником, она остановилась, окинув взглядом пыльный горизонт, и что-то сказала.

Пока Аль-Хали наблюдал эту сцену, на ступенях трапа показалась следующая пара пассажиров.

Первым из проема люка вышел коренастый карлик. Остановившись на верхней ступеньке, он подслеповато зажмурился, отчего его налитые кровью глаза сузились, пытаясь найти компромисс между слишком ярким светом голубого солнца и желанием оглядеться вокруг. Вслед за ним

появился высокий мужчина, череп которого сверкнул в лучах восходящей звезды, бросив на остывающую броню челнока яркий блик. Слегка подтолкнув карлика мягким, почти отеческим жестом, он не спеша спустился по трапу, равнодушно осматривая горизонт посредством торчащей на месте правой глазницы миниатюрной видеокамеры.

«Наемники…» — вердикт лейтенанта Аль-Хали относительно прибывшей на планету группы был однозначен. Очередные искатели приключений, что каждый день прилетали на Ганио.

Он отвернулся от экрана, потеряв всякий интерес к вновь прибывшим.

Появившийся на верхней ступеньке трапа Дерек Линкс прихрамывая спустился вниз. Остановившись рядом с Ваби, он оперся на плечо карлика, болезненно поморщившись от совершенных физических усилий. Трап за его спиной уже втянулся вовнутрь челнока.

Саша, удерживая Николая под руку, обернулась к Ваби и строго сказала:

— Так, ты все запомнил, что я тебя просила?

Тот угрюмо кивнул, покосившись на дорожный кейс, который держал Эрни Рорих. Туда перед самой посадкой Саша упрятала его ножи.

Жизнь на этой планете обещала быть жаркой и скучной, как тот песок, что с шуршанием струился по стеклобетону, словно поземка на далеком Везелвуле.

…Где-то далеко вверху, на высокой парковочной орбите, скользил, сияя бриллиантовыми россыпями навигационных огней, огромный крейсер. В его отсеках было пусто и тихо, лишь сонно вздыхали насосы систем рециркуляции да изредка попискивали сигналы автоматических систем.

Он ждал возвращения тех, кто нырнул под шапку атмосферы.

Лейтенант Юсуф Аль-Хали включил сферу стереовизора. По каналу шло ежемесячное обозрение «Все миры».

Закинув ноги на пульт контрольных систем, ганианец прикрыл глаза, слушая, как хорошо поставленный голос диктора излагает краткую хронику всех сколь-либо значимых событий, произошедших за последний месяц.

Он скучал. До конца вахты оставалось еще целых три часа…

— …По данным информационного агентства «Ньюбл», в секторе Аллора произошел сбой в системах искусственного солнца на орбите небезызвестного планетоида Везелвул-12. Напомню, что этот мир был отравлен токсичными отходами еще во времена Конфедерации и сейчас находится под юрисдикцией колониальной администрации Аллора. Как сообщил пресс-секретарь администрации, сбой повлек за собой почти

полное замерзание атмосферы. Имеются жертвы среди постоянного персонала экологических миссий. В данный момент усилиями специалистов корпорации «Генезис», которая производит очистку и разработку токсичных топей многострадальной планеты, режим работы искусственного солнца стабилизирован. Как сообщил нам в интервью глава корпорации Роберт Итем, работы по очистке Везелвула будут продолжаться. Уже достигнуто соглашение с колониальной администрацией Аллора о продлении лицензии на добычу редкоземельных элементов путем полной вторичной переработки отходов, которыми был отравлен Везелвул-12 в период правления Конфедерации солнц…

А теперь о других новостях Окраины…

Жизнь продолжалась. Что-то возвращалось на круги своя, что-то менялось, и на фоне исторических катаклизмов отдельные судьбы и даже трагедии могли показаться мелкими и незначительными.

Но в этом мире ничего не проходит бесследно.

Ни лейтенант космопорта планеты Ганио, задремавший в своем кресле, ни пятеро пассажиров челнока, что в этот момент, в сопровождении пса по кличке Черч, подходили к стойке таможенного контроля, не подозревали, что грядут близкие перемены. Им еще предстояло узнать об этом, как и всей Окраине.

Возвращалась Эра Конфедерации солнц, эра старого закона и правопорядка, и первые ее ростки должны были пробиться именно тут, на Ганио.

Ну а пока они мечтали и думали, каждый о своем. Линкс болезненно морщился, опершись на таможенную стойку, Рорих со своим обычным спокойствием разглядывал раскинувшуюся прямо за панорамным окном порта площадь, по которой в двух направлениях текла людская река, а Саша, прижавшись щекой к плечу Николая, думала о том, что, быть может, этот мир подарит им немного покоя

Один Ваби неудовлетворенно озирался, с шумом втягивая воздух раздувшимися ноздрями. Ему не нравился пыльный воздух Ганио, и он чувствовал себя неуютно без своих ножей, но что-то глубинное, живущее внутри его подсказывало — скоро все станет как и прежде. Мир был полон проблем, и его клинкам не придется ржаветь на дне кейса, что держал в руках Рорих.

Будущее начиналось уже сегодня, и Ваби был единственным, кто оказался до конца прав в своих мыслях.

notes

Примечания

1

Везелвул — искаженное Вельзевул, глава демонов в западноевропейской мифологии (*прим. авт.*)